

РУССКАЯ РЕЧЬ

ISSN 0131 6117

ИЮЛЬ АВГУСТ

Академия наук СССР
Институт русского языка

4 '91

Научно-популярный журнал
издается с января 1967 года.
Выходит 6 раз в год.

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ:

- 3 **ТОЧКА ЗРЕНИЯ**
Л. П. Кременцов. Чему равно слово ©
- 8 **ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Н. И. Харджиев. Краткая история «вина кометы» ©
П. И. Иванов. «Милей родного брата...» ©
М. В. Тростников. «Я люблю на бледнеющей шпире в переливах растаявший цвет...» ©
Г. М. Пономарева. «В Европу прорубить окно...» ©
Л. Н. Дудина. Образ красоты в повести И. С. Шмелева «Богомолье» ©
- 26 **НАШИ ПУБЛИКАЦИИ**
Ив. Шмелев. Три рассказа и очерк ©
- 47 **АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ**
Геннадий Шпаликов ©
- 52 **КУЛЬТУРА РЕЧИ**
Е. Н. Ширяев. Что такое культура речи ©
Из дискуссии 20 х годов о культуре речи Л. П. Якубинский; С. И. Бернштейн; Д. Н. Ушаков
Л. К. Чельцова. Как писать бог или Бог? ©
Беседы о языке рекламы
Н. Н. Козлев. Психология восприятия и композиция рекламы ©
Ораторское искусство
Н. Абрамов. «Дар слова»

- 81 ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
О. Н. Трубочев. В поисках единства. «А кто там идет?» ©
Православные традиции: праздники, обычаи, обряды
 Объяснение Символа веры, молитв и заповедей
-
- 118 ОНОМАСТИКА**
А. В. Суперанская. Похоже, но не одно и то же ©
-
- 122 НА КАРТЕ РОДИНЫ**
Г. А. Галкин, В. П. Нерознак. Астрахань ©
-
- 127 ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
В. С. Шварцкопф. Серый кардинал ©
Г. Л. Зеленин. Обомшелый бурш ©
За знакомой строкой
И. А. Корнилавва. Эмигрантка Фальбала и другие ©
-
- 144 СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ**
А. В. Зеленин. Рэкет и ракетеры ©
-
- 147 СРЕДИ КНИГ**
М. Г. Булахов. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке. Краткий энциклопедический словарь
Л. А. Новиков. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого
 Готовится к изданию
-
- 154 ХРОНИКА**
 «Родной язык и национальная культура»
-
- 159 ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ**
Н. А. Еськова. Лингвистические задачи ©

Обложка выполнена Е. Чукаповой ©

чему равно
СЛОВО

Л. П. Кременцов,
доктор филологических наук

Обратили внимание? Из русской речи исчезла грубоватая поговорка, которая еще полвека назад попадалась то и дело: «Смотрит в книгу, а видит...» Говорят — устарела, все стали грамотными, читать научились. Может быть. Но расставаться с ней, пожалуй, все же преждевременно...

Процесс, о котором пойдет речь, начался давно. Временами он необычайно активизируется, привлекая к себе всеобщее внимание, временами на него перестают реагировать, но сам-то он при этом продолжает существовать. Сегодня, когда мы радуемся увеличению в нашем Отечестве числа граждан мыслящих, ищущих, творческих, этот процесс грозит стать серьезной помехой на избранном обществом пути. Речь идет о девальвации художественного слова.

Единственный вид искусства, с которым любой молодой человек в нашей стране может контактировать постоянно, — художественная литература. Уроки рисования и музыки в подавляющем большинстве учебных заведений влечат жалкое существование. Написал и подумал: а ведь, пожалуй, и литературу уже можно включать в этот же ряд, коли вести речь о фактическом положении предмета. Но не будем спешить: все-таки юридический статус литературы не сравнить с рисованием. Только вот на пользу ли это?

Молодые не говорят сегодня: я прочитал книгу Пушкина, но — мы *проходили* Пушкина. И это — совершеннейшая правда! Художественную литературу многие не только не читают, но еще и доказывают, что делать это не следует, приводя свои «убедительные» резоны.

Взрослый человек, инженер, пишет в столичную газету: «И в семье, и в школе мы не спешим заметить широкий шаг технического прогресса. Разве допустимо теперь столько часов уделять чтению, порой буквально принуждать детей к книге? Вы только загляните в списки рекомендуемой художественной литературы: шкафы!...

Вспомним паровоз. Кто спорит: великую службу сослужил, я бы ему даже памятник воздвиг. А на рельсах его не встретишь — вчерашний день... Такая же судьба, хотим — не хотим, ждет и книгу. Трудно ей конкурировать с телевидением да с чудо-техникой, что не сегодня-завтра хлынет в наши дома.

Я не ретроград, просто осмеливаюсь сказать о неизбежном. В общем, я полки книг громоздить у себя не собираюсь и двух своих школьников стыдить за равнодушие к чтению не буду. Только минимум! Как говорится в математике, необходимый и достаточный».

На страницах молодежной печати регулярно появляются письма школьников, интересующихся, зачем им в век атома и космоса читать книги, написанные в веке прошлом. «Кому он нужен этот Ленский?» — спрашивает группа молодых людей, ничего, видимо, не поняв в известном фильме С. Образцова, название которого они перефразировали.

Похожие материалы публикуются и на страницах других изданий. Поражает своим «глубокомыслием» следующая выдержка из письма в журнал «Литературное обозрение»: «Уровень жизни человека так повысился, что содержание классических произведений 19 века не отвечает целиком интересам наших учащихся». Там же можно было прочитать и такое откровение: «Литература должна нести максимум информации. Ни интересного содержания, ни такой информации у „Преступления и наказания“, по-моему, нет. Я уже не говорю о связи с современностью. Понимаю, эти книги, конечно, были в свое время прогрессивными. Но сейчас они просто устарели! Ни раскольниковых, ни базаровых в наше время не встретишь, а молодежь живет сегодняшним днем, ей нужны книги о современности».

«Непонимающих» и «отвергающих» увещевают высококвалифицированные специалисты. Работа нелишняя! Но пора понять, что дело не в заблуждениях, не в простой недооценке шедевров мирового искусства. Перед нами жертвы примитивного подхода к художественному слову, который десятилетиями насаждался со школьной скамьи. Конечно, надо помогать молодежи избавляться от синдрома «проходческого» отношения к литературе. Но куда важнее осознать корни, истоки бедствия. Каким образом произошла подмена ценностей? Почему в наших учебных заведениях давно перестали преподавать литературу (в понимании: изящная словесность!), заменив ее сугубо социологическим литературоведением? Почему годами в юные головы вдальбывается убогая мысль о том, что художественное произведение — это прежде всего и — главным образом — «правдивое отражение» конкретных

исторических событий? При такой постановке вопроса, действительно, заинтересуешься, кому он нужен этот Ленский?

Чему удивляться, что даже у детей, увлекающихся чтением художественных книг, среди самых нелюбимых учебных предметов оказывается ... литература. Это понятно: одно дело, когда юный читатель как бы «отключается» от окружающей обстановки и переходит в мир, созданный художником, — и совсем другое дело, когда читатель только бесстрастно фиксирует описываемые в произведении факты и события, чтобы подтвердить их «правдивость», написать очередное сочинение, получить оценку в дневник. В этом случае самые высокие достижения человеческого духа, самые тонкие и сильные чувства, самые яркие художественные картины будут восприниматься им как нечто постороннее, не органичное, лично его не касающееся, что изучать приходится лишь по суровой необходимости, не по внутренней потребности. От подобного — «проходческого» — обращения с художественной литературой в читателе и возникает состояние, которое с помощью упомянутой поговорки можно охарактеризовать как: «Смотрит в книгу, а не видит Слова».

Но глухая пора равнодушия к Слову, похоже, идет на убыль. Все больше людей узнает, что «вначале было Слово...»

Главная задача сегодня — восстановить или создать заново ясное понимание того, что собственно есть литература, что есть художественное слово. Только после этого возможно приступить к изучению проблем читательского мастерства, о котором ни в школе, ни в вузе и не слыхивали. Но это потом.

А пока... Вот готовая программа для разговора о художественном слове, позаимствованная из поэтического наследия А. Т. Твардовского:

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;
Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с половой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчёт любое слово
По курсу твёрдого рубля.

Искусство триединого восприятия: слова — идеи, понятия, слова — образа, картины, слова — звука, ритма — требует специ-

альной подготовки, особой тренировки. Вот чем следует заниматься на уроках литературы, а не затверживать опостылевшие формулы.

Коснемся только одной стороны триединой функции слова в художественном произведении, стороны понятийной, той самой, что более других страдает при современном положении вещей. Возможно, потому страдает, что о других сторонах — образе и звуке — речь пока практически не ведется.

Слово уподобляют сосуду, в который налит смысл. Но где взять словарь, учитывающий бесчисленные оттенки смысла и чувства, какие обретает слово в художественном тексте? Да и важно знание не только логическое, идущее от интеллекта, но и интуитивное, на тех же правах участвующее в формировании духовных ценностей.

Слово в художественном произведении скорее напоминает знаменитый бассейн из школьной арифметики. Через одни трубы вода в него вливается, через другие вытекает.

Не может не удивлять, что почти за сто лет до космической эры слово «спутник» в его теперешнем смысле впервые употребил Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Что станется в пространстве с топором?» — переспрашивает черт у Ивана Федоровича. — «Если куда попадет подалее, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора».

Для Достоевского топор был неслучайной деталью. Раскольников недаром убил старуху-процентщицу именно топором. Этот символ служил писателю в его идейном противоборстве с теми, кто позвал Русь к топору. История рассудила этот спор, и спутник-топор приобрел неожиданный и зловеющий смысл.

Течение времени вытесняет из слова один смысл и наполняет его другим.

Так много новостей за 20 лет
И в сфере звезд, и в облике планет.
На атомы вселенная крошится,
Все связи рвутся, все в куски дробится,
Основы распались, и сейчас
Всё стало относительным для нас...

Спросите школьника, студента: когда и кем написано это стихотворение? В 99 случаях из 100 вам скажут: в начале XX века. Мнения об авторе будут более разноречивы, хотя чаще других называют Валерия Брюсова. Но для многих окажется неожиданностью — автор стихотворения английский поэт Джон Донн (1572–1631). (Перевод осуществлен С. Я. Маршаком, мастером

своего дела; по мнению его коллег-профессионалов, перевод из Джона Донна адекватен английскому оригиналу и не содержит надуманных аллюзий.)

Дистанция в триста с лишним лет позволяет ощутить горизонты слова, задуматься о его непростой судьбе.

В начале 20-х годов нашего столетия неграмотной крестьянке прочитали главы «Евгения Онегина», где среди прочего говорится о предстоящей свадьбе Ольги и Ленского. Реакция оказалась неожиданной: «Быть беде: младшья поперек старшбй выскакиват».

По-своему правы: мальчишка, восхитившийся в пушкинском «Борисе Годунове» сценой в корчме: «Вот Гришка, это да! Его вот-вот схватят, а он к-а-а-к окно вышибет! Р-р-р-а-з — и убежал»; юноша, очарованный сценой у фонтана и выучивший ее наизусть: «Какая любовь, какие слова!»; зрелый, умудренный муж, потрясенный драмой Бориса Годунова: «Сколько лет России не везло на царей — то юродивые, то грозные, но все только себе, только для себя. А вот сел на престол царь с думами о государстве и народе, и такое несчастье».

Но есть и еще читатели. Они оценят не только то, что сказал А. С. Пушкин в своей трагедии, но и как сказал. Их восхитит удивительная гармония, соразмерность ее композиции, богатство и красота языка. У пушкиниста Д. Д. Благого они могут узнать, что Борис Годунов является в четвертой сцене от начала, исчезает в четвертой сцене от конца, самозванец же соответственно — в пятой, при этом появляется просыпаясь, а исчезает засыпая. Эти читатели убедятся, что интуиция их не обманула, что архитектоника трагедии строго выверена, что гармония здесь поверена алгеброй и, самое удивительное, что поэт не пользовался для этого никакими счетно-решающими устройствами.

Эстетические потребности — в природе человека, они заложены в нем от рождения. Сначала обстоятельства жизни, а затем и сам человек определяют уровень развития этих потребностей. Художественная литература в своих лучших образцах дает для этого развития универсальный материал. Каждый ищет и находит свой источник и удовлетворяет свою жажду. Каждый увидит в книге столько, сколько позволит ему его чувство Слова, впрямую зависящее от общей культуры, эрудиции, художественного вкуса. Пиетет к слову даст ему возможность понять, что обращение к произведению искусства (даже к хорошо известному) одарит его новыми открытиями, откровениями, радостными неожиданностями, ибо художественное слово равно бесконечности.

Краткая история «вина кометы»

Н. И. Харджиев

Налейте мне вина кометы <...>

*Из письма А. С. Пушкина
Я. Н. Толстому от 22 сент. 1822 г.*

Вина кометы брызнул ток <...>

А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»

В стихах А. С. Пушкина «вино кометы» упомянуто дважды. Однако комментариисты пушкиноведы к этим строкам настолько лаконичны, что в сущности ничего не объясняют.

Как известно, обильный урожай винограда в 1811 году французы связывали с появлением кометы.

С. М. Бонди в отдельном издании романа в стихах «Евгений Онегин» (1946), ошибочно датируя появление кометы 1812 годом (в последующих публикациях эта погрешность была исправлена), отмечает, что «в этом году во Франции был большой урожай винограда». В книге Ю. М. Лотмана «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“. Комментарий» (1983) дата появления кометы указана правильно, но комментарий столь же лаконичен, как у С. М. Бонди. При этом Ю. М. Лотман ссылается на заметку Н. Н. Кузнецова «Вино кометы», напечатанную в выпуске 38–39 сборников «Пушкин и его современники» (Л., 1930), в которой говорится о том, что урожай 1811 года был «большим».

Ключ к точному комментарию мною случайно обнаружен в книге Antony Réal «Les grands vins» (Paris, 1887. P. 31).

В этой книге указаны следующие цены (Bordeaux vin du Chateau-Laffitte):

Вино урожая 1811 г. (La Comète) —	130 франков.
— « — 1822 г.	— 16 франков.
— « — 1825 г.	— 36 франков.

Таким образом, бутылка вина «La Comète» стоила чрезвычайно дорого и была доступна только богатым гурманам.

«Милей родного брата...»

*О работе М. П. Мусоргского над текстом
«Блохи»*

П. И. Иванов,
кандидат филологических наук

Композитор М. П. Мусоргский (1839–1881) был наделен многими талантами. Современники запомнили его как превосходного пианиста, виртуоза и импровизатора, знатока истории и фольклора. Но Мусоргский, гениальный в музыке, был также незаурядным поэтом, автором текстов для своих музыкальных сочинений: от жанровых картинок и сатирических памфлетов до либретто опер. Композитор обращался к поэтическому творчеству всякий раз, когда не находил музыкальным замыслам соответствующей стихотворной основы. Так, случилось, например, с его песнями «Семинарист», «Сиротка», «Козел», музыкальным памфлетом «Классик». Отсутствие добротного текстового каркаса побудило его к созданию либретто оперы «Хованщина». И стихи и прозу композитор писал легко, вдохновенно и профессионально.

Творческие искания привели Мусоргского к поэзии Гете. Композитора захватил универсальный художественный мир трагедии «Фауст». В 70-е годы он, по воспоминаниям поэта и друга Арсения Голенищева-Кутузова, вынашивал замысел создания

«русского Фауста», оперы (1), похожей на гётевский сюжет, искал и нашел для нее русский литературный источник — «Повесть о Савве Грудцыне» XVII века. К сожалению, этот грандиозный замысел остался неосуществленным. Существует ближайшее поэтическое родство между симфонической фантазией «Иванова ночь на Лысой горе» и «Вальпургиевой ночью» на Брокене, причем идейная концепция сказочной, феерической музыкальной картины, очевидно же, восходит к Гёте, ибо именно его усилиями сюжет о сатане и ведьмах стал явлением искусства нового времени. И уже в зените творческой активности Мусоргский написал на стихи из «Фауста» политико-сатирический памфлет «Песня Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе» (1879). Благодаря могучему голосу Федора Ивановича Шаляпина «Блоха», первая из произведений композитора, нашла мировое признание.

При создании «Блохи» Мусоргский использовал русский перевод замечательного поэта и переводчика немецких классиков Александра Николаевича Струговщикова. Примечательна судьба его перевода. В России гетевская песня о блохе находилась под запретом цензуры вплоть до 60-х годов XIX века. В ней совершенно справедливо усматривали сочинение, могущее опорочить царя и его временщиков. Струговщику дважды пришлось переводить эту песню, ко времени цензурного запрета и уже после его снятия. Так, в первом переводе 1856 года он вынужден был изъять из песни ключевое слово «король» и заменить его нейтральным «старуха». В результате угас сатирический подтекст: «Жила-была старуха, / У ней была блоха... / Блоха милей старухе, / Чем детки и сноха».

В период демократизации российской жизни при Александре II Струговщиков привел свой перевод в соответствие с содержанием немецкого подлинника. Этим окончательным вариантом, выполненным в целом на высоком художественном уровне, и воспользовался Мусоргский в 1879 году. (В скобках однако заметим, что впервые композитор обратился к поэзии Гете в 1863 году, именно тогда им был написан романс «Песнь старца». Долгое время имя переводчика стихов оставалось анонимным и лишь недавно мне удалось установить, что им был А. Н. Струговщиков.)

Приступив к работе над переводом Струговщикова, Мусоргский, во-первых, внес в текст изменения, во-вторых, существенно дополнил его собственными вставками. Сделано это было столь деликатно и тонко, что художественная ткань «Блохи» не только не пострадала, но и ощутимо поднялась ее поэтическая и сатирическая ценность. Чтобы убедиться в этом, приведем полный текст перевода Струговщикова с изменениями и дополнениями Му-

соргского (они набраны курсивом):

Жил-был король когда-то,
При нем блоха жила,
блоха, блоха!

Милей родного брата
Она ему была;
блоха... Ха, ха, ха, ха, ха!
Блоха? Ха, ха, ха, ха, ха!
Блоха!

Зовёт король портного:
«Послушай ты чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан!»
Блохе кафтан? Хе, хе, хе, хе, хе!
Блохе? Хе, хе, хе, хе! Кафтан?
Ха, ха, ха, ха! Ха, ха, ха, ха, ха!
Блохе кафтан!

Вот в золото и бархат
Блоха наряжена
И полная свобода
Ей при дворе дана.
Ха, ха! Ха, ха, ха, ха! Блохе?
Ха, ха! Ха, ха, ха, ха, ха! Блохе!

Король ей сан министра
И с ним звезду даёт;
За нею и другие
Пошли все блохи в ход.
Ха, ха!

И самой королеве
И фрейлинам ея
От блох не стало мочи,
Не стало и житья.
Ха, ха!

И тронуть-то бояться,
Не то, чтобы их бить.
А мы, кто стал кусаться,
Тотчас давай душить!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха!

У Гете песня Мефистофеля о блохе — острейшая сатира на фаворитизм эпохи абсолютной монархии XVIII века. Мусоргский — гражданин своего времени — обратил жало сатиры на русскую политическую действительность. «Блоха» была создана в период революционной деятельности народничества с его отчаянными актами террора против высших полицейских чинов («блох») и самого царя («короля»).

Но чем же Мусоргский обогатил перевод Струговщикова? Начнем с изменений, внесенных им в текст перевода. Их немного,

но они придают стихам выражение большего поэтического совершенства.

В стихе Струговщикова «Милей родного сына» (первая строфа) Мусоргский очень удачно заменил слово *сына* (так, кстати, было и у Гете в немецком оригинале) на *брата*. Этим он создал необходимую рифму «когда-то / брата» (она отсутствовала у Струговщикова), и стих обрел не только метрическое завершение, но и народно-поэтическое звучание. Оно чрезвычайно важно для фольклорного стиля стихотворения в оригинале и переводе. В русском народном сознании не принято сравнивать детей, сына или дочь, какие бы они ни были, с неродственниками по признаку «мил – немил?». Родные дети всегда милы родителям. Мусоргский это тонко чувствовал. А вот в отношении родного брата народная этика это допускала.

Больше изменений во второй строфе. В стихе Струговщикова «Зовет он раз портного» Мусоргский заменил *он раз* на *король* и этим устранил возможную двусмысленность местоимения «он». Действительно, о ком речь: о «короле» или «брате», названных в первой строфе? К тому же имя существительное в семантическом отношении всегда весомее, чем местоимение. Количество же слогов – обстоятельство важное для метрики – после замены осталось прежним. В подлиннике употреблено местоимение «он», что дословно и передал Струговщик, однако Мусоргский, заменив *он раз* на *король*, не погрешил ни против автора, ни против переводчика, – его стих обрел поэтическое совершенство. Следующий стих Струговщикова «Подика ты, болван» Мусоргский-поэт полностью переделал на «Послушай ты, чурбан!»

Замену обращения *болван* на *чурбан* можно считать проявлением художнического вкуса Мусоргского, но вернее, пожалуй, то, что грубо-просторечное *чурбан* куда сильнее передает труднообъяснимое желание короля увидеть блоху в ранге министра. В этой же второй строфе вместо приказания *шей*, как это было у Струговщикова, появилось *сшей*, то есть совершенный вид глагола подчеркнул теперь и лихорадочное нетерпение короля, и требуемую быстроту исполнения его повеления. Очевидно, форма несовершенного вида *шей* представлялась композитору слишком вялой и недостаточно экспрессивной.

И, наконец, в последней строфе Мусоргский заменил наречие времени *сейчас* на *тогда*. И этой, казалось бы, совсем незначительной ретушью придал стиху «Тогда давай душить!» стремительность и мгновенность действия, что воспринимается как энергичный призыв немедленно покончить со злобной фавориткой и чинимым ею произволом.

Другой творческий акт Мусоргского — введение в текст песни словесных вставок, которые отсутствовали как в немецком подлиннике, так и в русском переводе. Это хлесткие повторы ключевых слов и раскатистые саркастические восклицания *ха, ха* и *хе, хе* в русской смеховой культуре — острейшие народные средства осмеяния. В музыкальной и вокальной структуре «Блохи» они образуют своеобразный рефрен. Повторы и восклицания-междометия усиливают экспрессивную стихию сатирического содержания.

В середину первого куплета Мусоргский вводит двойной, а в его конец — тройной повтор ключевого слова *блоха*, предмета саркастического осмеяния в песне-памфлете. Это сопровождается в высшей степени удачным введением многозначных восклицаний *ха, ха*, благодаря чему вступает в действие целая гамма сатирических смыслов и оттенков. Повтором слова *блоха* Мусоргский задерживает внимание слушателя и заставляет его удивляться тому, какое странное и гадкое существо приблизил к себе король. Но удивляйся-не удивляйся, а к его величеству королю была приближена — несообразно здравому рассудку — блоха, существо ничтожное, недостойное. Конец куплета, пятикратно усиленный восклицаниями *ха, ха!* с разной смысловой интонацией, образно и эмоционально доносит до слушателя взрыв авторского недоумения и возмущения.

Столь удачно найденные сатирические средства Мусоргский включает и во второй куплет. Недоуменно вопросительными повторами: *Блохе кафтан?* и едкими *хе, хе!* и *ха, ха!* он развенчивает и нелепость королевского приказания, и абсурдность фаворитизма, и безумие высшей власти. Эти поэтические дополнения к почти безупречному переводу Струговщикова воспринимаются как гениальная импровизация. Легко и непринужденно творит Мусоргский игриво-переливчатую внутреннюю рифму «блохе/хе, хе».

Тем же метким приемом осмеяния с помощью саркастического *ха, ха*, вопросительного и восклицательного повторов *Блохе?*, *Блоха!* (третий куплет) Мусоргский точно бьет в свою сатирическую мишень — в блоху, в этот символ уродства власти. И есть в кого: фаворитка вдруг обрела при дворе неслыханную власть и свободу творить зло. Это тем более страшно, подчеркивается во второй введенной строке, что свобода творить недоброе дана существу злобному и беспощадному.

В четвертом и пятом куплетах обличительный смех неожиданно смолкает. Его сменяет сдержанный сменик, перемешанный с чувством боязни и страха,— блоха, вопреки всем разумным

ожиданиям, стала министром. По произволу правит, кусает — тут не до смеха! На высокие посты в государстве «пошли все блохи в ход». И вот уже от кровавого произвола сородичей блохи «не стало мочи, не стало и житья». Сатирическая тональность *ха, ха* вынужденно меняется, звучит приглушенно.

Напротив, в последнем куплете мажорный призыв душисть блоху Мусоргский завершает ликующим взрывом раскованно-саркастического хохота. Следует бесконечная череда торжествующих восклицаний *ха, ха!*

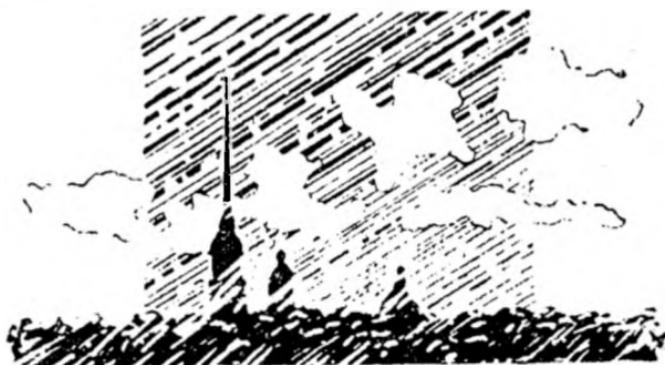
Напомним, у Гете в «Фаусте» песню Мефистофеля подхватывает компания молодых людей, загулявших в кабачке. С восторгом, насыщенным волей к освобождению от уродливого произвола, они на свой лад отзываются о только что услышанном (приводим эту часть сцены в переводе Н. А. Холодковского):

Фрош.	Бис, bravo, бис! Что за припев лихой!
Зибель.	Да будет так со всякою блохой!
Брандер.	На ноготь лишь её — и нет блохе исхода.
Альтмайер.	Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Но что доступно поэту, в том отказано композитору. Ликующий диалог студентов, раскрывающий подлинный политический смысл песни, остался за ее пределами. Для композитора песня кончается ее последним словом и всю полноту содержания он должен выразить самой песней, даже если она и насквозь метафорична. Однако Мусоргский, как мы убедились, нашел поэтические и музыкальные средства и продлил звучание каждого куплета. Он сделал это по-новаторски смело, — обогатил шедевр Гете своими словесными добавлениями, зазвучавшими в музыке и вокале.

Мусоргский любил дерзость в искусстве, любил блеск дерзости: он умел виртуозно и артистично завершать свои самые вдохновенные произведения. «Песня Мефистофеля в погребке Ауэрбаха о блохе» относится именно к ряду виртуозно и дерзко завершенных. Ее концовка — это миниатюрная модель грандиозного торжества вольницы в сцене под Кромами в опере «Борис Годунов»: саркастически-ликующий ряд восклицаний «ха, ха!» будто взрывается в этой сцене и долго звучит вождельным освобождением. И здесь Мусоргский выступил универсально — как поэт и композитор.

Псков

*«Я люблю на бледнеющей шири
в переливах растаявший цвет...»*

*Символика желтого цвета в лирике
И. Анненского*

М. В. Тростников,
кандидат филологических наук

В общей символической системе лирики Иннокентия Анненского крайне важную роль играет цветопись. Отчасти это связано с импрессионистически-живописным видением мира, свойственным поэту. Обратимся к примерам: «О, как печален был одежд ее атлас, / И вырез жутко бел среди наплечий черных!» (После концерта); «То полудня пламень синий, / То рассвета пламень алый, / Я ль устал от четких линий, / Солнце ль самое устало — / Но чрез полог темнолистый / Я дождусь другого солнца / Цвета мальвы золотистой / Или розы и червонца» (Миражи); «Зимним утром люблю надо мною / Я лиловый разлив полутьмы, / И, где солнце горело весною, / Только розовый отблеск зимы. / Я люблю на бледнеющей шири / В переливах растаявший цвет...» (Я люблю). В то же время, цветопись — одна из характернейших черт поэтики декаданса в целом. По наблюдениям норвежского лингвостатистика Ст. Гилья, колоризм русской поэзии начала XX века значительно выше, чем на протяжении всего предыдущего столетия, причем наиболее «щедр в применении цветовых эпитетов Иннокентий Анненский» (Гиль Ст. Цветовые

эпитеты в стихотворениях М. Лермонтова // Scando – Slavica XIX. Copenhagen, 1973. С. 77), цветовая палитра которого включает более 30 цветов и оттенков.

В этой заметке речь пойдет о символике желтого цвета в лирике Анненского. Прилагательное *желтый* – одно из наиболее частотных цветообозначений, оно встречается 28 раз в 21 стихотворении поэта.

Для поэзии Анненского характерно отсутствие однозначности символики. Если «„опозиционность“ – в широком смысле слова – свойство поэтического высказывания вообще, поскольку утверждая одно, оно тем самым отрицает другое, и наоборот» (Мани Ю. В. Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 19), то для лирики Анненского характерна двойная система оппозиций. В его художественном тексте обычно представлены два ряда символических противопоставлений, которые условно можно назвать «внутренним» и «внешним». Так, наряду с традиционно-поэтическими цветовыми антитезами типа «черный – белый», «золотой – серебряный» и др., в стихотворениях поэта каждый из членов оппозиции внутренне противопоставлен сам себе.

Двуплановость символики желтого цвета в лирике Анненского обусловлена, с нашей точки зрения, влиянием двух литературных традиций: русской психологической прозы (Ф. М. Достоевский) и французской школы «проклятых поэтов» (Тристан Корбьер).

У Анненского в большинстве стихотворений желтый цвет сопутствует темам печали: «...желтые мокрые доски / Сбежали с печальных круч» (То было на Валлен-Коски); уныния: «Кому ж нас надо? Кто зажег / Два желтых лика, два унылых...» (Смычок и струны); болезни: «Так уныла, желта и больна / В облаках театральная луна» (Декорация); смерти: «...желтый сумрак мертвого апреля» (Вербная неделя), «Стал даже желтее туман, / Стал даже желтей и мертвей он» (Серебряный полдень).

Языковой базой для формирования оригинально авторской семантики прилагательного *желтый* служит в данном случае соединение двух вариантов значения слова. *Желтый* означает «предмет цвета, сходного с цветом золота» и «цвета кожи больного человека» (ср.: «Солнце за гарью тумана / Желто, как вставший больной» – Пробуждение).

Желтый как цвет печали, уныния, болезни, смерти является для Анненского и цветом Петербурга: «Желтый пар петербургской зимы, / Желтый снег, облипающий плиты... / Я не знаю, где вы и где мы, / Только знаю, что крепко мы слиты <...> Только камни нам дал чародей, / Да Неву буро-желтого цвета, / Да пустыни

немых площадей, / Где казнили людей до рассвета» (Петербург). Следует отметить, что для многих его современников этот город был окрашен преимущественно в желтые тона (ср. «Желтый дом» Саши Черного, «Петербургские строфы» Осипа Мандельштама и др.), однако для Анненского Петербург — прежде всего город, так описанный Достоевским. Именно сквозь призму восприятия своего любимого писателя, которого сам Анненский неоднократно в публичных лекциях и статьях называл «истинным поэтом», он видел главный город Российской империи (подробнее о влиянии Достоевского на творчество Анненского см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1964; Федоров А. В. Ивнокентий Анненский — личность и творчество. Л., 1984).

С другой стороны, в стихотворении «Рабочая корзинка» *желтый* — цвет свечения настольной лампы («Чтоб со скатерти трепетный круг / Не спускал своих желтых разлитий»), а в стихотворении «Сестре» — цвет страниц старой книги, напечатанной на плохой бумаге («Желтый, в дешевом издании, / Будто я вижу роман...»). И то, и другое в равной степени связано у Анненского с воспоминаниями о детстве, семье, родных. Отсюда ностальгическое, элегически-приподнятое настроение этих двух стихотворений: «Милое, тихо-печальное, / Все это в сердце живет...» (Сестре).

В символике желтого цвета у Анненского сочетаются признаки, присущие двум членам оппозиции «свое — чужое», где «свое» = «родное, домашнее, семейное; «чужое» = все, что вырывает человека из привычного круга (болезнь, смерть, работа). Второй член оппозиции представлен в образе Петербурга — столицы, символа царской России, чужого города для поэта.

Аналогичная символика желтого цвета, внутренне противоречивая, но вместе с тем составляющая единство внутри поэтического сборника, вскрыта французскими исследователями Ж. Кассу и П. Брюнелем в лирике одного из «проклятых поэтов» — Тристана Корбьера (1845–1875), единственный сборник стихотворений которого — «Les Amours Jaunes» (букв.: «Желтые любви», 1873), объединен сквозной колористической символикой, вынесенной в заглавие. Желтый цвет для Корбьера — цвет Парижа (тления, смерти, проклятия) и цвет Бретани, родины поэта — любви, детства, счастья.

И. Анненский был хорошо знаком с творчеством Корбьера, переводил его стихотворения (цикл «Два Парижа»), одним из первых познакомил русского читателя с творчеством французского поэта, а посему факт творческого заимствования цветовой символики представляется вполне допустимым.

«В Европу прорубить окно...»

Г. М. Пономарева,
кандидат филологических наук

Одна из характерных черт поэтики Д. С. Мережковского (1865–1941) как романиста – широкое привлечение чужого текста, зачастую почти без каких-нибудь изменений. Бросается в глаза и другая особенность писателя: постоянное перенесение места действия, а также вкладывание слов (порой хрестоматийно известных), принадлежащих одним историческим лицам, в уста других.

Особенно ярко своеобразие поэтики художника проявляется в одном небольшом эпизоде из романа «Петр и Алексей», в котором рассказывается о том, как Петр I выставляет оконную раму на ассамблее П. А. Толстого в Петербурге. В исследовательской литературе (См.: Минц Э. Г., Беародный М. В., Данилевский А. А. «Петербургский текст» и русский символизм // Учен. зап. Тартусского гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 89) уже отмечалось, что «окно в Европу» – отсылка к «Медному всаднику» А. С. Пушкина. Это действительно так, но эпизод, описанный Мережковским, взят им из «Дневника» камер-юнкера Берхгольца.

Фридрих Вильгельм Берхголец состоял на службе у гольштинского герцога. В 1720-х годах вместе с герцогом Карлом-Фридрихом жил в России, а с 1721 по 1725 год вел «Дневник», содержащий ценные сведения для истории петровского времени.

У Берхгольца эпизод с окном происходит в 1722 году в Москве на свадьбе графа Головкина. Петр I – маршал на свадьбе. «Когда Его Величество, с невестой и со всеми прочими дамами, вошел в залу, где должны были танцевать, он нашел, что там жарко, и захотел открыть окно. Но это оказалось невозможным, потому что все окна были заколочены снаружи гвоздями. Тогда он поставил свой маршальский жезл, велел подать себе большой топор и работал сам до тех пор, пока, наконец, при помощи двух маленьких своих денщиков, таки добился, что мог вынуть раму. Однокож, так как окно было очень крепко заделано, то все

это продолжалось более получаса. Его Величество выходил даже на двор, чтобы снаружи тщательно рассмотреть, как и чем оно заколочено, и потом действовать сообразно тому. Он сильно вспотел от этой работы, но все-таки остался немало доволен, что справился с нею. Между тем все, даже сама императрица, должны были стоять и не танцевать, пока окно окончательно не выставили. Оно потом очень беспокоило многих дам, потому что в него по временам врвался сильный ветер» (Дневник камер-юнкера Берхгольца. М., 1858. Ч. II. С. 181). Вполне бытовой случай Мережковский трансформирует в символический, заменив Москву Петербургом, сильный ветер — ветром с запада, а в конце эпизода вставив реминисценцию из Пушкина.

В романе действие переносится в Петербург, на ассамблею П. А. Толстого. «Приехал царь. Он был не в духе. Так тряс головою и подергивал плечом, что наводил на всех ужас. Войдя в залу, где танцевали, нашел, что жарко и захотел открыть окно. Но окна были забиты снаружи гвоздями. Царь велел принести топор и вместе с двумя денщиками принялся за работу. Выбегал на улицу, чтобы видеть, как и чем окно заколочено. Наконец, таки добился своего, вынул раму. Окно оставалось открытым недолго, и на дворе опять начиналась оттепель, ветер дул прямо с запада. Но все-таки по комнатам пошли такие сквозняки, что легко одетые дамы и зябкие старички не знали, куда деваться. Царь устал, вспотел от работы, но был доволен, даже повеселел. — Ваше Величество, — сказал австрийский резидент Плейер, большой любезник, — вы прорубили окно в Европу» (Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб.— М., 1911. Т. 4. С. 132—133).

Наибольшую смысловую роль здесь, конечно, играет отсылка к А. С. Пушкину, тогда как подвергшийся изменению эпизод из «Дневника» Берхгольца выполняет иллюстративную функцию.

Тарту

Образ красоты в повести И. С. Шмелева «Богомолье»

Л. Н. Дудина,
кандидат филологических наук

Лично я считаю лучшими его книгами «Лето Господне» и «Богомолье» — в них наиболее полно выразилась его стихия.

Б. Зайцев

Повесть И. С. Шмелева «Богомолье» восходит к мемуарно-биографическому жанру, традиционному для русской литературы. Поэтому так естественно в образно-эстетическое поле произведения входят то несуетность, неспешность письма С. Т. Аксакова, то тончайший психологизм и аналитичность Л. Н. Толстого, то умение схватить характер (это присуще Ф. М. Достоевскому), то лиризм и юмор А. П. Чехова, то меткость и наблюдательность И. А. Бунина, то сказовое мастерство Н. С. Лескова. Основу произведения составили впечатления детства и отражение мира детской души, «Богомолье» — сыновний поклон и памятник отцу, сотворенный в слове. Но все же главное в повести — «ребенок и религия», или точнее, конкретнее — «мальчик и православие». Все в книге, от ее эпиграфа из Ветхого Завета «О, вы, напоминающие о Господе, — не умолкайте!» — до последней двенадцатой главы с духовной кульминацией — сценой благословения — пора-

жает своей соразмерностью и подчиненностью художественного организма этому тематическому единству. Своеобразное трехступенчатое строение книги (дом, отец — народ — Россия) определило особый угол авторского зрения: показ окружающей действительности через детское восприятие.

Ребенок у Шмелева как бы отражает в своей незамутненной чистой душе тех, кто приближается к нему или находится рядом. Это более близкие и потому более полно, объемно отраженные отец Сергей Иванович и плотник Горкип Михал Панкратыч. Это и кучер Антип, и колесник Бровкин — «недовольный человек», и бараночник Федя, и Домна Панферовна, и внучка ее Анюта, и владелец трактира Прокоп Антоныч Врехунов, и мытищинский мужик Антроп Соломяткин, и Никодим Аксенов с дочерью Марией, и послушник Саня Юрцов, и батюшка Варява, и расслабленный паренек Миша, и другие. Такое яркое многоцветье характеров, сливаясь с мотивом пути, дороги, хождения, паломничества, позволяет писателю наполнить смысл названия произведения особой конкретностью. Но автор не ограничивается лишь реально действующими героями. Используя форму рассказов, а по сути вставных житийных новелл, Шмелев вводит внесюжетные персонажи: это дедушка и прадедушка главного героя, это «Мартын, покажи аршин!», это Грища, что высоты боялся, это мастер-резчик Аксенов, это «пропавший воин» Максим Гаврилов, это крестьянка Дуняша Карцова, царская кормилица и т. д.

Прием градации, последовательного усиления, помогает писателю придать конкретному образу приметы символа. Свет у Шмелева «скользящий, случайный» — символ времени. «Все уходит... уйдет и отец, как этот случайный свет» (Шмелев И. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 68; далее цитируется это издание). Писатель не протестует, он спокойно и мудро принимает этот установившийся до него и помимо него закон жизни, принимает так еще и потому, что осознал силу другого закона, позволяющего человеку подняться над временем, — закона памяти. «И до сего дня помню, — пишет он в „Богомолье“, — радостные те ягодки, на солнце, — душистые огоньки, живые». Это авторское отступление с его контрастом эпического зачина («И до сего дня помню...») и неожиданного лирического финала (ягодки — радостные, душистые, живые) позволяет понять то, что скрыто от глаз, — трагедию писателя, оторванного от своих истоков и «силой воспоминаний, против течения времени» (О. Михайлов), вернувшегося к ним. Победа писателя над временем состоялась потому, что негнущей осталась Красота, которую зачерпнула в себя когда-то детская душа. Вот как об этом сказано в «Богомолье»: «<...> и во

мне начинает петь, будто не я пою, а что-то во мне поет, в голове, такое светлое, розовое, как солнце, когда его нет на небе, но оно вот-вот выйдет».

Образ Красоты у Шмелева предстает в своей целостности и многогранности, что подчеркивается как построением всего произведения (двенадцать глав), так и композицией каждой главы. Описательная конструкция глав, их внутренняя завершенность, самостоятельность обусловлены жанровой природой текста. Перед нами жанр хождения (хожения). Новизна каждой главы — это новизна открытия ребенку мира красоты народно-национального духа и характера. Потому так избирателен характер путешествия (Москва — Троице-Сергиев посад), потому так много скрытой символики в названиях глав (Москвой. На святой дороге. У Креста. У Троицы). Богомолье — это постижение писателем зарождения чувства Родины, развитие этого чувства в душе ребенка.

Красота у Шмелева выступает и синонимом народного чувства, душевного лада («Больно парень-то ты артельный»), и синонимом праведности (тема Сергия Радонежского. «Какие святые-то бывают, а уж нам хоть знать-то про них, и то радость великая»), и синонимом очищения души (вот Мартын остановился на краю, не пропил ни креста, ни царского золотого), и синонимом мастерства, умения (резвая тележка), и синонимом добра, сострадания («От горя не отворачивайся... грех это», — учит Горкин мальчика). Вечный поединок добра и зла, Христа и Антихриста показан и на страницах «Богомолья» (скромный, тихий, как красная девица Федя сталкивает «охальников» в воду, ссора и примирение Горкина и Брежунова, внутренняя противоречивость характера «скандальщицы» Домны Панферовны и т. д.). Однако образ красоты потребовал от писателя отхода от привычной «горизонтальной шкалы» исследования (добро — зло) и обращения к «шкале вертикальной» (земля — небо). «Небо чистое, голубое, глубокое, — пишет Шмелев, — прекрасно» Но прекрасна и земля с ее печалью, скорбями, заботами, радостями.

Сила книги — в твердой убежденности писателя, что красота — прежде всего гармония этих двух взаимоозаряющих начал. Не случайно в сюжете мальчику отведено срединное положение, некий центр между отцом, «на взмыленной Кавказке», кипящим в делах и заботах, «плохим модельщиком» и спокойным, уравновешенным Горкиным, которого богомольцы принимают за батюшку. Более понятным с этой точки зрения становится и образ Феде, который хочет уйти из мира, остаться в монастыре, но не получает благословения, потому что «а кто ж, сынок, баранками-то кормить будет». Послушник Саня Юрцов и бараночник

Федя — для писателя как две стороны одного характера, уравновешивающие друг друга.

Философско-эстетическая позиция автора емко выражена в поговорке «Делов-то пуды, а она — туды». Эта ставшая лейтмотивом произведения фраза не только определила завязку сюжета, но и высветила некую точку, в которой встречаются быт и бытие. Пораженный смыслом этой фразы отец Сергей Иванович, несмотря на горячую рабочую пору, отпускает Горкина и мальчика в Троице-Сергиеву лавру и сам оказывается там вместе с ними. Значение духовно-нравственных начал, когда душу тянет «в баньку духовную, во глагольную», «пообмыться, обчиститься», глубоко осознается героями книги.

Мир красоты заключен для писателя в таком жизненном истоке человеческого «я», как детство. Очищение, по Шмелеву, — это и есть возвращение к детству («Так и человек. Родится дитя чистое, хорошее, ангельская душка»). Шмелев не ставит своей целью исследование психологии ребенка. Психологический анализ как инструмент познания детской души он использует осторожно (главы «Царский золотой», «У Преподобного»). Для Шмелева детство скорее всего некая абсолютная величина, точка духовного отсчета, категория этическая и эстетическая. Ребенок в «Богомолье» — это центр, одинаково открытый двум великим началам — Земле и Небу.

Писатель глазами ребенка поэтизирует вещный мир красоты, а также мир семейных отношений, мир природы. Особая роль в воссоздании этих образов (быт, семья, природа) отводится художественной детали, изобразительным и выразительным средствам письма. Например: «Вокруг фаянсовой, белой, с голубыми закраинками, миски стоят тарелочки, и на них все веселое: зеленая горка мелко нарезанного луку, темно-зеленая горка душистого укропу, золотенькая горка толченой апельсиновой цедры, белая горка струганого хрена, буро-зеленая — с ботвиньей, стопочка тоненьких кружочков, с зернышками, — свежие огурцы, мисочка льду хрустального, глыба белуги, в крупках, выпирающая горбом в разводах, лоскуты нежной белорыбицы, сочной и розовато-бледной, пленочки золотистого балычка с красненькой. Все это пахнет по-своему, вязко, свежо и остро, наполняет всю комнату и сливается в то чудесное, которое именуется — ботвинья. Отец, засучив крепкие манжеты в крупных золотых запонках, весело все размешивает в миске, бухает из графина квас, шипит пузырьками пена. Жара: ботвинья теперь — как раз».

Для отражения полноты картины мира Шмелев широко использует прием асиндетона (бессоюзия) в трехчастных, реже

четырёхчастных словесных конструкциях. Это относится и к пейзажным зарисовкам («Мягкая, пыльная дорога, с травкой по сторонам»; «А кругом весело, ярко, зелено»; «Густо пахнет березой, сеном, какими-то горькими цветами»), этот же прием можно увидеть и в портретных характеристиках героев (Брежунов — «толстый, веселый, рыжий». «Красивый чернобровый монах, с румяными щеками». Дьякон — «веселый, красный, из бани слово, в летнем подряснике нараспашку». Отец — «в белой своей кургузке, в верховке-шапочке, ловкий такой, веселый»).

Ощущается несомненное тяготение Шмелева к образному, самобытному слову. Так, язык Домны Панферовны, заявляющей, что на нее «командеров нет», отличается повышенной экспрессивностью, напротив, речь Горкина спокойная, умиротворенная. Ср.: «А Домна Панферовна пуще еще накаливает: залетели вороны не в свои хоромы, попали под начал, из чужих теперь рук смотри...». Горкин о том же: «Ну, маленько стеснительно, понятно... в чужом-то месте свои порядки, а надо покоряться <...>». Однако речь героя у Шмелева — это не столько способ создания индивидуального характера, сколько многоликое проявление того, что писатель называет «немолчвым треском сыпучей, бойкой, смешливой народной речи».

Слово у писателя живет свободной, не стесненной рамками жизнью; здесь и диалекты, и говоры, и просторечия (*рязанские мы, стаянные; замолаживает, сдалече, устамши, раззявила, отойтить, напекает, кунай, деется, нонче, летошний год, спинжак, ноне* и т. д.). Свою яркость и сочность слово сохраняет не в письменной, книжной, а в устной, разговорной форме бытования, и в этом смысле особенно значим инвариант отчества героини: не Домна Парфеновна, а Домна Панферовна. В этой неправильности, приблизительности, свободе, которыми отмечено слово в народной речи, заключена для писателя подлинная музыка и красота родного языка. (Ср. у А. С. Пушкина: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю».) Бойкость, ритмичность народного слова призваны подчеркнуть и «приговорки всякие»: *А ну-ка кваску, порадуем Москву. Грех не в уста, а из уст. У Бога всего много. Пешочком с мешочком. Нонче сестрица, а завтра — в глазах от нее пестрится. Чаи да сахарь, а сами катимся с горы!*... Писатель отмечает лукавство, юмор, остроту, «зубастость» народного языка («Почем клубника? — По деньгам!». «Эх, и я бы с вами увязался, да не на кого Москву оставить!». «В монахи — а битюга повалит»).

В «Богомолье» речь автора как бы отступает перед речью героя. Отсюда пронизанность авторского текста светом сказа:

«Ищем Домну Панферовну, а она храпит в лопухах, — так ничего и не видала. Горкин ей еще попенял: „Здорова ты спать, Панферовна ... так и царство небесное проспишь. А тут какие чудеса-то были! .. Очень она жалела, всех чудесов-то не видала“». Светом сказа освещены диалоги, монологи героев, возникает то, что можно назвать рассказами в рассказе, и это значительно расширяет временной план повести.

Жизнь материи и духа — предмет изображения в «Богомолье». Свет и красота духовности — то, что можно назвать куполом произведения, его вертикалью, — предстают в образно-религиозном строе художественного повествования. Нескрываемой теплотой авторского темперамента веет от этих образов, здесь наиболее полно проступает субъективный, личностный план книги. «Я всматриваюсь по дали, впиваюсь за темные боры и вижу... вижу, как вспыхивает искра, бьется-дрожит в глазах. Закрываю глаза — и вижу: золотой крест стоит над борами, в небе. Розовое я вижу, в золоте, — великую розовую свечу, пасхальную. <...> Я так ее ясно вижу! Она живая, светит крестом — огнем». Эпическое начало в «Богомолье» озаряется лирическим авторским чувством, и возникает то, что составляет неповторимое своеобразие художественного мира писателя И. С. Шмелева.

Усть-Каменогорск

Ив. Шмелев

ТРИ РАССКАЗА И ОЧЕРК

В 1933 году К. Д. Бальмонт писал в юбилейной статье об Иване Сергеевиче Шмелеве (1873—1950): «Мы помним, что мы волны великой нашей, океаном разлившейся и океански возмущенной, России. Всей жизнью, всей мыслью, всем творчеством нашим, всем воспоминанием и всей надеждой, мы в России, с Россией, где бы мы ни были. Среди зарубежных русских писателей И. С. Шмелев — самый русский. Ни на минуту в своем душевном горении он не переставал думать о России, мучиться ее несчастьем, устремляться всей душой в художественное воссоздание России, в жизни его им увиденной, и в предощущение, в провидение России грядущей. Еще в детские свои и полудетские дни, в родном московском доме, на обширном дворе его, куда сходились к отцу наниматься на разные работы крестьяне чуть не со всех концов России, Шмелев великолепно изучил русский народный язык и душу русского крестьянина, русского работника. Говорить со Шмелевым, когда он рассказывает о прежней Москве, о себе, о своих странствованиях по России, о своей жизни во Владимирской губернии и в дальних краях русского Севера, это упоительная радость погружаться в великолепную певучую стихию русского языка» (Последние новости. Париж. 1933. № 4579. 5 окт.).

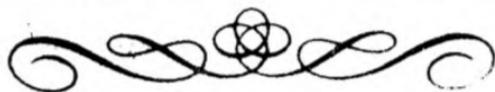
Детские впечатления послужили основой для самых известных и у нас, и в эмиграции романов И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне». Связанные с этими романами тематически, манерой повествования, общими героями рассказы «Лампадка» и «Страх» публикуются в нашей стране впервые (по изд.: Шмелев Ив. Избр. рассказы. Нью-Йорк, 1955). Третий рассказ нашей подборки — «Весенний плеск», из которого ранее печатался только отрывок, — это первое написанное в эмиграции произведение писателя о своем детстве (по изд.: Шмелев Ив. Свет Разума. Париж, 1928).

Представляя эти рассказы, хочется не только вспомнить, какой оградой и утешением были они для русского читателя, обратить внимание на их глубокий религиозно-философский смысл, скрытый за внешней простотой, но и отметить замечательный шмелевский язык — образный и поэтический, меткий и звучный, о котором К. Д. Бальмонт писал: «Ивану Сергеевичу Шмелеву ведомы,

как волшебнику, все разнообразия русского языка: утробного, земного, земельного и надземного» (*Возрождение. Париж. 1960. № 108*). Кто, как ни признанный «маг и чародей» русского стиха, мог оценить по достоинству язык Шмелева!..

И, наконец, завершает подборку очерк Шмелева, который взят нами из статьи Ю. А. Кутыриной «Из переписки К. Д. Бальмонта и И. С. Шмелева», помещенной в том же № 108 парижского «Возрождения» за 1960 год. В нем еще одно свидетельство нежной и длительной дружбы двух наших соотечественников, волею обстоятельств оказавшихся на чужбине. Они много лет были соседями по Капбретону, городку на берегу Атлантического океана, куда Шмелев приезжал на лето. Бальмонт посвятил писателю около тридцати стихотворений, не считая тех поэтических отрывков, которые часто завершают или прерывают его письма. Знакомство с этими письмами позволяет понять, чем родственны были души известного поэта-символиста и признанного реалиста. Бальмонт, обращаясь к Шмелеву, совершенно естественно переходит на стихи: грустные, шуточные или возвышенные. Но и письма самого Шмелева напоминают художественные произведения, и прав поэт, говоря о них: «Богат, он и не знает, что он запросто рассыпает самоцветы» (Письмо от 2 апр. 1928 г. ОР ГБЛ, ф. 374, к. 15, ед. хр. 48, л. 25). И Бальмонт и Шмелев подобны пушкинскому Моцарту. Это художники вдохновенные, творящие чувством, легко и свободно, в радостном горении. В 1921 году в статье «Об искусстве» Шмелев разделял «силу в художнике» на «два основных начала: 1) великая сила чувства в художнике и 2) способность выражать других своим чувством, умение сообщить это чувство другим. Первое начало важнейшее. (...) Великая сила чувствовать и великая чуткость, великая способность воспринимать явления жизни, жить ими, мучиться, волноваться, отдаваться» (ОР ГБЛ, ф. 387, к. 9, ед. хр. 3).

Таким — огромным и всепоглощающим чувством — стала и для К. Д. Бальмонта, и для И. С. Шмелева любовь к родине, России, вдохновившая их лучшие произведения.

Лампадочка

Говорят – скоро ледоход, где-то была «подвижка». Я спрашиваю Горкина, что такое «подвижка», а он смеется: «то все знаешь, совсем грамотей стал, а тут не знаешь». Мне стыдно, что я грамотей, а про «подвижку» не знаю. «Да ты сам сказывал», – говорю, – «всего дознать нельзя... каждому человеку... что-то, ты говорил, положен... чего положен?.. – «Ишь, хитрый какой! верно, каждому предел положен». Он доволен, что и я говорю, как он, что каждому человеку от Бога предел положен, и объясняет про «подвижку»: «как водополюю быть, стронется чуть ледок где-там – и станет; а это нижний лед не пускает, ра-но... а как прибудет еще воды, он и пойдет, пой-дет... – полный уж ледоход тогда».

Все только и говорят про водополюе: какая-то вода будет? Как бы наши плоты не раскидало, барки с причалов не сорвало. У Горкина в мастерской, в каморочке, «водяная» лампадка теплится, Петру и Павлу: вчера зажег, и она будет теплиться, пока ледоход не кончится. Как-то рассказывал:

– Папашенька вот все шутит – «у тебя, Горка, старый хрыч, на всякое дело по лампадке!» А чего плохого... святой огонек теплит, – и душе весело, и от дурного отнесет, а то и человека пожалеешь. Как пожалеешь-то? А вот подрастешь, я тебе расскажу. Вот синенькая у меня горит... как март-месяц на Алексея Божия Человека и затеплю... и так, вспомнится когда, тоже зажигаю, человека пожалеть. Это нарошная у меня, по зароку. Образ видишь, «Усекновение Главы», Крестителю главу усекли, от Ирода-Душегуба... это чтобы за грешную душу помолиться. Да это... мал ты еще, не понять тебе. И дело это страшное. Нет, и не приставай, рассказывать не стану. Я те про «водяную» лучше, про Петра и Павла... Да сказано тебе – дорости! А про Петра и Павла, потому «водяная»... апостол Петр тонул на водах, а Христос его за ручку по водам и повел, невредимо. А апостол Павел сам весь корабль уберег от погибели, Господня благодать на нем... «Деяния» еще с тобой вычитывали, как ехидну в хворосте зацепил? Вот-вот, тоже невредимо. Это как его сотник в город Рим судить вез. Потому у меня «водяная» и горит,

по нашему делу, по речному. Ну, верно говоришь, и Никола Угодник по этому делу помощник, и ему-батюшке теплится у меня, как Михаил-Архангелу своему зажигаю... он сбочку висит, и ему озарение достает, всегда на памяти у меня.

Весна, говорят, ранняя: середина марта, а уж «подвижка». Басиль Василич под Звенигород покатил, распорядиться: там наши дрова ждут сплава. Горкин здесь помогает, объезжает пертомойни и перевозы, осмагривает лодки, доглядывает, обколот ли лед у портмоен, а то ледоход захватит — плоты сорвет. Он побывал и у Краснохолмского моста, и у Москворецкого, и под «Воробьевкой». К Крымскому мосту обещается и меня взять. Там у нас Денис, парень надежный, солдат, да Господь его знает, что с ним творится, — «совсем без головы стал!» В прошлом годе чуть у него пертомойню не унесло в ледоход: запьянствовал, и все по Москве-реке с наметкой, все рыбку ловит, дурак-дураком: «душа не на месте у него». Я понимаю что-то, ухом одним слышал: горничная Маша над ним смеется, и за конторщика замуж все собирается, — ну, он и зашибает. Горкин мне говорил, но у него что-то не поймешь. Маша про Дениса говорит все — «пьяница он, на чего он мне сдался!» А Денис говорит — «это я с горя зашибаю, что за меня нейдет». И за конторщика не идет, — ничего не понять. Горкин говорит — дело не наше. Денис, должно быть, во святые подвижники скоро выйдет, — живет, как подвижники во святой пустыне: в хибарке-сторожке, кругом огороды, ни души, только Москва-река. Отполощут бабы белье за день, — и нет никого, до света. У Дениса удочки в сторожке, наметка-сетка, гармонья и собачка «Мушка», — от какой-то знаменитой «Мухи». Про эту «Муху» тоже, должно быть, интересно, и Горкин все обещается рассказать, только говорит, — «вот, подрастешь, а то не поймешь... да еще напугаешься». А я уж совсем подрос, всю хрестоматию прочитал.

К Крымскому мосту нас везет в лубочных саночках «Смола», старая рабочая лошадка, а не выездная, как «Кривая» наша. Хотели ее недавно к коновалу вести, под нож, но мы с Горкиным отпросили папашеньку погодить: Господь даст, может и сама протянет ноги, без коновала. Денис на реке, сидит у прудуби на коленках, ершей на «кобылку» ловит, — от моста еще приметили. Горкин сказал сердито: «нашел время! а плоты кто-то за него обколет... намылю ему голову сейчас». Съезжаем к его сторожке, и Горкин начинает бранить Дениса: «разбойник эдакой, голова садовая... держи таких работничков! да тебя, такого, не плоты стеречь... самого-то с плотами унесет». — «Наплевать, пускай унесет!» — говорит Денис и трясет серебряной сережкой, — сереж-

ка у него в ухе, солдатам так полагается,— «пьяница я, туда и дорога, конто-рщика за меня возьмете!» Совсем несуразный человек. А золотые руки, когда возьмется, так и горит работа. При нас взялся,—половину плотов ото льда обколел,—живой огонь. Горкин сказал мне: «наша Маша дуреха, такого мужа поискать надо... ломается чего-то, человека губит... а что я, не вижу... сама скучает...» Я стал спрашивать, почему скучает, а он мне — «не вотревайся, все равно не поймешь».

На реке ветрено, Горкину, в армячке на зайце,— и то зябко. Денис ставит нам самоварчик,— такой у него, зеленый, на трех ножках, под четвертую щепочку кладет,— и показывает на розовую красавицу, приклеена у него к окошку, с мыла обертку наклеил: «на крестницу вашу, Михаил Панкратыч, похожа маленько... из уважения посадил». Это про Машу он, она крестница Горкина.— «Ты из уважения лучше за портомойкой гляди да по стаканчикам не звони!» — говорит Горкин.— «Покушайте пирожка, Михаил Панкратыч...»,— говорит ласково Денис и ставит перед нами... пирог с морковью! Откуда у него пирог?! Горкин спрашивает, на-знак чего в посту у него пирог, и кто ему преподнес. Денис сам удивляется,— «не знаю, прихожу давеча с реки... — пирог на столе стоит! тут я и вспомнил, что именинник нынче, а кто мне пирог испек — знать не знаю». Горкин только рукой махнул: «сказывай кому другому... зубы с бабами полощешь на портомойке, делом бы лучше занялся». И я вспоминаю, что видел сегодня у Марьюшки на кухне пирог с морковью, и Маша чего-то вертелась тут,— а пирога нам не подавали. Шепчу Горкину, а он опять — «не в свое дело не встревайся». Пирог ужасно вкусный, Денис все угощает нас, но Горкин даже отодвинул пирог, не хочет.— «Не на именины приехали... и не ем с морковью, убери свой пирог». Правда, он никогда не ест пирогов с морковью. И чай не стал допивать, поднялся.— «Расстроил ты меня, Дениска!» — даже кричать стал.— «Мне эти пироги... грехи с вами!» Расстроился и расстроился. Заспешил, с Денисом даже не попрощался.

Выбрались мы на мостовую с огородов, подъехали к мосту, Горкин и говорит: «ты уж не серчай, чайку тебе власть попить не дал и пирожка в охотку поесть»...— а я два куска съел, успел,— «да и домой нам пора, и Дениска меня расстроил». И показывает на дикую будку, у въезда на мост, где будочник живет: «видишь, будка... это новая, а годов пятнадцать тому другая тут была, только ее сожгли... там мы с Василь Василычем пирога досыта наелись, с морковью с этой... больше не ем с морковью». — «Объелся, да?» — спрашиваю его. Он так и не ответил.

Доехали молча, без удовольствия. Я на него обиделся, и не попрощался, и к нему в мастерскую не зашел, в его каморочку.

Вечером он пришел в кабинет к отцу докладывать, как и что, и всё говорит невесело. Отец даже сказал: «чего ты такой, нездоровится?» Пошел я его проводить до кухни, жалко его мне стало, он и говорит: «ты на меня серчаешь и в каморочку не зашел... ты не серчай». И мы поцеловались.— «Хочешь,— говорю,— зайду к тебе в каморочку?»— А мне очень к нему хотелось.— «Ну, зайди... я уж всё тебе расскажу, всё равно я расстроился, будет полегче,, может... про синенькую лампадочку расскажу». Я запрыгал, а он и говорит: «не прыгай, веселого тут нет... думаю, надо тебе сказать, а то помру, кто тебе скажет!»

Пришли в каморочку. Теплится синяя лампадка, невесело так горит, совсем темное стеклышко. Вот он и стал рассказывать.

— Ишь, невесело как горит, *скупает*. А вон, «водяная», розовенькая, как весело горит. А эта скучней голого стекла,— постной. И огоньку *передается*. Эта лампадка покайнная, будто и огоньку невесело, а? скорбит словно?.. А вот, слушай. Я не на Дениса давеча осерчал, а за-сердце меня взяло—затомилось... будто вчера всё было. И место самое то, и пора та же, перед половодьем было, чуть не день в день. А ты на «Усекновение» смотри, на огонечек, тебе и не будет страшно... смотри и молись, за несчастные души... Алексея и Домну. Да и еще семеро, может, душ, прикинуть надо. Ну, за тех есть кому помолиться, да и венец приняли... А за этих двоих лампадка и теплится, самое теперь время помнить. Тому годов пятнадцать было. Пришли мы с Василь Василичем на портомойку, распорядиться тоже, на самого Алексея Божия Человека было, 17 числа марта месяца. Домой уходит,— нас бутошник от моста кличет, Алексей, фамилия ему Зубарев, солидный мужчина, старый знакомый наш: «заходите, именинник я, откушайте пирожка!» А Василь Василича разобрало, с реки-то, клюнуть в стаканчик захотелось. Зайдем, Панкратыч! А мост тогда был старый, деревянный. И место глухое было, отчаянное самое. Ночью ходить опасались, потому под мостом жулики хоронились и грабили-раздевали, случалось. А тут, уж и душегубы завелись... и первым делом зарезали купца из Таганки. Ехал запоздно, от невесты, богатый, молодой, на рысаке. А дорогу развезло, в весеннюю капель было, рысак на ухабе оглоблю и поломал. Его по утру нашли, на огородах, в снегу увяз. Дело темное, никто не видал. А купец как сквозь землю провалился. И не доискались. Спрашивали Зубарева, не видал ли чего. Видал, говорит, мчал рысак, да ночь, не видать, мало ли

пьяных катается, невдомек было, а фонари слепые, и ничего такого не слышно было, караул не кричали. А отходить ему с того места воспрещено, охраняет, понятно, место, сторона глухая. Так и пропал купец. Другая зима — опять, трое уж пропало. У свидетелей доискивались... говорят — в Зубове их видали, по ту сторону реки... значит, в этом месте надо искать. Ну, Зубарева судебное начальство спрашивало, не видал ли. Видать не видал, а слышали с женой, с реки от больших пролубей, против Хамовников, караул пьяные кричали и песни пели. Сойти с поста не смею, говорит, в свисток подал, — ну, поутихло. На Святках было, и те по льду, будто ехали, спъяну, что ли... а куда тут по льду ехать на пустые огороды!? Он, Зубарев, начальство просил: «дайте мне помощника, не справиться одному, место глухое, и мне лихие люди грозятся, самого зарезать могут». А начальство не приняло во внимание. А он место стережет, отойти не может, важное место, мост самый. А под мостом душегубы сидят, цельная шайка, видал он их. А облавы на них не делают. Хорошо. Ну, и еще трое, что ли, попропало, да темное дело: одни говорят — Крымским мостом должны бы ехать, а кто говорил — через Каменный хотели... Ну, только пропали тоже, зимой было. А тут, как нам к нему зайти, с неделю, не больше, — богатый огородник пропал, с Воробьевки. Поехал на Бутикову фабрику за капусту получать, сотни три, и жене говорил, — заеду к Зубарю чайку попить, знакомые они, огороды здешние арендовал, Зубарева давно знал. И пропал: лошадь с санями домой пришла, а огородника так и не нашли. Спрашивали Зубарева. Сказал что был огородник у него и чай пил, а потом к Бутикову поехал, по делам. Больше ничего. А обратно ехал ли — не видал. И опять говорит: два раза начальству докладывал — дайте на смену помощника, не дали. А ему впору только днем выспаться, уж жена у окошечка смотрит за порядком, а он за ночь отсыпается. И говорит властям: довольно намаялся, брошу место. Ну, зашли мы к нему, а он в расстройстве: «сыщики эти замотали, — говорит, — всё допросами донимают, а больше пьянствуют, каждый им день бутылку ставлю. Уж не они ли и орудут, ночным делом, народто темный, сыщики эти». А сыщики уж всегда компанию с ворами держут. Ну, сидим у него, угощение нам выставил, севрюжка была, и настойки у него; и горькая у него, Василь Василич горькую уважает... и селедочка, и чаек, и постный сахарок... И супруга его, Домна Ивановна, сурьзная такая женщина, хозяйственная, в черном платке всегда, потчует нас пирогом с морковью. А я тогда любил с морковью. И образа хорошие, и лавнадка горит, помню, — настоящие именины. С пирога да с севрюжки, Ва-

силь Василыч и разрешил, хлоп да хлоп, а с масленой всегда у него зарок до Пасхи, ни капли чтобы. А тут разрешил. И меня не послушался. Сразу нахлопался, с зароку-то, его уж и развезло. Зубарев и стал жаловаться: опять вот купец пропал! кошъ с места уходи, покою нет. Что это, говорит, за сыщики, найтить не могут, не иначе, как с душегубами стакнулись». А тут — стук-стук, в окошко! Сыщики, говорит, опять. А они все дни-ночи кругом кружили, душегубов изловить. Днем у него пируют, а ночью на Москва-реке дежурют, стерегут душегубов. Начальство настрашало, значит. Трое сыщиков, и собачка с ими, махонькая совсем, «Муха». А это сам Ребров пришел, который в славе по Москве был. Он на «Воробьевке» целую шайку душегубов изловил, пять лет грабили-убивали, а он с этой «Мухой» как-то изловил, ему медаль дали. Заявился сам Ребров, в первый раз. Ну, Зубарев их в гости позвал, на пирог. Вошли они во дворик, а «Муха» сейчас по снегу носом, носом... Сыщик и говорит — с чего это «Муха» моя елозит так? А Зубарев ему — «это она кровь чует». Как, почему? «А это я кошку пришиб поленом, рыбки на именины купил, а она цельный фунт севрюжки слопала, я сгоряча и пришиб. Вон, за дровами валяется». Глядят — лежит мерзлая кошка, вся голова в кровище. А собачку в горницу не допустил: «у меня образа, и сунруга не любит». Оставили на дворе собачку. Стали выпивать-закусывать, Ребров с Василь Василычем на-обгонки, хлоп да хлоп. А Зубарев только наливает. И сам тоже, не пропускает. А Ребров хитрый был, пьет, а сам ни в одном глазу! Умел так, глаза отводил, через плечо вышлескивал. Поднял я Василыча, домой пора. И Ребров с нами поднялся, да в самых дверях и упади, пьяный, на самом пороге, двери настежь, лежит... а «Муха» за дверь всё цапалась. Как вскочит в горницу, да носом, носом, по полу-то... фырчит-ищет, прямо над творилом в подполье, кольцо было в твориле ... когтями дерет. А Ребров, будто спяну, за кольцо ухватился, творило подымает! А «Муха» как завоет, он сейчас скок на ноги, — «чего у тебя в подполье?!» Поднял... как шибанет оттуда!.. Сыщик, прямо, на Зубарева пистолетом: «попался, вяжи его!» Тот и повалился на колени: «мой, грех, враг попутал, из корысти!» Они и повинились во всем. Семерых они загубили, а на этом попались, на огородинке. Он у них восьмой день лежал, а в пролубь не успели сплавить, в ту ночь что-то им помешало, а тут всё сыщики кругом стерегли, не дали им спустить. Вот уж попиروвали мы... поели пирожка. С того дня глядеть не могу, с души воротит. А они скорого богатства захотели, торговлишкой заняться. Уж бросали службу: страшно, мол. Ну, судили их. И нас с Василычем допраши-

вали. Дело ясное. Его на каторгу бессрочно, а ее на десять годов. Плакали на суде, греха страшно стало. Сходил я навестить их в остроге. Жалко, тоже человеческая душа. Сказал им — не отчаивайтесь — помолются за вас, и я свечу когда поставлю. Чайку-сахару принес, бараночек. Так мне обрадовались, заплакали. Как же не пожалеть. Ну, душегубы... да Господь вон разбойника на кресте простил, в рай призвал, за одно слово — покаяние: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое!» Она и говорит: «возьмите, Махайла Папкратыч, на маслице, ланпадочку когда за нас зажжете, помяните, за души наши грешные, ваша молитва доходчива». Ну, чья доходчивей, это Господь знает. И дает мне кра-сенькую, десятку. Я не стал принимать, а она шепчет: «не опасайтесь, это не от тех... это казенные, за службу, я их не мешала с теми». Принял я, купил ланпадочку, эту вот, стал теплить, «Усекновение». Так рассудил: сходственно, Крестителя душегуб убил. Их на Конную возили страмить на всем народе, и на грудь им дощечку повесили, и написали — «душегубы», и к столбу ставили, и в барабан били. Они вставали на колени и народу кланялись, молили: «простите, православные, нас, душегубов... согрешили мы незамолимо... помяните убиенных...» Им денег народ всё клал, на помин души. Страшно было глядеть. Погнали их в Сибирь, ходил я проводить их. Она мне еще из тех копеек, жалостливых, два рубли дала, на маслице, опять всё: «помолитесь, свечку-ланпадочку об нас потеплите». Вот и тепло. И Василич когда подаст, и другие плотники когда... артельное масло, от папашеньки дозволено. Вот и всё. Да... он-то еще в железе сидит, каторжный, а ее уж годов семь как выпустили, она при монастыре служит, в глухих краях, работает ради Господа. Года два тому завезжал человек оттуда, с ним прислала мне рублик, помолиться за души, пожалеть. Вот и теплится, жалостливая, синенькая... огонек-то невеселый. Зажгу — и вспомню: «всё во грехе, буди милостив, Господи... разбойника благоразумного разрешил... и нас, грешных помилуй... и раба каторжного Алексея и Домну разреши...» Будто и огонек взывает, скушный только, самый постный...»

Я смотрю на огонек: скучный, постный. Спрашиваю Горкина: «а веселый будет, огонечек... а, будет?.. Господь их простит, а? тогда и веселый будет?» Горкин молчит, не знает. Господь знает.

Декабрь, 1936 г.

Париж.

Страх

С грустью гляжу я на снеговую гору в саду: она размякла, течет, продавили ее салазки. Март на дворе, кончилась зима. Вчера в первый раз подавали к чаю «жавороночков» из булочной. Такие они красивые, румяные, не наглядисься. Румяная головка, с глазками из черничинок, выглядывает из заплетенной косы как-будто; но это не коса, а так сложены крылышки. Жавороночки прилетели — весна пришла. И радостно мне, и грустно. Всегда грустно, когда уходит хорошее. Много было зимой хорошего.

Я стою на размякшей горе и слушаю, как уныло благовестят. Я знаю, что начинается Великий пост. Но почему Горкин такой печальный? Он любит Великий пост, а теперь ходит, повеся голову. И все в нашем доме и на дворе какие-то другие, — все шепчутся и украдкой заглядывают в окна. А сегодня утром матушка велела позвать кучера Гаврилу и спрашивала тревожным голосом, шепотком: «в городе был... ну как... ничего?» Гаврила смотрел испуганно, и говорил боязливо как-то и печально: «так-то на улицах ничего, тихо, а... чего-то будто опасаются, *этих* бояться.., а никого не видно, *этих*... да *их* так-то не увидишь, *они* по чердакам хоронятся... в народе слышно так, говорят... бунту нету, а опасаются... всех дворников в часть скликали, и чтобы все ворота закрыть и на запоре держать». Я расспрашивал и Горкина и плотников, но они ничего мне не объяснили, только руками машут. Что такое — не знаю, а что-то страшное. Про *этих* я что-то знаю. Это, пожалуй, *мигилисты*, которых мясники бьют. Недавно били ножами, а то *они* хотят всех порезать и под свою волю покорить. Еще я знаю, что *они* какую-то *химию* вытворяют, гоняют зеленый дым. Будто даже и наш Леня гоняет зеленый дым. Он учится в реальном училище, вот и вытворяет *химию*, и такая вонь в комнате у него, — ихняя горничная Настя говорила, это дядина горничная, *они* на одном дворе живут с нами, только забора у нас нет, общий двор, родственники наши *они*, троюрод-

ные,— такая вонь, говорит, как самая нечистая... и будто он *энглих* вызывает, на зеленый дым... по ночам и являются к нему, душу *им* продает, как пан Твардовский, скорняк нам читал недавно. Я знаю, что это глупости, и Горкин мне говорил, но всё-таки про *это* лучше не говорить. А старшая сестра сказала, что напрасно Ляня «этим увлекается»,— *химией*?— «может и в *петропавловку* угодить». Я спросил, что это такое— «петропавловка», а сестра сделала страшные глаза и сказала, что я еще маленький, не пойму. А Горкин и совсем не знает, и не велит мне болтать пустое. А про *мигилистов* у нас и на дворе говорят, ругаются. Недавно дворник Гришка, известный озорник,— его скоро рассчитают, только вот году исполнится, как отец скончался,— обругал старого кучера Антипушку: «мигилист плешивый!». Антипушка перекрестился на такое слово и отплюнулся: «язык отсохнет, каким ты словом человека обзываешь!». Это всё равно, что нечистым обозвать. И вот, все боятся, что и Ляня будет *мигилистом*. Он уж и теперь не желает постное есть и не ходит в церковь, а дяденька его балует. На свою голову и набалует, долго ли до греха!

Я смотрю на продавленную гору, всхожу на нее в последний разок: хорошо глядеть сверху, через забор, на Донскую улицу, сверху она совсем другая. Сажусь на забор и вижу— жандармы куда-то скачут! Никогда тут жандармы не скакали, только за крестным ходом ездили всегда два жандарма, а тут целая толпа проехала, и офицер главный впереди. Случилось что-то?... Потому-то должно быть, и боятся, все шепчутся... и ворота велели на запор. Неужели *энги* начнут всех резать и под свою волю покорять? Меня забирает страхом, как бы не увидали на заборе. И все боятся, ни души вароду, вся улица мертвая, пустая.

Слезаю с горы и вижу Горкина. Он ходит чего-то по мокрому катку, прямо по луже шлепает, не чувствует, что валенки промокли. Я кричу ему: «ты же ноги промочил, как же ты в валенках и по воде, а меня всё останавливаешь...» Он только отмахнулся, потопал на снежку, проворчал: «не до валенок теперь». А что? Я беру его за руку. Он на меня не смотрит, и на глазах слезы у него. Спрашиваю его, чего это он плачет, папашеньку всё жалеет? Он говорит, что всегда помнит папашеньку, да чего ж о нем плакать, в раю он у Господа... кому же и в раю-то быть, если не таким... ни одного человека не обидел, все о нем молятся...— «Так о чем же ты плачешь?».— «Страшно тебе и говорить»,— только и сказал. И я ему сказал, что и мне что-то с самого утра страшно, боюсь чего-то, и все, будто, боятся, а сейчас совсем страшно стало, жандармы куда-то поскакали.

— Разве поскакали? ты когда видал? — спрашивает он тревожно.

— Да, вот сейчас, с забора я видал... много поскакали, все к рынку, и офицер с саблей поскакал, очень страшно... А что, чего-нибудь страшное будет, а?

Он крестится на березы и говорит чуть слышно, всё боится:

— Страшное дело, милок... Царь-батюшка наш преставился, царство ему небесное. Ты только не кричи про это, страшно про *такое* говорить. Господь попустил *такое... злое дело!*..

— Чего попустил? какое *злое дело*? почему ты так особенно говоришь, всё крестись? это очень страшно, а? — упрямлю его сказать мне всё.

— И не приставай, не могу тебе сказать, маленький ты, страшно тебе сказать про *такое*. Нет, нет, и не приставай...

Он отмахивается и опять идет по воде, не видит. Я бегу в дом узнать, какое это «такое, злое дело», вижу у ворот Гришку и кричу ему: «слыхал, Горкин-то сказал... наш царь?...» Гришка грозит на меня, шипит — «не ори, разве про *это* можно орать?!». Он какой-то особенный, очень строгий: на картузе у него медная бляха, на шее свисток железный, для скандалов, когда надо опасных людей ловить, и стоит у запертой калитки, дежурит на часах. У калитки стоит и Василь Василич. Василь Василич пошатывается и грозит мне пальцем, присел на корточки и манит меня, шопотом шипит: «иди сюда, чего скажу-то...». Я подхожу к нему и слышу, что он «не в себе», пахнет от него смирновкой. В такое-то время, в Великий пост! Этого еще никогда не было, он всегда зарок принимает на Великий пост, а теперь даже стоять не может, и смотрит, будто рыбьими глазами, Горкин так говорит.— «Это я с горя»,— говорит Василь Василич,— «у нас такое горе...» — «Царь помер, да?»,— говорю ему.— «Это что, ежели бы сам помер...» — с плачем говорит он,— «*а то энти... губители...*» И дальше не говорит.— «Иди домой и сиди тихо-смирно..., а то страшно теперь, такое время... теперь страшные дни пришли... без царя мы теперь живем... конец подходит!».

Мне очень страшно. Мы теперь живем без царя! Это тот царь, с хохлом... портрет его, в золотой раме, висит в столовой. Тот, особенный, кто всё может... может и казнить и миловать? Его помазал сам Бог,— рассказывал мне Горкин,— и он не простой человек, а как угодники и святые люди. Его поставил Бог, и он особенно близкий к Богу. Ходит в золоте, и ест на золоте, и ест не то, что едят все люди. Что же он может есть? — я не могу придумать. И он — по-мер! Даже не помер, а его... *энти*, губители... убили?! Как же мы теперь без царя? А если придут вра-

ги? Должно быть придут враги... все вот и сторожат... и шепчутся, и боятся, и жандармы куда-то поскакали и велют запереть ворота, так боятся. Могут придти враги и всех нас перережут! Враги его боялись, а теперь он помер, и... конец подходит, всех порежут. Недавно мы пели песню и зажигали плошки на тумбочках: «царствуй на страх врагам!». А теперь — какой теперь страх врагам!

В доме тихо, канареечка только чуть-чуть журчит. После смерти отца всегда у нас в доме тихо. А теперь еще тише и страшнее. Брат еще не вернулся из училища, сестры запрятались куда-то, матушка разбирается в бумажках, приводит дела в порядок, после отца. Нянька Домнушка метет полы, всё тычет в глаза комочком платка и вздыхает. Я спрашиваю ее, тихо:

— Домнушка, скажи мне... могут придти враги?

Она молчит, шмыгает только носом и возит щеткой. Я дергаю за щетку и не даю мести.

— Нет, ты скажи... царь помер, без царя мы живем теперь... могут придти враги... резать нас?

Она вырывает у меня щетку, пихает меня в угол и топает:

— Да отвяжешься ты от меня, смола? — шипит она страшным голосом, как змея, — разве теперь так можно безобразить! страшное такое, а ты как бесенок прыгаешь! ступай на свое место, возьми книжку, читай в книжку..., что я тебе говорю? слышишь, за упокой души благовестят, помолись — поди за батюшку-царя! У, страха на тебя нет... погоди, вот... погоди-и!...

И тут слышно, как благовестят уныло. Я не могу усидеть на месте и бегу к Горкину в мастерскую. Он затворился в своей каморочке и не отвечает на стук в дверку: должно быть молится. Если молится — ни за что не пустит к себе. Я пробую дергать дверь: не отзывается. Бегу к Антипушке на конюшню.

— Антипушка, милый... это правда, сущая правда, будто царь помер, преставился?

Антипушка чинит большой хомут. Он сдвигает на лоб медные очки, ставит хомут к ногам и говорит шепотком — боится. И в глазах его чувствую я страх.

— Да, преставился наш царь-батюшка, царство ему небесное, вечный покой. Не простой он был царь, а отец родной, царь — Ослободитель... нас, крестьянский народ на волю выписал, выкупил у господ... и крепостных теперь нету, и меня выкупил... годов двадцать как выкупил... царь благой, наш Ослободитель..., а его лихие губители вчера в Питере убили, лиходеи..., что нас вот ослободил...

И кричу, в изумлении и страхе:

— Уби...ли?! убили... царя!.. *мигалисты*?!.. Врешь ты, его Бог поставил... его нельзя убить!..

— Не ори ты так, чумной!.. — зажимает мне рот Антипушка, озираясь на дверь конюшни. — Убили, *энги*... губители-лиходеи, которые душу продали, самые последние...

— Подписали *ему*... кровью подписали... это самые враги? да?...

— Не кричи ты, а то забрать могут! — шепчет Антипушка, озираясь. — Теперь неизвестно, куда обернется, кто будет над нами... все опасаются, как можно кричать... сиди неслышно... начальство думу думает, а то...

— А то что? а?.. могут враги, а? нас теперь резать будут? будут резать? ну, скажи всю правду... Антипушка...

— А ты почем знаешь? — крестится на меня Антипушка. — Теперь всё могут, без царя. Страшные дни пришли. Всё могут... и резать начнут, и... всё могут погубить... с *ними*, с *энгами* сам главный враг, *нечистый*... Ну да уж все пойдём... смотрит он на волосатый морщинистый кулак и стучит им по хомуту, — кто с чем, а все пойдём!..

— Я шкворень возьму... можно, Антипушка, этот шкворень, а? — шепчу я, чувствуя страх, до дрожи в животе, и в глазах жжет слезами. — Я буду шкворнем..., а ты чего возьмешь?

Антипушка трясет кулаком.

— Уж ежели *начнется*... хошь с оглоблей пойду, а то вот ви-лы...

— А... *начнется*...? а чего *начнется*... резать? скажи, Антипушка... а?...

— Кто е знает, как оборотится... Успеют присягу поцеловать... ну, может, оно и обойдется..., а не успеют...

— Какую «присягу»? что такое «присяга», как ее целовать?... Нет, ты скажи... я всё пойму... это чего..., страшное, да?...

— Стулай ты, грехи с тобой!.. — гонит меня Антипушка, — барыня запрягать велела, в церкву сейчас поедут, на панихиду... И уж гордовой приходил, всем велел, чтобы шли присягу целовать, в церкви листы лежат, на канунах, на золотой бумаге, с орлом, и полиция стоит, очень строго.

Я бегу к воротам, маню Гришку:

— Скажи, кто царя убил? зачем присягу целовать?

— Ори еще! Разве можно теперь...?! — шепчет Гришка и озирается: и он боится!

— А «присягу» успеют поцеловать?

Он глядит на меня, прищурясь, и говорит раздумчиво:

— Тебе не надоть, ты еще маладенец.

* * *

«Присягу» успели поцеловать. У нас опять царь, и враги не придут нас резать. Прежнего царя перенесли на боковую стенку, рядом с бисерной барыней, а над столом повесили нового царя, Все у нас говорят, что этот царь очень сильный, может даже сломать подкову. Это хорошо: враги будут его бояться. Новый царь весело глядит, глаза у него синие, большие, лицо большое, как у Василь Василича, и борода такая же, широкая, золотая, А лоб высокий, с залысиной, «мудреющий». А *мигилстов* поймали и будут казнить. Их никому не жалко. Скорняк говорил, что будь он царь — он бы их в смоле смолил и в котле варил. И все плотники придумывали, как казнить. Даже и Горкин не пожалел их, а всегда всех жалеет. Сказал:

— Надо людей жалеть, а *энги* уж и не люди стали, душу продали князю зла. *Энги* все законы преступили, и для них нет милости-закона. На них не закон, а страх надо. Тут власти их не помилуют земным законом, а...там... Господь рассудит правдой Своей.

Январь, 1937 г.

Париж.

Весенний плеск

Я стою у чужой реки. Она идет полноводно, ровно, как месяц тому, как год. В оправе течет она, зеленоватая на заре, дымно-молочная в мутный вечер. Не засмеется, не зашумит.

А где же... весенний плеск?

Черные сучья чужих деревьев... Золото голубое — где?...

Надо закрыть глаза — и через узенько-узенькую щелку, через деревья, глядеть на небо. Лучше пройти за решетку сада, сесть где-нибудь потише, на солнышке, и так вот смотреть и слушать...

Воробьи?.. Это они чирикают, бойко, трескуче-бойко, радостно по весне. И вот...—

...Великая лужа, на черном дворе, вся в блеске. Великая, во весь двор, лужа. Бурая в ней вода, — густое сусло. Плавают — золотятся на ней овсинки, ходит ветром утиный пух. Чуется белый ледок под нею. Кругом, — у заборов, у садовой решетки, у сараев, под бревнами, — голубовато снежком белеет. Он уже сдал, исколот лучами солнца, сочится стеклянным блеском, день ото дня бледнеет, уходит в землю. Гонит его перезвон пасхальный, звяканье рухающих сосулк, бугроватых. Налитые молочной мутью, ржавчиною явтарной, повисли они с сараев, звонко постукивают о бревна и разлетаются в соль и блеск. Холодком покусывает с воды, но белые утки полощутся, — к садовому забору, где поглубже; жесткие их носы вылушивают что-то сочно, вспыхивают на солнце крылья...

Какая радость — этот немножко страшный переход по доскам, до сада! В саду еще спит зима, тяжелая, большая; но снег надувается горбами, и почернел, усыпан веточками, вороньими и куриными следками, лапками. Под яблоньками сероватые проталы-стекла, лужицы голубые, — в них солнце и небо плещется. Ябловки черны-черны, корявы весенней голостью. Зато тополя светлеют тугим и здоровым глянцем, и почки на них полнеют, золотятся.

Слепит всюсюду. Небо упало в лужу и уронило солнце. Оно купается с облачками, с утками, брызжет в меня, на мое весеннее пальцецо, синее, с золотыми якорьками, только-только наде-тое, в новенькие калошки, — белые огоньки на них, Я жмурюсь и

робко двигаюсь по доскам. Длинные они, во всю лужу, с кирпичика на кирпичик, потряхиваются, плещутся. Хорошо бы остановиться и попрыгать на середке, где доски плюхают по воде. Но нянька поталкивает в спину, несет за мною лопаточку,—ковырять снег в саду, гнать зиму.

— Чего надумал... иди, иди! Он те вот шуганет, из сарайчика выскочет... потоцнешь!..

Он... Я знаю: живет в сарае, на погребке, в темноте...

Сараи и конюшни... Они приоткрыли двери и густо дышат. Из черной дыры, в сверкающей сетке капель, темно поблескивает большой лошадиный глаз, мягкие губы фыркают за решеткой стойла, и тянет оттуда, как-будто, печеным хлебом,—навозом, лошадью. Сыплется с крыши блеском, булькает звонко по канавке, золотая вода течет. А серые стенки сухи, теплом от них. Синие мухи вспыхивают и спят на солнце. А солнце... Оно — везде. Это оно играет в колокола, гудит, и звенит, и плещет, и хочется заплясать, запрыгать. Но нянька ворчит — иди!

Вот и самая середина лужи. Я иду еле-еле, чтобы идти подольше, засматриваюсь на новенькие калошки, уже запачканные навозцем, на плавающие овсинки, на щепочки. Чурбак плавает, как корабль, синяя муха на нем катается. А вов, на бревнах, кот наш чего-то на солнце зябнет,—весны желает! Нынче и у него праздник. И сизые голубки ловят за хвостики друг дружку, кругами кружатся под сараем. Солнце под моими ногами плющится, и вдруг... что это?! почему закачались доски?..

Я поднимаю голову. Красное на меня идет, покачивается, горит, как пунцовый шар... И я радостно узнаю Михайлу, который тесал лопаточку. Он двигается навстречу и весь сияет. Намасленная голова сияет на обе стороны, красное лицо сияет, и красная борода, как веник, и новая красная рубаха — пузырями. А на сапоги даже смотреть больно. Он радостно надвигается на меня, раскидывает руки... Рот его широко разинут, борода прыгает, хохочет. Я замираю, не знаю,—как же теперь мне быть? А он все ближе, он меня свалит в лужу... Но вот он делается ниже, ниже. Я вижу, что он садится, будто играет в коршуна... схватывает меня и вдруг поднимает на страшную высоту, над страшной лужей! Как хорошо отсюда,—и хорошо, и страшно. Все, все — другое совсем: и сосульки, и последний снежок на крыше, и пестрые бабы за забором, в зеленых и красных юбках, сгибают через лужи, и красные шары где-то, и синие...

— Держись!..— рычит Михайла, раскачивая меня над лужей.

Я слышу, как кричит нянька,—черный ее платочек с красными и зелеными цветами,—но Михайла тискает меня ласково и

урчит, урчит. От него пахнет деревянным маслом, красной рубахой, винными, будто, ягодами, мятными пряниками, хлебом, овсом и чем-то еще, таким приятным, теплым...— стружками даже пахнет, чурбачками. Он жмет меня под колени одной рукой, другую вытирает наотмашь рот, зевает и рычит мне в ухо:

— Ну!.. Христос Воскреси!..

И мочит сладким теплом мне губы, колется бородой. И только голубоватые, сонные глаза я вижу.

Он тихо ставит меня на доску, придерживая за калошки, чтобы все было аккуратно. Я, как во сне, в испуге, в радости непонятной. Я его очень люблю, и — лошадь за решеткой. И так хорошо и страшно висеть над лужей. А он, через мою голову, тянется и рычит:

— Домна Семеновна! А Христос Воскреси!..

Я слышу, как чмокаются они через мою голову, — раз и раз, и еще раз, — боюсь, что упаду в лужу, и схватываюсь за плисовые штаны Михайлы.

— Ну-ну, воистину... насосался уж, батюшка!..— ворчит нянька, хватая меня за плечи, — рабенка-то уронишь...

— Домна Семеновна!.. — вскидывает Михайла руки, будто лететь хочет.

— Да уж проходи скорее...

Но проходить нельзя. Узенькая доска, а кругом лужа.

— Пра-здник, Домна Семеновна... никак нельзя... Пожалуйте вам дорожку!.. — рычит Михайла, и бухается в лужу.

Брызгами, блеском и холодком обдает меня, утками, сапогами, солнцем. Черные ноги Михайлы продавливают ледок с хрупом, — он теперь виден, под желтыми волнами. Я закрываю глаза от ужаса, от счастья. Кричит нянька, кричат утки, куриные голоса... А Михайла идет по воде, размахивает красными руками, пробивает сапогами дырья, откуда высоко фыркает — бьет вода.

— Не потопну...! — кричит Михайла.

И столько плеска кругом, и блеска, и гомона! Играют — смеются колокола, и утки белыми крыльями, и куры, орущие на бревнах, и кот, махнувший на крышу в снег, и голуби, вдруг взметнувшиеся на хлопающих крыльях, и плещущая лужа, и тысячи солнц на ней. Все смеется, звенит, играет...

Этот весенний плеск остался в моих глазах — с праздничными рубахами, сапогами, лошадиным ржаньем, с запахами весеннего холодка, теплом и солнцем. Остался живым в душе, с тысячами Михайлов и Иванов, со всем мудреным, до простоты-красоты душевной, миром русского мужика, с его лукаво-веселыми глазами, то ясными, как вода, то омрачающимися до черной

мути, со смехом и бойким словом, с лаской и дикой грубостью. Знаю, связан я с ним до-века. Ничто не в силах выплеснуть из меня этот весенний плеск, светлую весну жизни... Вошло — и вместе со мной уйдет,

5 апреля 1925 г.

Париж.

Встреча

Если бы мне сказали лет 30 тому назад, что придет день, когда я буду приветствовать Бальмонта, как друга и собрата, я ни за что бы не поверил. В те времена, нас, прозаиков, и их, постов-символистов разделяли необозримые пространства. Для меня, в частности, они были непонятны, громки, чужды, нарочиты. Мы для них были слишком преспы, непарадные, низменно-земны, — «бытовики». Они и видом отличались: взгляд надменный, парящий где-то, в высях; в одежде что-то окрыленное, — широкополость. Знаки их издательского ордена — для посвященных: «Скорпион», «Гриф», «Муссагет», «Весы» и прочее — за-земнос. Книги их — торжественно-звучащи и туманны, — в заглавиях. Разделявали они нас в «Весах» — презрительно и властно. Ну, и их разделявали тоже: зло — Буренин, убийственно — Влад. Соловьев.

Помню первое прочитанное из Бальмонта:

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Коробила и эта «музыка», и эта пышность и нарочитость звуков, — эти «чуждый чарам черный челн»... или, у Сологуба, — «лила, лила, лила, качала два тельно-алыя стекла... белее лилей,

далее лала, была бела ты и ала». Прочтешь — и отчего-то стыдно. Да, красовито, звонко, бенгальски-ярко... словно — чуждо.

Прошли года. Отвеялся налет, что было смутно — прояснилось. Пригляделись, прислушались друг к другу, один другого почитали, прочитали, приблизились, и — сблизились. Признали, что мы — собратья, что мы покорны общему велению — познать себя, петь жизнь, служить в ней, радоваться в ней, о ней и с нею... что мы — земные, что все мы — дети земли, своей земли, что мы — бытовики земли, ее певцы и псалмопевцы.

Прошли года. И вот, десять лет тому назад, здесь, на чужой земле, в Париже, я, по земле ходящий, братски приветствовал словом бытовика-прозаика, нашего славного Поэта-Солнца. Я подошел к нему душевно, взял его руку и сказал: «пойдем... пойдем на родину, в твое родное, во Владимирскую твою губернию, в Шуйский уезд твой... — какое прозаическое «Шуйский», «уезд!» — пойдем на речку, на бережках которой ты родился... посидим, посмотрим, как она тиха, едва струится, послушаем, как шепчут камыши и травы, как камушки на дне играют, как ходят рыбки, наши рыбки... как реют голубые коромысла... как облачка стоят над темным лесом. И солнечный Поэт пошел со мною. И поэт вял прозаика, и бытовик-прозаик вял поэту. И они признали, что Солнце, которое вело поэта в океаны, в Мексику, в Гвинею, к Пирамидам, которое он пел чудесно, — везде одно, что оно — наше солнце, то самое, что отражается и в речке Шуге, что русская неведомая речка, как и Океаны, живет от Неба... что эти струйки текут куда-то... как струи Амазонки, Нила, Ганга... все в те же Океаны, которые текут куда-то... — мы не знаем; что месяц, подымающийся над русским городком, — все тот же месяц, что над Гвинеей, над Мексикой, над Пирамидами, над Океаном... что человеческое сердце у всех одно, что все мы — под одним — Неведомым... что тот огонь священный, огонь огнепоклонников, огонь лампы русской деревенской церкви — все огонь... и жжет, и греет, и сияет... что все мы в чьей-то Воле, в Божьей Воле, все — служим, и все течем, как эта речка, — в Океан, в какой — не знаем... что все мы — из родного Лона... и к нему вернемся. Я находил слова и чувства, и эти чувства были общи нам. Мы повяли один другого — и обнялись по-братски. Поэт признал, что властные истоки его скитаний, его песен — его родная речка, родное солнце, — родина, Россия. Мы блуждаем, ищем, познаем... — и возвращаемся домой, к родному. Я узнал, что... мы... странники, идем к возврату, к дому... Поэт Солнца возвратился, завершая круг... Гимн родному, пет, не гимн: псалом родному. Я его узнал, — увидел — в Кацбретоне, в Лац-

дах... На перекрестке, на тихой станции. Он ехал с сундуками, с книжками... откуда-то из-под Рошфора... Лет шесть, по полугоду мы жили рядом... сидели на излучинах у речки — тепистые берега... коряги, сосны, пески и кулики... Я слышал о России, все чаще о России. Мы ее искали, вспоминали... Осень... близка полночь... Вдруг шорох, неурочные шаги... и оклик тихо: «Вы еще не спите?» А, ночные! еще не спим. И мы беседуем, читаем. Он — новые сонеты, песни... все та же полновзвучность, яркость, но... звуки грустны, вдохновенно-грустны, тихость в них, молитва. Я — «Богомолье» — : приоткрываю детство, вызываю. Мы забывались, вместе шли... в далекое Святое, дорогое. Порой я видел влажный блеск в глазах... Поэт дарил меня стихами. Я их храню. Необозримые пространства, нас разделявшие, как будто, — надуманные нами — их не стало: их просто не было. Мы познали, что мы едины, все мы, как ни разнозвучны исканья и находженья наши. Мы — в одном, одним мы связаны служеньем, которого не постигаем, слышим только... — родным и вечным. Над нами, в нас — повелевающий закон: твори!

Апрель 1986 г.

Париж.

Предисловие и публикация

Е. А. Осьминой ©

Раздел ведут А. Брылов и Вл. Новиков ©

Геннадий Федорович Шпаликов родился 6 сентября 1937 года в Карелии, в городе Сегеже. Учился в Киевском суворовском училище, затем был курсантом военного училища им. Верховного Совета РСФСР. В 1964 году окончил сценарный факультет ВГИКа. Дебютировал в кино в 1962 году короткометражным фильмом «Трамвай в другие города». Автор сценария художественных фильмов «Мне двадцать лет» (1965, совм. с М. Хуциевым), «Я родом из детства» (1966), «Ты и я» (1972, совм. с Л. Шепитько) и др., двух мультфильмов. В качестве режиссера снял по своим сценариям фильмы «Я шагаю по Москве» (1964, совм. с Г. Данелия) и «Долгая счастливая жизнь» (1967). 1 ноября 1974 года Шпаликов добровольно ушел из жизни.

Песни Г. Шпаликов начал писать в конце 50-х годов, две из них созданы в соавторстве с А. Галичем, многие вошли в его фильмы. Всего им написано около 120 песен и стихотворений. Авторских фонограмм Шпаликова сохранилось мало, некоторые мелодии утеряны. В 80-х годах получил популярность цикл песен Сергея Никитина на стихи Шпаликова. В 1979 году в издательстве «Искусство» выпущена книга «Избранное», куда вошли лучшие его сценарии, стихи, песни и разрозненные заметки.

*
*   *
*

Где-то лаяли собаки
В затухающую даль.
Я пришел к вам в черном фраке —
Элегантный как рояль.

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Леденящий пистолет.

Расположен книзу дулом,
Сквозь карман он мог стрелять.
Я все думал, думал, думал:
Убивать — не убивать?

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам.
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.

И от сырости осенней
Дрожи я сдержатъ не мог.
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Выстрел, дым, сверкнуло пламя.
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
Элегантный как рояль.

Лере В.

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иваче,—

Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище спасут,
Простят долги и старые обиды —
Я отменяю воинский салют,
Не нужно мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчики по мне не зарыдают.
Прости-прощай, Центральный Комитет —
Ох, гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи.
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

В. П. Некрасову

Ничего не получалось,
Я про это точно знал —
Что всегда доступна частность
И неведом идеал.
Я его однажды видел
Не во сне, а наяву:
Появился в лучшем виде,
Повалился на траву.

Мы во Внукове лежали,
Отменялся самолет.
Ничего уже не жаль мне,
Жалко — вот.
Жаль мне только, жалко только
И тогда, да и теперь:
Ничего не знаю толком
О себе и о тебе.

1963

В. П. Некрасову

Чего ты снишься каждый день,
Зачем ты душу мне тревожишь, —
Мой самый близкий из людей,
Обнять которого не можешь?

Зачем приходишь по ночам,
Распахнутый, с веселой челкой?
Чтоб просыпался и кричал,
Как будто виноват я в чем-то.

И без тебя повалит снег,
А мне все Киев будет сниться...
Ты приходи, хотя б во сне,
Через границы, за границы.

1974

Песенное слово Геннадия Шпаликова – это слово утреннее и весеннее:

Уходят в будни наши торжества,
Но я хочу утрами просыпаться,
Искать слова и забывать слова
Надеяться, любить, повиноваться.

Мир предстает в песнях Г. Шпаликова как бы увиденным впервые, захваченным врасплох. Такой эффект создается простой и стремительной интонацией: фраза не загромождена подробностями, невесома и артикуляционно легка:

Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты тоску мою, палуба,
Расколи о причал.

И легкость эта пронизывает все языковые слои: лексику, синтаксис, семантику. Песни Шпаликова не требуют усилия, какой-то работы по их «осмыслению». Однако это вовсе не означает облегченности того поэтического смысла, который таится в глубине. За кажущейся беззаботностью – душевная раскованность, что неизменно ценится читателями и слушателями, но от автора требует больших энергетических затрат, напряженного переживания красоты бытия: «Говорю: во плоти / Вижу существо – / А во мне колотит / Жизни волшебство».

Жизнеутверждающее слово Геннадия Шпаликова ничего общего не имеет с наугусным эстрадным бодрячеством. Иногда наивный оптимизм советской «массовой» песни становился для поэта предметом легкой иронии:

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц – и не больше –
Ковчиг войны.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Но все же это не пародия, не издевка. Ведь чья-то юность, чья-то весна совпали с сорок первым годом, и наивная вера в скорую победу у многих людей была фактом не столько политического, сколько непосредственного жизнеощущения. Шпаликов как поэт равнодушен к тому коллективно-подсознательному началу, которое всю эксплуатируется песней эстрадной. Совсем не грех играть на струнах элементарных эмоций — важно, какая музыка при этом получается.

Шпаликовская авторская песня порой вплотную приближалась к эстрадно-массовой поэтике. «Палуба» звучала в кинофильме «Коллеги», на всю страну прошумела песня из кинофильма «Я шагаю по Москве» — мажорная, светлая, и при этом без малейшей фальши:

Бывает все на свете хорошо...

И действительно — бывает. В жизни каждого человека случаются эти минуты просветления, ощущения полноты бытия. И песня, поэзия вообще не могут не запечатлеть в слове эти мгновения, не декларируя при этом, что все всегда хорошо.

Мы хотим познакомить читателя с малоизвестными страницами шпаликовского творчества. Впрочем, песню «Где-то лаяли собаки...» наверняка слышали многие, считая ее фольклорной. Это стилизация под блатной романс, типичная для многих бардов в начальную пору творчества (этой стихии отдали дань и Окуджава, и Галич, и Высоцкий, и Анчаров, и Ким). При всей незамысловатости песни обратим внимание на музыкальность ее фонетики: в каждой строке первой строфы дважды повторено жеманное ударное *a*, сразу создающее определенный эмоциональный настрой.

Песня «Ах, утону я в Западной Двине...» прежде печаталась без третьей строфы, перекликающейся, заметим, как и песня в целом, с «некрологическими» мотивами Высоцкого. А две песни, посвященные Виктору Платоновичу Некрасову, предельно серьезны и проникнуты традиционной для жанра верой в дружбу, жаждой духовного взаимопонимания,

ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. Н. Ширяев,
доктор филологических наук,
заведующий отделом культуры речи
Института русского языка АН СССР

Наше время — трудное и особое время. Говорят о кризисе культуры страны в целом. И это справедливо. Говорят о необходимости возрождения не просто культуры, а национальной культуры. И это вполне справедливо. Язык — неотъемлемая и важнейшая часть национальной культуры. В нем, как в капле воды, запечатлена история народа, его духовное богатство. Может быть, сейчас, как никогда прежде, современно звучат знаменитые тургеневские строки: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Если раньше со школьной скамьи нам внушали, что мы велики, как велик и могуч русский язык, то, кажется, теперь остается только уповать на веру в величие нашей нации. Верить, конечно, надо, но сидеть сложа руки не стоит, чтобы не понасть в положение крыловских годных лишь на жаркое гусей, предки которых спасли Рим. Да, язык, национальное достояние. Язык, по меткому выражению К. И. Чуковского, живой как жизнь. Отражая наши национальные достоинства, язык показывает и все наши беды,

Когда слушаешь современные рок-шлягеры, то иногда кажется, что это какой-то малоосмысленный набор слов. А «речи» тех, кто обслуживает в магазинах, мастерских и пр., особенно если они в плохом настроении?! А сквернословие, за примерами которого не надо далеко ходить?! Это ведь тоже русский язык.

Стоит ясно осознать: язык как достояние нации требует постоянной заботы и внимания от каждого из нас. Особая же роль в этом нелегком деле принадлежит ученым-лингвистам, по роду своей деятельности призванным заниматься языком. В лингвистике существует особая область, называемая культурой родной, в том числе, разумеется, и русской речи.

Культура речи — понятие многозначное. Одна из основных задач культуры речи — это охрана литературного языка, его норм. Формирование литературного языка — процесс не простой. Ведущую роль на определенном историческом этапе развития страны играет обычно наиболее передовая культурная часть общества. Становление норм современного русского литературного языка неразрывно связано с именем А. С. Пушкина. Язык русской нации к моменту появления литературного языка был весьма неоднороден. Он состоял из диалектов, просторечия и некоторых других обособленных образований. Диалекты — это местные народные говоры, весьма различные с точки зрения произношения (на Севере окают, на Юге — акают), лексики, грамматики. А. С. Пушкин на основе разных проявлений народного языка своим гением сумел создать в своих произведениях такой язык, который был принят обществом в качестве литературного.

Литературный язык — это, как хорошо известно, далеко не одно и то же, что язык художественной литературы. Правда, литературный язык составляет основу языка художественной литературы. И более того: литературный язык как бы вырастает из языка художественной литературы. И все же язык художественной литературы — это особое явление. Его главное отличие — эстетическая нагруженность. Для достижения образности в языке художественной литературы могут использоваться диалекты и другие нелитературные элементы.

Литературный язык — это то, что создает, естественно, наряду с экономическими, политическими и другими факторами, единство нации. Без развитого литературного языка трудно представить себе полноценную нацию. Современная лингвистика среди основных признаков литературного языка называет такие: язык культуры, язык образованной части народа, сознательно кодифицированный язык. Последнее — сознательная кодификация языка, то есть определение и узаконение его норм, — прямая задача куль-

туры речи: с появлением литературного языка появляется и культура речи.

Кодифицированные нормы литературного языка — это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование. Утверждение о том, что существительное женского рода с окончанием *-а* в именительном падеже в предложном падеже имеет окончание *-е* (а не какое-то другое) — это утверждение о норме. Однако такие нормы для носителей русского языка естественны, их кодификация предельно проста.

Культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен. Часто можно услышать *километр*, но норма — только *километр*, не менее часто — *договор*, но норма — *догово́р*, хотя сейчас уже категорически не запрещается и *договор*. Это свидетельствует еще и о том, что современный русский литературный язык, хотя и может рассматриваться как язык от А. С. Пушкина до наших дней, не остается неизменным. Он постоянно меняется и, следовательно, нуждается в нормировании. Если же следовать раз и навсегда установленным нормам, то есть опасность, что общество просто перестанет с ними считаться и будет стихийно устанавливать свои правила. Стихийность же в таком деле — далеко не благо, поскольку то, что кажется приемлемым одним, останется неприемлемым для других. Поэтому одна из основных задач лингвистической науки о культуре речи — следить за развитием и изменением норм.

Это хорошо понимали русские языковеды дореволюционного периода, свидетельством чему является анализ норм русского языка в вышедшей в 1913 г. книге В. И. Чернышева «Чистота и правильность русской речи», как бы подводящей некоторый итог развитию произносительных, морфологических и синтаксических норм со времен А. С. Пушкина. Приведем несколько характерных примеров из этой книги. Показано, что в XIX веке еще были возможны колебания в употреблении или неупотреблении беглых гласных *о* или *е*: *ветр* — *ветер*, *визрь* — *визорь*, *пепл* — *пепел*, *промысл* — *промысел*, *умысл* — *умысел*. Возможны были в XIX веке формы *матерь* и *дочерь*. Гораздо шире, чем теперь, в то время употреблялись безличные предложения: «Для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи» (В. Белинский); «Было половина восьмого...» (Ф. Достоевский); «Дивно им грезилося весной, весной и летом золотым» (Ф. Тютчев).

Особой заботы потребовали общелитературные нормы в после-

революционные годы, и это понятно. В активную общественную жизнь включились широкие народные массы, которые недостаточно хорошо владели литературным языком. Возникла угроза расшатывания литературной нормы. Это прекрасно понимали филологи, в первую очередь взявшиеся за пропаганду культуры речи, среди них известные ученые В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и многие другие. Это прекрасно понимали и политики, в том числе и В. И. Ленин, выдвинувший идею создания словаря современного русского литературного языка, то есть словаря нормативного. Такой словарь и был создан в четырех томах под руководством и редакцией Д. Н. Ушакова.

Новым этапом в развитии культуры речи как особой научной дисциплины были послевоенные годы. В центре внимания по-прежнему оставалась общелитературная норма. Крупным ученым этого периода был С. И. Ожегов, получивший широчайшую известность как автор самого популярного однотомного «Словаря русского языка», ставшего настольной книгой не одного поколения людей. Словарь был не единственным вкладом ученого в развитие русистики. Другой его несомненной заслугой явилось создание в 1964 году сектора культуры русской речи в руководимом тогда академиком В. В. Виноградовым Институте русского языка АН СССР. Этот сектор — теперь он называется отделом — работает и сегодня. Проблемы общелитературной нормы оказались в центре внимания отдела.

Именно С. И. Ожегову принадлежит определение нормы, которое сейчас можно считать классическим: «Норма — это совокупность наиболее пригодных („правильных“, „предпочитаемых“) для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов».

Нормативный аспект культуры речи — один из важнейших, но не единственный. Чешский лингвист К. Гаузенблас пишет: «Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке». И это абсолютно верно. Можно привести большое количество самых разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения соблюдения общелитературных норм, но не достигающих цели. Вот, например, такой текст из «Руководства по эксплуата-

ции телевизионного приемника»: «Для повышения качества воспроизведения мелких деталей при приеме черно-белого изображения в схему телевизора введено автоматическое отключение резекторных фильтров в яркостном канале. Уменьшение влияния помех достигается применением схемы автоматической подстройки частоты и фазы строчной развертки». Мне, неспециалисту, этот текст просто непонятен, поскольку я не знаю, что такое резекторные фильтры в яркостном канале, фазы строчной развертки. А специалист, например, мастер по ремонту телевизоров, знает об устройстве аппарата, конечно, не по руководству к нему. Следовательно, такой текст неэффективен, поскольку не имеет своего адресата. Мало добиться нормативности текста, надо еще сделать этот текст хорошим.

Главнейшее требование к хорошему тексту такое: из всех языковых средств должны быть выбраны такие, которые с максимальной полнотой и эффективностью выполняют задачи общения, или коммуникативные задачи. То, что теперь называют *коммуникативным аспектом* культуры речи, было известно еще в античности, подарившей миру учение о риторике. Вначале риторика определялась как наука об ораторском искусстве, а затем ее стали понимать как науку вообще о хорошей речи — и устной, и письменной.

Известно, что в каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Эти нормы касаются и многих моментов общения. Поясним это на таком простом примере. Если вы утром садитесь за стол со своей семьей за обычный завтрак, то вполне этичным будет попросить: *Передай-ка мне хлеб* (1). Но если вы сидите за торжественным столом в гостях или обедаете в общественной столовой с незнакомыми или не очень близкими вам людьми, то по отношению к ним уместным будет ту же просьбу выразить так: *Не можете ли Вы (или: Вас не затруднит) передать мне хлеб?* (2). Чем отличается (1) от (2)? Ясно, что не нормативностью. С точки зрения эффективности коммуникации (1) прямым образом и следовательно более ясно выражает мысль, чем (2), в котором мысль выражена косвенно, но в соответствующей ситуации все же уместно (2). Различие (1) и (2) именно в следовании этическим нормам. Этические нормы, или иначе — речевой этикет, касаются, в первую очередь, обращения на «ты» и «Вы», выбора полного или сокращенного имени (Ваня и Иван Петрович), выбора обращений типа *гражданин, товарищ, господин* и пр., выбора способов того, как здороваются и прощаются (*здравствуйте, привет, салют, до свидания, всего доброго, всего, до встречи, пока* и т. п.).

Этические нормы во многих случаях национальны: например, сфера общения на «Вы» в английском и немецком языках уже, чем в русском, эти же языки чаще, чем русский язык допускают сокращенные имена. Иностранец, попадая в русскую среду, иногда, не желая того, выглядит бестактным, привнося в эту среду свой языковой этикет. Поэтому обязательным условием хорошего владения русским языком является знание русского языкового этикета.

Этический аспект культуры речи не всегда выступает в явном виде. Р. О. Якобсон, лингвист с мировым именем, выделяет шесть основных функций общения: обозначение внеязыковой действительности (Это был красивый особняк), отношения к действительности (Какой красивый особняк!), магическая функция (Да будет свет!), поэтическая функция, металингвистическая функция (суждения о самом языке «Так не говорят; Здесь нужно иное слово») и фактическая, или контактоустанавливающая функция. Последняя — это сам факт общения, тема при этом не имеет большого значения, неважно, и то, хорошо или плохо раскрывается эта тема. Этический аспект общения выступает на первый план. Вам, например, неудобно идти молча со своим знакомым, с которым вас, однако, связывает не слишком многое, и вы начинаете разговор о погоде, хотя и вам, и вашему собеседнику она в этот момент безразлична. Цель такого разговора одна — установление контакта.

Итак, культура речи — это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

В следующем номере мы остановимся несколько подробнее на коммуникативном аспекте культуры речи.

Из дискуссии 20-х годов о культуре речи*

Л. П. Якубинский,
профессор Ленинградского университета

Ясно, что заметка Ленина о порче языка (имеется в виду статья В. И. Ленина «Об очистке русского языка» — *прим. ред.*) не может быть рассматриваема в связи с традиционными разговорами о засилье иностранщины в нашем языке: это — не лингвистический национализм, это также и не «пуризм», основанный обычно на весьма туманных представлениях о «чистоте» языка. У Ленина корень вопроса — речевая целесообразность: употребляем иностранные слова без надобности, употребление иностранных слов затрудняет влияние на массу. Объявление войны коверканию русского языка есть в данном случае частный вопрос общего вопроса о целесообразной организации нашего языкового быта. В этом отношении и опубликованные заметки в высшей степени своевременно.

Русский язык переживает достаточно смутное время, что вполне понятно по следующим причинам:

1. Общественные классы, взявшие после революции в свои руки аппарат государства, школу, прессу и т. д., в силу этого оказались перед необходимостью интенсивно осуществлять сложные языковые формы; условия дореволюционных классовых взаимоотношений в нашей стране были таковы, что революция застала народные массы не подготовленными в этом отношении; мы не имели до революции объективных условий, сколько-нибудь способствовавших действительному развитию сложных форм письменной и устной речи в рабочем классе, а тем более в крестьянстве; языковые профессии (журналист, лектор, судебный работник и т. д.), где эти сложные формы получают особенно отчетливое выражение, — были в целом недоступны рабочему и крестьянину. Осуществляя сейчас упомянутые сложные формы речи, выдвигая своих «языковых профессионалов», массы естественно только «учатся», и период языковой «учебы» еще не ско-

* Начало см.: Русская речь. 1991. № 3.

ро будет изжит, а, следовательно, не скоро создадутся в этом отношении какие-нибудь устойчивые нормы; сейчас «море волнуется». Поскольку же в порядке учебы используется старое наследие, сплошь и рядом из этого старого берется не наиболее ценное, а плохое и часто худшее, как это и отмечает т. Ленин на частном случае «французско-нижегородского стиля». Сама повизна дела обуславливает ошибки новичков.

2. Образование новой рабочей и крестьянской интеллигенции, в общем старающейся усваивать старую «правильную» интеллигентскую речь, обуславливает тем не менее настоящий натиск местных диалектов на так называемое нормальное общерусское говорение, имевшее свою историю и свои нормы. Если бы Чернышеву пришлось снова писать «Правильность и чистоту русской речи», он был бы в большом затруднении: колебания очень велики, пестрота очень большая (в фонетике, в лексике, в синтаксисе). Самое понятие о «приличии», «коммльфотности» речи, столь свойственное высшим и средним кругам буржуазии, пропадает; сравните успехи уличного «шпанского» жаргона. Конец этого «смещения языков» еще трудно предвидеть, он обусловлен процессами, развивающимися в самом обществе.

Едва ли в этот переходный период следует сидеть сложа руки и ждать у моря погоды, полагаясь на «естественный» ход вещей. Необходимо руководить развивающимся процессом, учитывая все его особенности; а для этого необходимо, чтобы научное языкознание: 1) решительно и вплотную занялось изучением современного языкового процесса; 2) чтобы оно начало, наконец, разрабатывать теоретическую основу для технического образования в области речи, тем более, что спрос на это техническое образование у рабочего и крестьянского молодняка чрезвычайно велик, как показывает, например, близко знакомый мне опыт ленинградских Государственных Курсов Техники речи. Должна быть создана технологическая наука о речи. Задача государства в этом отношении — оказать реальную поддержку исследовательской работе лингвистов и попыткам организации технического образования в области речи.

Только такая постановка вопроса обусловит действительно рациональную организацию языкового быта и даст возможность как следует бороться с отрицательными в нем явлениями, в том числе и с тем явлением, на которое указал т. Ленин,

С. И. Бернштейн,
действ. член Российского института
истории искусств

Заметка В. И. Ленина затрагивает серьезный и больной вопрос — вопрос о небрежности словоупотребления в повседневной общественной жизни и в частности в газетном обиходе. Вопрос этот не новый. Он не раз поднимался в периодической печати и до революции. Однако, именно за последние годы дурная традиция, укоренившаяся десятилетиями, расцвела особенно пышно.

Газетный язык в среднем за годы революции значительно понизился в своем качестве. И в статьях, и, еще в большей степени, в информационных заметках резко сказывается понижение языковой культуры. Газеты изобилуют излишними иностранными словами, громоздкими и небрежными синтаксическими построениями, неверно истолкованными значениями слов, банальными и стертыми образами, навязшими в зубах и потому бездейственными сочетаниями, неудобопроизносимыми стечениями звуков и грубыми нарушениями ритма речи. Ленинградская пресса стоит в этом отношении ниже московской, а некоторые провинциальные газеты положительно представляют собой хрестоматии языковой бездарности и безвкусыя.

Между тем чистота и свежесть языка — вопрос не только «хорошего тона». Дело тут не в педагогическом соблюдении правил школьной грамматики, — грамматическая «ошибка» иной раз не грех, — а в выразительности речи и тем самым в ее действительности, — в том «влиянии на массы», которое было так дорого Ленину. С небрежностью языка необходимо бороться, как с серьезным пороком нашей общественной жизни.

Главным орудием борьбы за очищение языка должно служить широкое распространение стилистических навыков, обострение и уточнение языкового чутья. Учащимся педтехникумов и пединститутов, партшкол и комвузов, участникам кружков рабкоров — всем, кто готовится к деятельности, связанной с воздействием на массы при помощи слова, — необходимо прививать умение чувствовать значение слов, грамматических форм, синтаксических построений, интонационных и ритмических оборотов, — умение владеть устной и письменной речью, искусством языкового творчества. И в трудовой школе эти практические потребности должны руководить преподаванием русского языка; надо принимать их во внимание и в преподавании других пред-

метов. Это азбука современной школьной методики, но действительность бесконечно далека от разрешения этой задачи. Необходимо устранить отношение к языку, как к средству механического и приблизительного закрепления мысли при помощи ходячих шаблонов, впустить учащимся сознание великой роли языка как орудия мышления, переживания и воздействия на окружающих.

Необходимо уяснить широким массам, что только творческое и активное отношение к языку обеспечивает и отчетливость мышления, и действенность выражения мыслей и чувств, и соответствие выражения содержанию сознания. От всякого, кто принимает участие в газетной работе,— начиная от главного редактора и кончая хроникером и случайным корреспондентом,— надо требовать, по крайней мере, опрятного обращения с языком.

Д. Н. Ушаков, профессор I Московского государственного университета

Мне кажется, что в заметке Ленина поставлено два вопроса: 1) об «употреблении иностранных слов без надобности» и 2) о «коверкании русского языка». Правда, второй только намечен и по контексту, как затронутый по поводу слов «будировать», может представляться не более, как одною из сторон того же первого вопроса; однако, выражение «коверканье русского языка» обнимает, на мой взгляд, явление более широкое, чем неправильное понимание иностранных слов.

И то, и другое — и потребление иностранных слов, излишнее и неправильное и вообще «коверканье» русского языка — свойственно людям, недостаточно овладевшим русским языком. Это недостаточное владение в частности состоит в бедности словаря. Кроме того, — и это очень важно, — всякий, не преодолевший еще трудности усвоения книжного языка, не свободен от ошибочного взгляда на этот язык: будто необходимейшим свойством книжного языка должна быть какая-то нарочитая непростота, будто письменная фраза должна непременно облекаться в какие-то совершенно особые, хотя бы и не вполне понятные слова.

Скудный запас слов для выражения мысли и предпочтение непростых слов простым, приводит такого автора между прочим и к иностранным словам. На почве недостаточного умения точно

и ясно выразить мысль (вследствие неумения расчленить ее и дать себе ясный и точный отчет во всех ее частях и во всех взаимоотношениях этих частей), иностранное слово может быть легко предпочтено русскому, именно вследствие своей непонятности. Так, например, надо уметь разобраться в оттенках своей мысли, чтобы выбрать подходящее выражение, сказать ли в данном случае «недочет» или «пробел», или «недостаток». Некоторое чутье не позволяет, предположим, сказать «недочет», сказать «пробел» удерживает неполное понимание смысла этого слова и т. д. И вот подвертывается слово «дефект» и берет верх, как совсем непонятное и тем самым освобождающее от труда разбираться в оттенках мысли и в оттенках смысла слов. Вот почему недоучке прощительно, по выражению Ленина, употреблять сверх нужды иностранные слова. Можно ли такому автору рекомендовать воздерживаться от иностранных слов, пока не исчерпает всех средств выражения своими русскими? Ведь нет гарантии в том, что иностранное слово чувствуется ему как иностранное.

Вы спрашиваете, отразилась ли и как революция на стиле газет и печати вообще. Об отражении революции на языке вообще имеется целый ряд интересных, частью глубоких, частью поверхностных наблюдений. Оставим их в стороне, как не идущих прямо к делу, а представляющих главным образом теоретический интерес для лингвиста. По отношению же к газетному языку нельзя не признать, что революция выдвинула между прочим и к литературной деятельности многих лиц, недостаточно владеющих русским литературным языком. Отсюда и худосочие, и многословие, и недостаточная точность и ясность языка, и в частности не в меру и не к стати иностранные слова в языке газетных заметок. Чем больше такой автор «набивает руку» в писании, тем более ему опасности закоренеть в этих недостатках. А когда не владеющий литературным языком стал профессиональным литератором, то это его к чему-то обязывает: ему уже «простить нельзя», говорит Ленин.

...Если под обогащением и расширением словаря понимается обогащение иностранными словами, а под упрощением — очистка от ненужных иностранных слов, то это, конечно, одна только сторона дела. Не простым может быть и язык, состоящий из одних русских слов; обогащение и расширение словаря, самое ценное, состоит в овладении возможно большим числом слов, оборотов и т. д. своего общепонятного книжного языка... Никакого другого способа не вижу, кроме хорошего литературного образования. Надо, чтоб дети и подростки в школе имели длительное и

постоянное общение с хорошей литературой, книжной речью. Надо, чтоб школа была насыщена ею. Необходимы занятия ею, ради нее самой, помимо воспитательных и образовательных целей, для которых литературными произведениями пользуются в школе. Поэтому и выбор литературного материала в школе должен определяться не только этими воспитательными задачами...

...Литературный язык — как воздух, чистоту и свежесть которого не всякий умеет ценить: можно привыкнуть и к дурному воздуху и не замечать, что дышать им вредно. Можно не замечать и нечистоты и «исковерканности» языка. Но Петр Великий или Пушкин, каждый в свое время, на поворотах русской культурной жизни, замечали и задумывались. Ленину принадлежит не одна только настоящая заметка о языке. Любопытно, что ему же принадлежит мысль о составлении общедоступного небольшого словаря русского литературного языка. По его инициативе в 1921 г. была при Главнауке организована работа по созданию такого словаря, на которую были ассигнованы средства, которой были заняты десятки сотрудников и которая была прекращена в осени 1923 г., по постановлению Коллегии Наркомпроса. Спросим себя, многие ли понимают ценность такого пособия, как словарь литературного языка? Кстати сказать, у нас для русского языка такого словаря не было и нет.

«Журналист». 1925. № 2

*Публикацию подготовила О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук*

Как писать: *бог* или *Бог*?

Л. К. Чельцова,
кандидат филологических наук

Такой вопрос часто можно встретить в почте нашего журнала. Ответить на него мы попросили кандидата филологических наук Л. К. Чельцову.

Написание слова *бог* со строчной буквы сложилось в после-революционные годы и до середины 80-х годов могло считаться устойчивым, не испытывающим колебаний, несмотря на то, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) нет никаких рекомендаций относительно написания этого слова (а также слов *господь*, *богородица* и т. п.).

До революции употребление прописных и строчных букв регламентировалось правилами Я. К. Грота. По мнению этого видного русского ученого, с большой буквы следовало писать: Имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан (*Бог, Господь, Творец, Всевышний, Спаситель, Богородица, Святой Дух, Св. Троица* и т. п.; также слова: *Провидение, Промысл, Небо, Церковь* в духовном смысле... некоторые названия праздников, недель и дней, имеющих особенное церковное значение: *Рождество Христово, Пасха, Благовещение, Великий пост, Страстная, Светлая неделя, Великий четверг, Преполовление*). Но наименования месяцев и дней

недели, а также народные названия праздников в разных моментах года пишутся с малой буквы: *святки, масленица, мясоед, семик, кашкулы* (Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб., 1885. С. 406). Именно такое написание было принято в дореволюционных изданиях, например: «Лишь озеро молчит / влача туманы, / Но ласково на нем отражены / И я, и все союзники мои: / Ночь белая, и Бог и твердь, и сосны» (Блок А. Земля в снегу. М., 1908. С. 75); «Грозный еврейский Бог спасал целый город грешников за то, что среди них оказался один праведник» (Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре. 1917–1918).

После революции отрицательное отношение к религии проявилось, в частности и в том, что при написании религиозных названий вместо прописной стали употреблять строчную букву: *бог, господь, богородица, рождество, пасха*. «Сталинская тирания, равно преуспевающая в искоренении христианства и уничтожении крестьянства,— пишет в журнале «Человек и природа» А. Морозов,— торжественно пообещала самой себе, что к Первомаю 1937 года из русского языка вообще навсегда исчезнет даже само слово Бог. Когда же этого не случилось, угодливые реформаторы нашей орфографии постановили считать это слово пишущимся с малой буквы (1990. № 1).

Написание со строчной буквы закрепилось в практике печати, например: «Правда блокады оказалась такой внезапной и такой страшной, что сам бог постарался бы частично приукрасить ее» (Нева. 1989. № 1); «Талант — это от бога, говаривали в старину, а все прочее — от людей» (Слово. 1989. № 5); «Хорошо, что вера в бога перестала быть мерилем реакционности и поводом для подозрений в тайном антисоветизме» (Сов. культура. 1990. 5 мая). Слова *бог, господь, богородица, богоматерь* в принятом написании были включены в словники Орфографического словаря русского языка и современных толковых словарей (БАС, МАС, Словарь русского языка С. И. Ожегова). Более того, при переиздании дореволюционной литературы авторское написание «исправлялось» нередко с серьезными потерями.

В последнее время стало изменяться отношение к религии, к ее святыням (Богу, Библии, церковным праздникам и т. п.); возродился интерес к церковной тематике, занявшей место на экранах телевизоров, на страницах газет и журналов. Изменение отношения к религии сказалось и на употреблении прописной и строчной буквы — паряду с написанием *бог* широкое распространение получило написание с прописной буквы, например: «Глав-

ное тут было не в деталях и фактах, а в ощущении благополучия, тепла, света, семьи, счастья, *Бога*» (Москва. 1989. № 1); «Благодарю вас, и да благословит вас *Бог*» (Из новогоднего обращения Дж. Буша к советскому народу // Изв. 1990. 2 янв.); «Не случайно в старой России жизнь людей сводилась к формуле *Бог – Россия – царь – семья – я*» (Комс. правда. 1991. 21 февр.).

Написание слова *Бог*, означающего верховное существо христиан, с прописной буквы вполне соответствует § 109 действующих правил, предусматривающих употребление прописной буквы в нарицательных именах в особом стилистическом употреблении и, очевидно, не вызывает никаких возражений.

Отдельные случаи употребления прописной или строчной буквы в слове *бог* требуют самостоятельного рассмотрения.

В религиозной литературе написание слова *Бог* не знало колебаний. Следует, однако, заметить, что в текстах религиозного содержания прописная буква используется гораздо шире, чем в нецерковной печати; с прописной буквы пишутся местоимения, относящиеся к Богу (*Он, Тебе, Твой* и т. п.), слова *Крест, Церковь, Небеса, Божий, Богоподобный* и мн. др. Например: «И мы благоговеем перед *Ним, Творцом Неба* и земли. Мы молимся *Ему, нашему Отцу, с Которым* связаны неразрывными узами. Без *Него* душа человека тоскует и мятется. Он *Сам* вложил в сердце человека стремление и любовь к *Себе*» (Протоиерей Александр Мень. Мир Библии. М., 1990. С. 81).

Существуют и такие случаи, когда слово *бог* пишется со строчной буквы.

1) Со строчной буквы пишется слово *бог*, если оно обозначает высшие неземные существа в различных религиях, например: *бог Аполлон, бог Будда, бог солнца Ра* и т. п.

2) Строчная буква пишется при употреблении слова *бог* в переносном смысле, например: «От возникновения христианства до веры миллионов людей в Христа прошли столетия. Новый *бог* возник после смерти Ленина, а трепетная, слепая вера в него охватила сотни миллионов в течение 15–17 лет» (Нева. 1989. № 1.); «Раньше Прохорову казалось, что комиссар батальона — и *бог*, и царь, и высший судья» (Юность. 1989. № 8); «Я бы сказал, что я всю жизнь молился одному *богу* и буду ему молиться — строжайшему соблюдению законности» (Лит. газ. 1989. 9 июня).

3) В форме множественного числа, естественно, используется строчная буква, например: «Иерархия *богов* во главе с царем *богов* представляет собой отражение порядков восточной деспотии» (БСЭ, Изд. 3-е, Т. 9, С. 36).

4) Со строчной буквы пишется слово *бог* в устойчивых сочетаниях *бог знает, не бог вестъ, дай бог, не дай бог, не приведи бог, побойся бога, ради бога, с богом, слава богу, как бог на душу положит, одному богу известно* и т. п. В современном языке эти выражения не связаны с религией, с Богом, например: *бог знает (или бог вестъ)* кто (или что, какой, куда и т. п.) — «неизвестно кто (или что, какой, куда и т. п.)»; так говорят также о ком-, чем-л. плохом, не очень хорошем; *дай бог* — употребляется при пожелании чего-л.; *одному богу известно* — «не известно никому» и т. п.

Однако в современной печати встречаются случаи, когда, наоборот, излишнее «усердствование» толкает пишущих на употребление в этих выражениях слова *бог* с прописной буквы: «*Слава Богу, живы в нашем Отечестве святые традиции жен декабристов*» (Моск. новости. 1990. № 10); «*Лично я не против сегодняшнего Театра на Таганке (дай Бог, чтоб остальные наши театры работали на таком же уровне)*» (Театр. 1989. № 10); «*И выпито Бог знает сколько бочек всякой дряни*» (Нева. 1989. № 2).

Употребление прописной буквы в устойчивых выражениях нельзя считать оправданным ни стилистически, ни содержательно.

Таким образом, сложившееся до середины 80-х годов написание слова *бог* со строчной буквы изменилось. Оказалось возможным предложить новые рекомендации по употреблению прописной и строчной буквы в этом слове.

*Беседы о языке рекламы***ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ
И КОМПОЗИЦИЯ РЕКЛАМЫ**

Н. Н. Кохтев,
кандидат филологических наук

Составитель рекламы всегда должен иметь в виду психологию ее воздействия на читателей или слушателей.

Прежде всего реклама должна привлечь к себе внимание. Мы, как правило, воспринимаем информацию или активно, в тех случаях, когда она нам нужна, интересна, или пассивно, подсознательно. Произвольное внимание требует некоторого напряжения, связанного с тем, что мы сознательно хотим что-либо увидеть или услышать. Предположим, мы хотим обратиться в платную поликлинику, поэтому целенаправленно ищем в газете рекламу, сообщающую о медицинских услугах. К сожалению, большая часть нашей рекламы и рассчитана именно на этот тип внимания. Мы вынуждены разыскивать необходимые нам сведения в безбрежном море информации, поскольку составители, как правило, не дают в тексте рекламы маяков, которые сигнализировали бы нам о тематике объявления.

Реклама должна ориентироваться и на другое внимание — произвольное, когда сознание сосредоточивается на тексте рекламы в силу особенности этого объекта как раздражителя. В качестве раздражителя чаще всего выступают слова, хотя могут быть и другие средства, например, рисунок. Причем необходимо иметь в виду, — что наибольшее внимание на газетной полосе обращает на себя сильный словесный раздражитель. Это связано с использованием стилистических и композиционных приемов. Вряд ли выделяется на странице газеты такой рекламный текст:

«Организация на хоздоговорной основе предоставит производственную площадь 200 кв. м (высота потолка 5 м) для организации совместного производства».

А что если сначала задать вопрос потенциальному потребителю: «Вам нужна производственная площадь?» Весь текст сразу получит другое звучание. Эта фраза выделит его из ряда подобных.

В восприятии и воздействии рекламного текста большую роль играет его композиция. Можно установить некоторые общие ее

закономерности. Она состоит из рекламного лозунга (заголовка), зачина, содержания, заключения.

Рекламный лозунг (заголовок) — это ударная строка в композиции. Не просто первая и тщательно обработанная фраза, но выражение, способное мгновенно восприниматься и запоминаться на долгое время без всякого усилия со стороны читателя. Практика выработала некоторые требования к рекламному лозунгу: он должен привлечь внимание к рекламе; быть лаконичным, обращенным непосредственно или косвенно к читателю; содержать мысль, связанную с темой рекламы, и сообщать таким образом минимальную информацию; содержать ударное слово (или слова), склоняющее к энергичным действиям; побуждать к чтению текста; размещаться над основным текстом и выделяться (шрифтом, цветом). Вот некоторые примеры рекламных лозунгов: «Вы хотите научиться вести банковское дело так, как это умеют в Швейцарии? У Вас появилась такая возможность!» (далее — реклама консультативно-методического семинара по проблемам организации и функционирования коммерческих банков); «Компьютеры должны быть исправны всегда!» (далее — реклама сервисной службы по ремонту компьютеров); «Обеспечиваем сервисное обслуживание медицинской техники!» (далее — реклама сервисной службы). Рекламный лозунг выражает основную идею: «У Вас проблемы — у нас решение»; «Наши машины убеждают в работе»; «Наверное, Вы не против сэкономить 10–15% топлива?»; «Большая Ялта — созвездие курортов»; «Новое высококачественное импортное оборудование за рубли!»

Рекламный зачин поддерживает лозунг: он помогает понять выгоду, пользу, преимущество предложения, обещает что-либо, сообщает нечто важное читателю, заставляет прочитать следующую часть текста. Например: «У Вас отличная фигура! Такой комплимент станет для Вас привычным после 10 сеансов в нашем центре». Первая фраза — рекламный лозунг, вторая — рекламный зачин, далее следует основная часть, в которой дается подробная информация.

В содержании — основной части текста — говорится о достоинствах рекламируемого объекта, приводятся аргументы в его пользу, которые убеждают потребителя последовать призыву рекламы. Заключение призвано закрепить основную мысль, рассеять сомнения, которые могут возникнуть у читателя, окончательно убедить его в справедливости всего изложения. В нем даются также этикетные формулы вежливости типа «Мы рады Вам»; «Мы благодарим Вас за внимание»; «Мы всегда с Вами», несомненно, приятные потенциальному потребителю, а также адреса и

телефоны. Такова развернутая классическая композиция рекламного текста. Может быть и свернутая композиционная структура, когда отсутствует какая-либо композиционная часть или две части могут совмещаться. Приведем примеры: «(1) Иностранцы языки за 20 дней! (2) Краткосрочные курсы иностранных языков к Вашим услугам. (3) «Репетитор» объявляет набор на интенсивные курсы английского, немецкого, французского языков. Обучаем разговорной речи по эмоционально-смысловому методу, даем знания по грамматике. При успешном обучении слушатели овладевают лексическим запасом 1.500 единиц. (4) Метод обучения очень эффективен! Ждем Вас! Тел. ...»

«(1) Хотите бросить курить?

(2) Двадцать минут, и вы навсегда избавлены от смертельной привычки.

(3) Метод электропунктуры в комплексе с психотерапией, применяемый медицинским центром «Тонус», дает потрясающие результаты. Ваш шанс — 8 из 9. Процедура совершенно безболезненна. Никаких побочных эффектов. Во время лечения учитываются имеющиеся у вас болезни.

(4) Принимаются заявки от частных лиц и предприятий.

При семейном посещении — скидка 10%.

Итак, гасите сигарету и звоните по телефонам...»

«(1) Внимание, специалисты!

(2) Вам это выгодно!

(3) Ассоциация экономического развития окажет посреднические услуги с оплатой работ от 85 до 95%.

(4) Наш телефон...»

В этих текстах прослеживается четкая композиция: (1) рекламный лозунг, (2) зачин, (3) основное содержание, (4) заключение.

Не менее эффективны могут быть тексты и со свернутой композиционной структурой: «10–15 кг за один месяц! Хотите похудеть? Телефон...» В этом примере композиция состоит из двух частей: рекламного лозунга, который выражает все содержание рекламы, и заключения, в котором назван телефон; все остальные, интересующие получателя рекламы подробности можно узнать по телефону.

Однако свернутой композицией следует пользоваться весьма осторожно. Действительно, отсутствие той или иной части в рекламе может в некоторых случаях привести или к информативной недостаточности сообщения или к его эмоциональной ущербности.

Читатель должен запомнить содержание рекламного текста. И здесь вступает в действие память. Основные процессы памяти — запоминание, сохранение, забывание и восстановление. Все

это должен учитывать составитель рекламы, поскольку текст рассчитан не только на сиюминутное воздействие, но и на долгосрочное. Главный процесс — запоминание. Значит, должны быть в рекламе некоторые словесные, логические и фактологические стимулы, которые позволили бы прочно запомнить текст, чтобы в нужный момент его воспроизвести и воспользоваться предложением. Поэтому необходимы яркие слова, характеризующие объект рекламы, логические доводы в его пользу и фактический материал.

В тексте рекламы можно выделить слово-сигнал, которое называет объект рекламы или намекает на него, сигнализирует о теме рекламы. Выделяются также ключевые слова, которые создают для потенциального потребителя рекламный образ, через них дается необходимая информация об объекте рекламы. Поясним нашу мысль на простом примере. Реклама «Покупайте ароматный шотландский виски!» содержит слово-сигнал «виски» и ключевые слова «ароматный», «шотландский». Ключевые слова, являясь сильными, ударными, обращают на себя внимание потребителя и быстро запоминаются: «Ключ к деловому успеху!» (реклама автомашины «Волга»), «Вы не ошиблись! Часы „Луч“ — это удача». Слова-сигналы — «успех», «часы „Луч“; ключевые слова — «деловой», «удача».

В конечном счете вся реклама связана с интересом. Интерес — это избирательное отношение личности к объекту в силу жизненного значения и эмоциональной привлекательности этого объекта. Таким образом, возникает мотив расчета, пользы для потребителя, что должно быть доказано логическими аргументами и усилено эмоциональным описанием объекта. Именно эмоциональная привлекательность рекламируемого товара или услуги может привлечь потребителя вначале, а затем уже им осознаются потребительские мотивы.

Какие же побуждения толкают человека воспользоваться призывом рекламы? Основной мотив — выгода. Выгода в широком понимании этого слова. Изучение иностранного языка... Что это дает мне? Уверенность в себе, новую работу, перспективу сделать карьеру (в хорошем смысле этого слова), авторитет среди друзей, возможность читать литературу, газеты, журналы, научные труды на иностранном языке.

Могут быть иные мотивы. Например, любовь — я хочу купить любимому человеку дорогой подарок. Желание в чем-то превзойти другого — еще один мотив. Один человек имеет замечательную видеоаппаратуру, его друг хочет купить видео более высокого класса, поэтому и обращается в рекламу. И еще один мотив —

страх. Особенно это проявляется во внимании к рекламе медицинских учреждений и рационального питания. Кто-то боится заболеть и поэтому ищет рекламу кооперативных медицинских учреждений, чтобы основательно провериться там и проконсультироваться с авторитетными докторами. Страх перед возможным пожаром в квартире заставляет семью застраховать имущество.

Реклама должна быть оригинальной, ей противопоказаны штампованность и монотонность, которые понижают устойчивость и концентрацию внимания. Наше внимание как бы скользит по такому тексту. И здесь возникает весьма сложная проблема штампа и стандарта в рекламе. Речевой стандарт — готовый оборот или словосочетание — неизбежен в большинстве случаев. Он легко воспроизводится, в результате облегчается процесс коммуникации и происходит экономия усилий и времени для пишущего и читающего рекламу. Например, в качестве стандарта используются такие словосочетания, как «Наш телефон...», «Пользуйтесь услугами...», «Телефон для справок...», «Адрес ателье...», «Справки по телефону...», «Магазин открыт ежедневно...». Однако в рекламе образуются и штампы, представляющие собой избитые, часто встречающиеся выражения с потускневшим лексическим значением и стертой эмоциональностью. Они очень опасны, поскольку не задевают нашего внимания. К ним относится, например, серия: «Книга — лучший подарок», «Томатный сок полезен для здоровья».

Стандартный текст менее действен, чем текст, содержащий эмоциональные элементы. Сравним две рекламы скороморозильного конвейерного аппарата ГКАЧ:

1. «Быстро, качественно заморозить продукты — залог сохранения вкусовых качеств и возможности длительного хранения.

Уникальный скороморозильный конвейерный аппарат создан технической мыслью ученых и инженеров Советского Союза» (далее даются технические характеристики аппарата).

2. «Можно ли в XX веке так же хорошо заморозить продукты, как 100.000.000 лет назад?

Да!

Если вы воспользуетесь уникальным скороморозильным конвейерным аппаратом ГКАЧ!

Он создан технической мыслью ученых и инженеров Советского Союза» (далее — технические характеристики аппарата).

Второй текст, эмоционально насыщенный, гораздо эффективнее, чем первый.

Средства психологического воздействия на читателей многообразны, мы рассказали лишь о некоторых.

Ораторское искусство

«Дар слова» Н. Абрамова

Н. Абрамов — филолог начала XX века, известный прежде всего как автор первого в нашем столетии «Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений», выдержавшего четыре издания (1-е — 1900 г., 4-е — 1915 г.). В эти же годы (с 1900 по 1912) вышло в свет 15 небольших по формату выпусков, посвященных речевому мастерству, культуре общения («Искусство излагать свои мысли», «Искусство произносить речи», «Искусство рассуждать» и т. д.). Все они были объединены общим названием «Дар слова».

Фрагмент из этой книги мы предлагаем вниманию читателей.

ИСКУССТВО РАЗГОВАРИВАТЬ

Глава I. О разговоре

...Всеми люди учатся, всякие науки и искусства проходят, как полезные в жизни, так и совершенно бесполезные, только на одно искусство решительно никто не обращает внимания: на искусство разговаривать. Точно разговор, беседа, возможность общения с другими — не есть самое дорогое наше достояние, самое значительное отличие человека от животного, точно умение разговаривать не есть один из важнейших элементов человеческого усовершенствования!

И вспомнил я записанный Гоголем разговор двух мужиков:

— Сват, здорово!

— Здорово, сват!

— А что табак-то есть?

— Есть.

— Ну, еще здорово (нюхает).

— Да что ж ты, сват, к нам того?

— Я было того, жена-то таё, так уж и ну.

Да, именно так и должны при встрече люди неразвитые говорить. Им разговаривать не о чем. Как корова в известном парадоксе, они не говорят не потому, что не умеют, а потому, что им говорить не о чем.

Глава II. Что значит разговаривать?

Разговор, как удачно выразился один английский писатель, есть род меновой торговли: мы даем одно и получаем за это другое, по возможности равноценное.

Если из двух собеседников только один дает, а другой все получает или отделяется незначительными ценностями, вроде «да» и «нет», то беседа гаснет, не будучи поддерживаема, а если не гаснет, то получается не беседа, а преподавание или допрос.

Правда, есть разные характеры. Иной по преимуществу — получатель: он любит послушать молча, охоч подумать чужими мозгами, лениво повторяя в своей голове чужой умственный процесс, флегматик по темпераменту, он старается замолчать при первой к тому возможности. Другой наоборот — словоохотлив, говорок, он не может долго следить за чужой мыслью; сангвиник по темпераменту, он при первой возможности врывается в вашу речь и уже не даст вам больше говорить, боясь, как бы его опять не заставили слушать; этот любит давать, а не получать.

И тот и другой плохие собеседники. Для того чтобы беседа носила ровный, приятный характер, каждый из собеседников должен и давать и получать, говорящий и слушающий должны постоянно меняться ролями, чередоваться.

Впрочем, было бы жестокой ошибкой думать, что разговор есть только обмен мыслей. Скорей можно было бы сказать, разговор есть обмен симпатий. Часто самый процесс разговора, близость к известному лицу, его взоры, мины, жесты, поза нас интересуют несравненно более, нежели смысл произносимых им слов, может быть, пустых и банальных, но из его уст имеющих лично для нас особенный, глубокий интерес. Молчание иногда красноречивее слов. Мало того, слова могут иногда мешать обмену симпатий, могут вносить известную ложь в глубокую истину молчания, ибо самые сильные, самые интенсивные чувства нейдут в слова...

Как поддерживается разговор? Разговор поддерживается критикой. Можно даже сказать, что разговор — это взаимная критика, взаимное опровержение или подтверждение, взаимное исправление мнений. При критическом направлении разговора мысли обоих собеседников исправляются, углубляются, принимают надлежащее направление. «Из столкновения мнений вытекает истина», — говорит французская поговорка. И не только истина вытекает, еще появляются совершенно новые, не думанные ранее мысли, как из столкновения двух тел появляются искры. Только

такой разговор плодотворен, только такой разговор достоин мыслящих людей.

...Можно ли и должно ли подготовляться к разговору? Нет. Отправляясь в общество, я знаю, что я могу сообщить другим, могу, пожалуй, догадаться, что мне сообщит то или другое лицо, с которым встречу, но решительно не знаю, какой оборот примет наш разговор, о чем мы будем разговаривать. Ведь разговор — это громкое мышление в присутствии собеседника, от которого мы ждем и суда и поддержки. Разговор хорош, когда он является экспромтом для обоих собеседников, когда оба в одинаковой степени к нему не подготовлены и совместно ищут истины. Только в этом случае беседа не рискует перейти в спор.

Разговор питается мимолетными впечатлениями, случайными мыслями, пришедшими нам в голову во время самого разговора. Разумеется, чем больше мы вообще думали о разных вещах до давней беседы, чем больше мы имеем опыта и знаний, иначе говоря, чем более мы развиты и образованы, тем более мы приготовлены ко всякому разговору.

Глава III. О чем разговаривать?

Одного отличного собеседника спросили:

— Почему это с вами разговаривать интересно?

— Я говорю только о том, что знаю; если же чего не знаю, то об этом молчу и стараюсь навести разговор на то, что хорошо мне известно.

В этом весь секрет приятного разговора: говори о том, что знаешь.

Детям с малых лет внушают мысль, что-де неприлично в обществе говорить о самом себе. Мотивируется это тем, что человек, говорящий о себе,— или хвалит себя, что есть тщеславие, или себя порицает, что есть самооплевание. Так как то и другое обнаруживает в говорящем умственную ограниченность, то они одинаково неприятны для слушателя. По-моему, это правило не выдерживает критики. О чем же говорить, коли не о себе? Что я лучше знаю, нежели себя, и о ком я могу рассказать больше интересных подробностей, нежели о самом себе, о своих впечатлениях и опытах, о своем туалете и своей кухне?

«Человек любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению ... он сравнивает, он сверяет, он ищет подтверждений, сочувствия, оправдания». И этого удовольствия хотят лишить его сухие неданты только потому, что среди говорящих о себе имеются бахвалы и плаксы. Как будто деньги

теряют свою ценность от того, что имеются и фальшивые монеты!

Правда, люди, вечно недовольные собой или самодовольно хвастающие своей особой, не суть самые приятные собеседники. Благородный характер редко плачется на свою судьбу, особенно при постороннем. Делает это обыкновенно черствый эгоист, ставящий свою персону центром мира и смотрящий на окружающих людей (может быть, более, чем он, несчастных), как на нечувствующих манекенов, до которых ему нет никакого дела; он все свое внимание обращает на свою драгоценную особу. Отсюда у него и повышенная чувствительность ко всякого рода неудачам, и постоянное хныканье на свою судьбу, иногда даже желанье хвастнуть безмерностью своего несчастья.

Бахвал — тот же эгоист, но в другом роде. Он хочет возбудить в слушателях зависть или высокое мнение о себе, о своих достоинствах, о своем постоянном счастье. Бахвал оскорбляет своих слушателей. Хвастать счастьем, положением, богатством оскорбительнее, нежели хвастать достоинствами. Чем более человек старается вызвать в слушателях уважение к себе, тем менее он его получает; он только показывает, что уважением еще не пользуется. Самодовольство вообще — признак глупости. Оно чаще всего возникает из неспания. Человек, который не в состоянии видеть чужих совершенств, весьма доволен собственной посредственностью. Это — «счастье дураков».

Хныканья, как и бахвальства, должно, конечно, избегать, но в промежутке между этими крайностями лежит широкая область всяких тем для разговора о самом себе, которые не только не подлежат порицанию, но прямо должны рекомендоваться. Говоря о самом себе, раскрывая перед собеседником то, что иначе оставалось бы для него скрытым, вы этим самым вызываете и его на разговор о самом себе, требуете от него равноценности. Беседа приобретает задушевный, назидательный характер, каждый из собеседников чувствует себя ею более или менее удовлетворенным.

Другое заблуждение, также внушаемое в детстве, состоит в наставлении не разговаривать о лицах. Конечно, разговаривать о присутствующих неумно и неприлично, но говорить о чьих-нибудь друзьях, еще не значит говорить о них дурное с целью поспорить их с собеседником или вообще посплетничать, еще не значит неискренно хвалить в уверенности, что ваша похвала будет им передана. Почему же не сказать: говори о ком хочешь, но говори разумно и благожелательно. Мнение, выраженное словами: «N, конечно, хороший человек, но как оратор едва ли до-

стыгнет известности», не станет шокировать и лучших его друзей.

Из всего сказанного отнюдь не следует, что беседы о самом себе и о лицах должны быть единственными родами разговора. Мы даже сделаем уступку педантам, сказав, что в виду соблазна, представляемого этими темами в смысле уклонения в отрицательную сторону, при наличии нескольких тем предпочтение должно быть отдаваемо не им. Впрочем, выбор тем, как уже выше замечено, не есть дело свободной воли разговаривающих.

Для хорошего собеседника не должно существовать хороших или дурных тем. Все темы должны быть для него хороши, всякую он обязан привести в живое отношение к тому лицу, с которым он разговаривает. Ибо тема не столь важна, как ее обработка.

Хороший собеседник не терпит скучного или незначительного, избегает отступлений, общеизвестных или из газет вычитанных истин, он чувствует в каждом вопросе, какая сторона его представляет для собеседника наибольший интерес в данное время и при данных обстоятельствах, он всегда стоит на почве действительности и не уклоняется в сторону беспочвенных фантазий, он соразмеряет размах своей мысли с настроением собеседника. Он никогда не позволит себе высказывать собственные дилетантские мысли о каком-либо предмете, знатоком которого является его собеседник. Он не позволит себе пуститься в такие подробности, которые не представляют никакого интереса для слушателя. Он не односторонен. Он отзывчив на всякую мысль собеседника...

Вопрос, о чем разговаривать, тесно связан с вопросом о такте. Такт — латинское слово и значит: «прикосновение». «Прикосновение» должно быть безболезненное, деликатное: в этом вся задача такта. «Коснуться» грубо, жестко — не хорошо, «коснуться» слабо — останется без действия. Тактичный человек умеет быстро, почти инстинктивно угадать золотую середину, оценить положение и поступить сообразно обстоятельствам. Истинный такт заключается не во внешних манерах, а во внутреннем чувстве. Такту выучиться трудно. Эта способность должна быть природной; она развивается путем долговременного, в нескольких поколениях, упражнения, долговременного наблюдения за собою и другими.

Если разобрать, что такое такт в разговоре, то увидим, что он, главным образом, заключается в том, что человек умеет ставить себя на место собеседника, умеет забывать о том, что тот старается скрыть, и наоборот помнить и говорить лишь о том, что тот желал бы знать. Тактичный человек никогда не скажет чего-либо такого, что его собеседник может принять на свой счет,

он никогда не поставит такого вопроса, на который ответить собеседнику неприятно. Наоборот, он еще с большей или меньшей непринужденностью выведет собеседника из затруднительного положения, в которое тот случайно попал благодаря своему же неудачному обороту речи.

Тактичный человек не станет фамильярничать с собеседником, когда это может быть неприятно последнему. Вообще, «тактичный» это синоним благовоспитанного, вежливого, внимательного, обходительного, светского человека.

«В доме повешенного не говорят о веревке», — вот пословица, кратко формулирующая требования такта. В разговоре нельзя упоминать ничего такого, что может навести собеседника на мысль о своем несчастии. Замечание, совершенно невинное само по себе, может оказаться бестактным по отношению к данному лицу и при данных обстоятельствах.

Глава IV. Как и когда разговаривать?

Естественный способ речи, обращающейся не к чувствам, а к мысли, речи, имеющей целью сообщать, убеждать или разубеждать — есть простая, ясная проза. Так как к разговору не приготавливаются, то и проза, которою разговаривают, должна быть безыскусственна. Разговор, ведущийся книжным стилем, оставляет неприятное впечатление чего-то искусственного, неискреннего. В разговоре должен преобладать стиль разговорный с некоторыми, подсказываемыми тактом, уклонениями, в зависимости от темы и отношения собеседников между собою. Только грубые «несалонные» выражения не должны допускаться ни в каком случае, ибо они предполагают не столько интимную близость к собеседнику, сколько полное к нему неуважение.

Так как люди встречаются чаще для развлечения, нежели для разрешения сложных философских проблем, то в разговоре обыкновенно преобладает легкий, шутливый, веселый тон. Шутки, остроты и смех — необходимые принадлежности приятного разговора. К сожалению, остроумие — качество довольно редкое среди людей. Большинство же пробавляется в обществе более или менее смехотворными анекдотами, вычитанными или слышанными. Это не только не может заменить природного остроумия, но иногда и прямо неуместно, ибо читанное и слышанное вами могло быть прочитано или услышано и вашим собеседником. Пушкин еще сказал: «повторенное острое слово становится глупостью».

Но и с природным остроумием нужно знать, когда и где шутят. Шутка, даже хорошая сама по себе, хороша далеко не всегда, не везде и не у всякого рассказчика.

Хорошую шутку нужно еще рассказать умеючи, чтобы произвести желаемое действие. Самодовольно хохочущий своей шутке рассказчик имеет довольно глупый вид, особенно, когда его смех не поддерживается слушателями, или поддерживается в слабой степени, как дань вежливости.

Память — великое дело в искусстве разговаривать. Человек со слабой памятью — плохой слушатель именно потому, что, боясь забыть свою мысль, спешит возражать. Он часто повторяется и этим производит впечатление человека ограниченного. К концу речи он обыкновенно забывает, с чего начал, и по неволе ударяется в бессмысленную болтовню не без задней мысли — набрести на забытую тему.

Насколько несносен плохой слушатель, настолько неоценим человек, умеющий слушать. Разговор только тогда приятен для обоих собеседников и приводит к тем или другим результатам, когда они выслушивают и понимают друг друга и сообразно с этим отвечают, последовательно и логично. В то время как один говорит, дело другого слушать и только слушать; обдумывать свой ответ он должен лишь после того, как первый кончил; ответ, отделенный от вопроса паузой обдумывания, приобретает особый вес.

Конечно, и говорящий не должен злоупотреблять молчанием собеседника. Он не должен говорить без конца и наговорить с три короба так, чтобы ни одна память человеческая не в состоянии была удержать всего им сказанного, не то что разобраться в этом. Пусть каждый из собеседников высказывает зараз по все, что он знает, а лишь одну, много две мысли, пусть он выкладывает не все имеющиеся у него доводы в пользу своего положения, а пару самых главных и ждет ответа от собеседника. Может быть, в его дальнейших доводах нет никакой надобности, так как собеседник с ним вполне согласен, и он ломится в открытую дверь; может быть, собеседник эти доводы сам знает и имеет против них неопровержимые возражения. Только при постепенном развитии разговора, в ответах и репликах беседа приобретает ровный характер и ведет к положительным результатам.

Вежливость — необходимое условие всякого разговора. Она и признак, и украшение благовоспитанного человека. Ошибка невежества часто заключается в том, что они принимают отрицательное качество невежливости за положительное качество решительности и выдержки характера. Вежливый человек уважает своего собе-

седника и этим самым требует уважения к себе. На вежливость и отвечают вежливостью.

Однако вежливость, услужливость по отношению к собеседнику никогда не должна переходить в подобострастие. Никогда не теряйте уважения к себе, сознания собственного достоинства.

...Нельзя в разговоре употреблять таких оборотов, как: «не может быть», «правда ли?», «ой ли?» и проч. Конечно, когда у вас дойдет до дела, вы хорошенько взвесите, кто вам это сказал: серьезный человек, шутник или лжец, и поступите по собственному разумению; но в разговоре вы не должны подавать и виду, что не верите собеседнику, раз он говорит серьезно. На этом же основании уважающий себя человек не допускает и мысли, что его собеседник может ему не верить, и поэтому не клянется, не приводит доказательства.

Уважение к собеседнику требуется и в самом поведении во время разговора, во внешних манерах лиц разговаривающих, в позе, мимике и жестах. Слишком близкое расстояние к собеседнику (несоблюдение «приличной дистанции»), орошение его брызгами при кашле, чихании и свистящих согласных, обвевание его дыханием или пускание ему дыма в глаза — в прямом смысле этого выражения, равно как держание его за пуговицу, чтоб он не убежал, фамильярные жесты и тому подобные проявления неуважения должны быть, разумеется, тщательно избегаемы. Если неприятна речь слишком громкая, угрожающая целостности вашей барабанной перепонки, то речь слишком тихая, заставляющая вашего собеседника постоянно переспрашивать, — истинная пытка, и при том пытка для обеих сторон, так как и переспрашивать говорящего и повторять сказанное — одинаково неприятно...

Что касается времени, наиболее удобного для разговора, то наилучшее время — состояние полного физического и нравственного спокойствия.

В поисках единства*

III

«А кто там идет?»

Взгляд на этногенез белорусов

О. Н. Трубачев,
член-корреспондент АН СССР

8. Признание специалиста, что «средневеликорусские говоры до сих пор мало изучены» [1, с. 146], не может нас не беспокоить: их действительное место указано их связью с белорусским языком, поэтому, наверное, нельзя считать образование средневеликорусских говоров «специфически великорусским явлением» [1, с. 110]; речь, скорее, должна идти о центральном общевосточнославянском явлении. Знакомство с состоянием изучения средневеликорусских говоров способно, кажется, вызвать сомнения относительно путей и способов этого изучения, как и самих взгля-

---

* Начало см.: Русская речь. 1990. №№ 1, 2, 5, 6; 1991. № 3

дов, которые эти пути и способы породили. Мы видим, что уже Шахматову средневеликорусские говоры представлялись объединением севернорусских и восточнорусских [1, с. 111]. В дальнейшем и А. А. Шахматов и Н. Н. Дурново согласно видят в средневеликорусских говорах северновеликорусскую основу с южновеликорусским наслоением [1, с. 145]. Можно, конечно, принять во внимание, что труды того поколения ученых не затронуты положениями современной лингвистической географии о нормально функционирующем ареале языка с его центром, вырабатывающим новообразования, и перифериями как естественным прибежищем архаизмов.

Наша диалектология давно уже отождествила свои задачи с лингвистической географией, однако практически по сей день действует старая шахматовская схема первоначального распада прарусского языка на северновеликорусское и южновеликорусское наречия с последующим «общением» их обоих и результатом этого общения, или взаимодействия в виде «смешанных», «разнодиалектных» или «переходных» средневеликорусских говоров [2, с. 21]. Не знаю — как кому, а мне давно бросается в глаза отсутствие адекватности этой схемы как общепринятым понятиям лингвистической географии, так и — прежде всего — природе языковых явлений. Боюсь, что благодаря таким представлениям мы сами надолго отодвинули поиски центра общерусского и общевосточнославянского ареала, и наши лингвисты не задумываются над актуальностью определения этого центра [3, с. 361]. Мне кажется, я не ошибусь, если выскажу предположение, что украинская и белорусская диалектология испытали в этом смысле определенное влияние старой школы русской диалектологии. Концепция двух главных наречий и полосы «переходных говоров» также для украинского и белорусского [4, с. 56, 64; 5, *passim*; 6], похоже, дублирует названные недостатки в смысле ухода от проблемы центра ареала, резко снижая эффективность познания механизма языковых процессов и подменяя их механистической концепцией сложения целого. Правда, до явно гетерокомпонентных взглядов на украинское и на белорусское языковое развитие еще как будто не дошли, но русистика уже дошла до этого, и по зрелом размышлении меня это не удивляет, поскольку гетерокомпонентность, в сущности, заложена уже в шахматовской теории русской диалектологии. Концепция гетерогенного происхождения общевосточнославянского единства — прямое детище этой теории. По этой концепции, в VIII–IX веках по Днепру вверх и вниз, с севера (из Псковщины), шли «встречные потоки» [7, с. 87], а то, что мы имеем в качестве древнерусского

единства, явилось якобы лишь плодом вторичной «нивелировки» и «интеграции» [8, с. 273].

Не возражая в принципе против явлений нивелировки и интеграции, которые в определенных размерах всегда входят в понятие этногенеза, отметим все же кардинальную утрированность того, что нам предлагают в качестве древнерусского этногенеза сторонники гетерогенной концепции, по которой великорусы древнего Великого Новгорода прибыли морем или каким-то другим путем от западных славян. Подробно сейчас останавливаться на этом больше не будем, но ясно одно — что только недооценка действительных положений лингвистической географии и, прежде всего, полное отсутствие у таких специалистов озабоченности проблемой центра всего восточнославянского ареала — как если бы такового не существовало вообще! — делает возможными подобные концепции «встречных потоков» на Днепре и вообще всего этого «смещения».

В славистике других стран, особенно при изучении этногенетической проблематики, соотношению периферийных архаизмов и центральных инноваций уделяется серьезное внимание [9]. Недостаток серьезного отношения оборачивается непростительными ошибками как в лингвистической географии, так и по части этногенеза. Так, Хабургаев, интересующийся проблемами этногенеза и широко привлекающий данные говоров, ошибочно трактует генезис аканья, несмотря на то, что из карты, им разбираемой [7, с. 142, карта 15], однозначно явствует, что недиссимильативное, «сильное» аканье занимает две не связанные друг с другом периферийные зоны, а диссимильативное аканье-яканье — центр между ними; следовательно, именно последнее инновационно, а не наоборот, на что автору и было указано иностранной критикой [3, с. 365]; ср. еще раньше о первичности именно сильного аканья: [10, с. 31–32].

9. В терминах большей чуткости к проблеме центра древнерусского языкового и этнического ареала могли бы, думается, быть пересмотрены не без результата и другие давно привычные положения нашего языкознания. Так, согласно одному из известнейших таких положений, «...падение глухих (кратких, редуцированных.— О. Т.) в украинской языковой области имело место ранее, чем у других восточных славян...» [1, с. 121]. Как видим, этот известнейший эпизод древнерусского да и всего славянского языкового развития — ѣ, ѣ → ∅ — принято изображать однолинейно: раньше на юге, позднее — на севере. На новгородском Севере, действительно, редуцированные широко и долго сохранялись, но это неудивительно: Север, как мы знаем, несомненная

периферия языка. В этой связи утверждение о раннем падении «в украинской языковой области», напротив, вызывает удивление и недоверие, ведь по своей позиции географической и по ряду языковых особенностей украинский — это тоже периферия. Так обстоит дело и в случае с редуцированными, и традиционное утверждение, по меньшей мере, не совсем точно: хорошо известная архаичная особенность украинского произношения (и даже — украинского акцента русской речи!) — отсутствие оглушения конечных звонких согласных — говорит, наоборот, о задержке падения ъ, ь. Следовательно, и в данном случае центр явления — где-то к северу от позднейшей украинской территории, и остается только продолжать исследования с целью посильного выяснения близости его к Верхнему Подонью (см. выше).

Как уже говорилось, Шахматов в свое время выступил с трехчленной концепцией русского языка, а именно с идеей распада в IX—X веках общерусского праязыка на южнорусское, восточнорусское (или среднерусское) и севернорусское наречия. Его взгляды привлекли широкое внимание и стали объектом критики, которая, к сожалению, больше задерживалась на деталях, а не на более принципиальных вопросах [1, с. 113, 115: признает теорию Шахматова «искусственной»; 11, с. 32, 33; 12, с. 34 и сл.]. Критиков, судя по тому, что они в основном довольствовались двучленной концепцией русского языка, не устраивало главным образом у Шахматова выделение особого восточного русского (оно же потом — среднерусское) наречия. А между тем мысль Шахматова о локализации восточнорусского наречия на Дону и Донце и там же — такой главной его особенности, как аканье, вновь и вновь привлекает нас своим, похоже, неслучайным совпадением с наиболее срединными явлениями ареала аканья (см. выше о диссимилативном аканье), вновь и вновь пестя с собой мысль, что где-то здесь еще может быть ващупан древний центр общерусского и общевосточнославянского языкового ареала.

Так что Шахматов, как бы продолжая мыслить понятиями науки своего времени, был, как кажется, стихийно близок к тому, что, пожалуй, осторожно формулируется только сейчас, поскольку его восточнорусская группа (наречие) была не чем иным как неосознанным гениальным предвосхищением идеи центра древнерусского ареала.

Хорошо известно, что государственное восхождение России началось с подъема Ростово-Суздальской Руси. Но прямолинейно отождествлять эти истоки русской государственности с истоками

русского языка [1, с. 109] — значит полностью повторять ту ошибку прямолнейных отождествлений, о которой уже упоминалось ранее. Центр определяющих новообразований был едва ли в северо-восточной Руси. Ее возвышению предшествовало функционирование более южного центра, затем последовала деформирующая передвижка русских племен Востока и Юга на север и на запад под нажимом восточных народов (см. [13, с. 89]). Неизменное направление русской колонизации XVI—XVII веков с севера на юг, «сползание», как его еще называют, включающее и сползание к югу ряда изоглосс, явилось в сущности возвратом в более благодатные земли на Дону и в Приазовье и далее — на Тамани, которые уже были раз освоены Русью в древности (ср. Тмутаркань X—XI веков).

К тому, что сказано выше о Верхнем Доне как эпицентре аканья и, возможно, других значительных процессов (о которых — выше), добавлю несколько слов характеристики местного языкового ландшафта совсем с другой стороны. Надо сказать, что водораздельный регион Верхнего Дона — Верхней Оки обращает на себя внимание своей как бы среднерусской центральностью: сюда относятся скопление именно здесь некоторого количества достаточно древних русских водных названий самобытного славянского вида, нередко — без соответствий в нарицательной лексике языка, например *Калитва*, *Непрядва*, *Идолга*, *Снова* и другие. Русская (славянская) водная номенклатура Дона еще недостаточно изучена, но уже сейчас к водораздельному региону верховий названных выше рек применима характеристика гидронимического центра с неяркой, смазанной картиной, без четких тенденций, тогда как, спускаясь ниже по Дону, мы вступаем в царство избыточных однородных, как правило — двучленных, названий балок и ериков типа Офицерская балка и даже балка Трубачева... В гидронимии так ведут себя зоны экспансии.

10. Может быть, эти (а с ними и другие) данные облегчат нам ответ на непростой вопрос, — как и откуда заселялась Белоруссия. Карский, например, считал, что большинство белорусских славян пришло с юга, с Припяти, и запада — с Западного Буга и Нарева — через Понеманье — вплоть до Западной Двины [14, с. 199]. В. В. Седов — в соответствии со своими взглядами — ведет предков новгородских словен и предков кривичей от западных славян, и он допускает при этом (не находя для того, впрочем, никаких археологических доказательств), что означенные племена славян прошли с запада на восток, «может быть, где-то в бассейне Немана» [8, с. 66]. Думая таким образом,

слависты разных специальностей не хотят видеть капитального препятствия, стоящего на пути их умозрительных рассуждений: этнографического рубежа на Северо-Востоке Польши. Судя по тому, что у нас и этнографы обходятся без его упоминания (мне оно ни разу не встретилось в новой академической «Этнографии восточных славян», во всяком случае — в разделах о народной культуре белорусов), этот феномен в нашей литературе, мягко говоря, не пользуется известностью.

Понятие этого важнейшего этнографического рубежа было выдвинуто еще в довоенные годы в польской науке, и состоит оно в том, «что на северо-восток от среднего течения Вислы фигурирует один из наиболее четко очерченных в Европе этнографических рубежей, имеющий, вдобавок, соответствия в ареалах доисторических культур. А именно — в I тысячелетии до н. э. достигла этого рубежа с запада лужицкая культура..» [15, с. 385]. В этом рубеже не было никакой мистики: естественную преграду на восток от него образовывали сплошные дремучие леса, пуща. «В разные эпохи волны культур,двигающиеся с запада на восток, вынуждены были останавливаться на краю великого первобытного леса, как на берегу моря» [15, с. 390]. Не станем здесь перечислять явления народной культуры, распространенные по одну и по другую сторону от этого древнего этнографического рубежа, их можно найти в литературе (только один пример: пересекая белорусско-польскую границу поездом в западном направлении, из окна вагона элементарно наблюдательный человек вплоть до недавнего времени мог видеть, как дуга с двумя оглоблями в конской упряжи вдруг сменяется однодышловой запряжкой по всей остальной Польше к западу...)

Для нас сейчас важно другое: перед этой пущей спасовали и остановились в своем движении к востоку древние носители лужицкой культуры, потом, уже в начале нашей эры, — готы; последние двинулись на юго-восток, в обход этого рубежа, а с ним — и непроходимого леса. Это и будет одновременно ответ тем из наших специалистов, которые до последнего времени склонны прочерчивать путь миграции наших словен и кривичей с запада на восток «через Понеманье». Древние лучше нас знали, что путь этот с запада для целых народов был непроходим. Примерно о том же гласит вывод давней уже книги «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья»: западная часть Верхнего Поднепровья оставалась в стороне от магистральных (в данном случае — восточнославянских) передвижений [16, с. 20].

11. Выходит довольно однозначно, что ни с запада, ни с юга нет достаточных оснований предполагать заселение территории

Белоруссии славянами, предками будущих белорусов. Выходит, далее, что шахматовское положение о том, что дреговичи — ляшское племя, совершенно справедливо критиковалось [4, с. 120]. Эту критику можно дополнительно усилить, кроме довода о невероятности крупного этнического переселения в древности с «ляшской» (польской) территории на белорусскую, как мы это выяснили благодаря знакомству с крупным местным этнографическим рубежом и с условиями физической (климатической) географии края, — эту критику можно дополнить более точной паспортизацией имен участников этногенеза белорусов. В сущности мы лишь выполняем завет первоучителя славян Константина-философа, который сказал: первое ся наоучите раздѣляти имена... (сперва научитесь различать названия. — *О. Т.*; *Житие Константина*, гл. X) — и поставил тем самым основное условие корректности любого спора. В самом деле, пока мы не проведем четкую этимологическую (лексикологическую) и лингвогеографическую критику имени тех же дреговичей, спор об их древних судьбах останется беспредметным.

При этом оказываются возможными следующие важные ограничения. Древнерусское *дреговичи*, название племени к северу от Припяти, правильно образовано с патронимическим (по типу отчества) суффиксом *-ичи* от названия болота, трясины, известного только восточнославянским языкам. Ясно, что после этого попытки «ляшской» атрибуции дреговичей просто отпадают. Дальнейшее ограничение — в рамках восточнославянского — выражается в том, что на великорусской территории соответствующее народное слово *дрягва*, *дрегва*, *дрогва* распространено главным образом на западе и юго-западе (смол., калуж., брян., тул., курск.) и почти не известно на севере; основной ареал данного названия болотной трясины — белорусский (*дрыгва*, *драгва*), к которому примыкают, кроме названных русских, также украинские диалектные формы *драгва*, *дрягва*. Следующий вывод: название носит преимущественно белорусский характер и имеет вместе с тем четкую славянскую этимологию. Слово *дръгъва* «трясина» произведено от слав. *drъgati* «дрожать» (см. из литературы: [17, вып. 5, с. 139; 18, с. 178; 19, с. 137; 20, т. 3, с. 155–156; 21, т. 2, с. 119]).

Признав исключительно белорусское происхождение имени дреговичей, мы отнюдь не обеднили его древнейшую славянскую историю и не положили ей, так сказать, никакого *terminus post quem*. Напротив, некоторые косвенные данные дают пищу для конкретных весьма интересных суждений о добелорусском — праславянском диалектном — существовании элементов будущего

белорусского языка. Интересно же то, что эти данные прекрасно знала и старая наука — знала и предпочитала не замечать! Впрочем, еще Е. Ф. Карский, а до него — М. С. Дринов указали на то, что прабелорусское племя дреговичей должно быть родственно другим дреговичам, жившим у Солуни, родины Константина и Мефодия [14, с. 56]. Имя последних скрывается под византийско-греческой записью *Drougoubĭtai* (*Theophanes Continuatus*, X век), также *Dragoubĭtai*, *Drogoubĭtai* в «Деяниях св. Димитрия», см. [22, с. 177]. Дело в том, что в знаменитом сочинении византийского императора Константина Багрянородного (середина X века) тем же самым точно именем — *Drougoubĭtai* — названы и напш полесские дреговичи [23, с. 50–51]. Речь идет об одном и том же племенном названии, образованном — как бы ни уклонялось тут от ответа традиционное языковедение — от одного и того же древнего славянского диалектного названия болотного зыбуна, трясины — *drĕgvъva*. Соль всего этого эпизода состоит в том, что и имя солунских *Drougoubĭtai*, обосновавшихся в раннесредневековой Македонии, тоже имеет белорусскую этимологию. Можно теперь только строить догадки о навсегда канувшем в неизвестность эпизоде древней славянской племенной истории, когда часть прото-белорусских дреговичей откололась и зашла особенно далеко на юг, в греческие пределы (мы оставляем здесь открытыми вопросы о том, когда и на какой территории этот раскол произошел). И догадка эта не будет безудержной фантазией, поскольку известно, что этимон племенного названия дреговичей не засвидетельствован ни у западных, ни у южных славян, и можно лишней раз отметить, какую неопределимую выгоду паспортизации дают нам его восточнославянские, преимущественно белорусские, метрические данные, имеющие корни, кроме белорусской нарицательной лексики, в белорусской топонимии (так, к имени дреговичей относят также название города *Дрогичин* — *Драгичин* в Брестской области БССР [24, с. 109]). Систематические поиски исключительных соответствий белорусской лексике и ономастике в пределах южного славянства должны продолжаться, и они еще могут дать немало конкретного и интересного в виде таких, например, пар, как название белорусского города *Мѡзырь* (*Мазырь*) и словенский топоним *Mozirje*, или всякого рода специфические образования вроде южнославянского *денгуб* «бездельник» и его параллель в восточнобелорусских диалектах [25, с. 30], точнее, болг. *денгуба* «терянне времени напрасно», диал. *денгуба* «человек, тратящий время попусту», макед. *денгуба* «напрасная трата времени», сербохорв. *dānguba*, *dangub* «напрасная трата времени» и белорусское диал. *дзяньгуб* «лентяй, лодырь» (могилевск.), *Деньгубы*, местное

название в бывшем Лепельском уезде Витебской губернии [17, вып. 5, с. 214].

12. Думать о балтийском источнике имени дреговичей, как это делают некоторые авторы [7, с. 97], не рационально, для этого надо слишком многим пренебречь — и далеким от балтийского свидетельством о *Drougoubítai* (X в.!) в Македонии и весьма очевидной славянской словообразовательно-этимологической характеристикой имени *дреговичи* (о которой выше). Столь же очевидна натяжка, с которой тот же автор пытался зачислить в балтизмы название другого племени, причастного к этногенезу белорусов, — *радимичи* [7, с. 97]. Начальная паша летопись, повествующая о генеалогии радимичей от некоего Радима, заслуживает больше доверия, чем придуманное вынешним лингвистом *ad hoc* балтийское *radimys (?). В этом личном имени бывшего предводителя, или эпонима, нельзя не видеть краткой формы первоначального полного двучленного славянского имени *Радимир/Радомир* с вероятным княжеским статусом. Специфика случая радимичей в том, что, в отличие от дреговичей, это было действительно ляхское племя, в чем можно верить «Повести временных лет». Стоит прислушаться к словам старинного нашего историка Татищева, который о радимичах пишет буквально следующее: «Радимичи. Их град Радом доднесь в Малой Польши воеводстве Сендомирском знаем. Но сих родимич часть переведена к Днепру...» [26, с. 336]. Относительно упомянутого польского города *Radom* можно утверждать, что его название продолжает на польской почве посессивное производное *Radom-ъ, указывающее на принадлежность некоему лицу по имени *Radomъ, также сокращенная форма от того же славянского антропонима **Radomirъ/Radimirъ*, что и Радим, полумифический предок наших радимичей (ср. в польском *Radom* [27, с. 200]).

Сомневаться в славянстве радимичей значило бы проявлять явную близорукость; это, конечно, было никакое не «славянизированное автохтонное балтийское население Надсожъя», как можно прочесть в [28, с. 72], а как бы совсем наоборот. И все же есть существенная разница между тем, как в орбите белорусского этнообразования оказались, скажем, (полесские) дреговичи и — радимичи Надсожъя. Последние действительно пришли «от лях», но пришли не с запада, — так сказать, кратчайшим путем, как его можно нарисовать себе на бумаге, на карте. То, что этот «кратчайший» путь отпадает, мы постарались показать выше. Единственный магистральный путь и для радимичей, и для вятичей (о которых — ниже) был только в обход, по южной дуге с запада на восток вокруг лесов и не менее труднодоступных бо-

лот Припятского Полесья. Таким образом, и те, кто действительно пришли с запада как радимичи, все равно как бы вошли в Белоруссию с востока.

13. Этническая предьстория белорусов не хуже языковой показывает, насколько тесно их судьбы переплетены с великороссами и как порой при этом причудливо распоряжается исторический случай, когда, например, радимичи и вятичи, будучи — и те и другие — «от лях», оказываются первые — в орбите белорусского этногенеза, а вторые — вне ее; или — как в случае с кривичами, часть которых вошла в белорусский этнос, а другая часть — в русский. Но сначала — о вятичах. Как полагают, они пришли в начале VIII века на верхнюю Оку, на земли, где уже жили балты [8, с. 148]. Несмотря на это, они успешно сохранили свою славянскую самобытность. Выразилось это, среди прочего, и в том, что именно (в основном) в Поочье «ляшское» племя вятичей воспроизвело фрагменты топонимического ландшафта своей далекой «ляшской» родины. Еще исследователи прошлого обнаружили на радимичско-вятичской территории соответствия польским местным названиям, главным образом — Мазовша и Хелминской земли. Названия эти имеют вид достаточно древних славянских образований, и их вклад в русскую топонимию, надо сказать, весьма ощутим, ибо среди них — и название столицы России (а прежде того — реки) *Москва*, ср. архаичное *Moskiew*, в Мазовше, далее — *Тула*, ср. польское *Tuł*, *Вциж*, один из древних удельных русских городов, ср. польское *Uściąż* (см. подробнее [29, с. 8, 11 и сл.]). Особое скопление западнославянских по происхождению местных названий (феномен, который не привлёк должного внимания в нашей литературе, судя по тому, что, как и прежде, имеют хождение этимологии *Москва* из балтийского, из финского...) приходится на Верхнее и Среднее Поочье, а не на сопредельную с польским Мазовшем Белоруссию! Подобные групповые следы древних миграций с польского, славянского Запада нам неизвестны в собственно белорусской топонимии. Отдельные польско-белорусские соответствия из области местных названий имеют более новый характер и, кстати, обратное направление. Таковы *Mińsk Mazowiecki* — повторение Мянска белорусского, *Drohiczyn* в Белостоцком воеводстве Польши [27, с. 65]. Отсутствие прямого древнего пути севернее Припяти от западных славян к белорусским и вообще — восточным славянам может считаться доказанным.

14. Известно, что в литовском имеется традиционное (старинное) название белоруса — *gūdas* (нынешнее *baltaŕūsis*, мн. *baltaŕūšiai* «белорусы» в литовском, конечно, новое название, калька

со славянского — «бело-рус»). Литовское *gūdas* «белорус» интересно тем, что этимологически это «гот» [30, I, с. 174; 31, с. 26]. Наиболее вероятное объяснение этого странного, на первый взгляд, названия белоруса «готом» заключается в том, что германцы-готы в первых веках нашей эры стали продвигаться от освоенного ими устья Вислы к юго-востоку, как бы «дублируя» уже знакомый нам этнографический рубеж. Для древних балтийских племен это были соседи с юга. Потом соседи сменились (подвижные готы ушли в Северное Причерноморье), а название осталось. Для тех, кто измеряет самостоятельное существование белорусского языка во временных масштабах от XIV века и позже, крайне поучительно задуматься над фактом, что название гóтов, фигурировавшее в этом околбалтийском регионе никак не позже II—III веков нашей эры (!), оказалось перенесенным именно на белорусов, образование языка и этноса которых датируется обычно очень поздно, как мы видели. В целом этот факт вторичного переноса литовцами названия готов на других соседей с юга — славян — как будто еще недостаточно оценен наукой именно как показатель ареальной вторичности балтославянских контактов (Хотя известен он давно и, похоже, всегда вызывал удивление, как например у Татищева: «Что же мы зделаем литвинам, которые россиян гудами зовут?... Что ж то готтами называют?» [26, с. 299]). Не менее интересно и то, что литовское *gūdas* «белорус» самими белорусами о себе никогда не употреблялось и вообще, похоже, не было им известно. На славянской языковой почве это древнее название готов имело бы форму *gъdъ, и эта форма, как и производные от нее, насколько удалось выяснить, на собственно белорусской территории отсутствует. Вместе с тем на соседних с Белоруссией славянских территориях эта форма (в производных) известна, и эти свидетельства обходят Полесье, Белоруссию приблизительно тем же известным нам полукругом, ср. польское *Gdzew*, название леса в Мазовше, начало XV века [32, с. 50], далее — *Gdow*, местное название во Львовской области, и, наконец, русское *Гдов*, древнерусское *Гдовъ* (грамота 1531 года), название города на восточном берегу Чудского озера [33, т. I, с. 400]. Это название своей траекторией показывает, что самый верный путь из Южной Прибалтики и от западных славян в псковские и новгородские земли был путь окольный, огибавший с юга Припятское Полесье и лишь затем сворачивавший вверх по Днепру. Литовское *gūdas* «белорус» возникло, таким образом, на стабильном этническом пограничье, где мешались народы, а граница оставалась. Факт — замечательный и сам по себе и своей этимологической прозрачностью, хотя это не мешало

лингвистам иногда толковать его произвольно, возьмем, например, мнение немецкого литуаниста Э. Френкеля, который видел в литовском *gūdas* «белорус» отражение будто бы тех времен, когда белорусы «вместе с балтийскими прусами находились под готским господством на нижнем течении Вислы» (?) [30, I, с. 174]. Разумеется, белорусов в столь глубокой древности в низовьях Вислы не было. Что касается собственно белорусской географической номенклатуры, то в ней встречаются, в основном — в белорусско-литовской пограничной полосе, — уже чисто литовские, поздние по происхождению формы вроде *Гуды, Гудёли, Гудёлишки, Гудышки, Гудогай* [24, с. 88–89], знаменующие белорусскую этническую границу как бы с литовской стороны.

15. Не имея здесь возможности проследить более или менее подробно участие или неучастие белорусов в тех или других контактах по их отражению в словаре языка, мы вынужденно ограничиваемся немногими, хотя, на наш взгляд, показательными для истории этноса и его культуры примерами. Ясно, например, что культура белорусов, народа в основном лесного, была издревле связана с корчеванием, с жизнью леса и поля в условиях корчевания леса в интересах земледелия. Если в этих условиях белорусская терминология корчевания обнаруживает существенные различия с соответствующей терминологией других достаточно близких славянских языков, это довольно убедительно и красноречиво показывает своеобразие путей белорусского этноса и культуры. Любопытно, что в Белоруссии и в старой Западной Руси вообще отсутствует термин корчевания *къъ, сам по себе — термин старый и известный ряду славянских языков; его продолжения засвидетельствованы в чешском, словацком, серболужицких, польском языках, а у нас — в древнерусском, причем особенно — в рязанских и московских памятниках (XVI в.). Особо выделим, что этот термин известен в старой польской письменности, в польских диалектах и ономастике (*kierz, Kierz*), в том числе — в пограничном с Белоруссией Мазовии (XVI в.) в значениях «кустарник, заросли» [32, с. 71]. Не менее ярко представлен этот термин в старой русской письменности с XV века (*корь* «поле, расчищенное под пашню», «расчищенное и вновь заросшее», «небольшой лесок среди поля»), в современных русских говорах (*корёк, корьки* «небольшой лесок или кустарник среди поля», «низменное место, болотце, заросшее кустарником», с исходным значением «расчищенное под пашню место; расчищенное и вновь заросшее место»). Любопытно, что и тут ареал охватывает в основном Среднее Поочье [34; 35], то есть опять вотчину вятичей. Западная Русь, включая Белоруссию, знает другой альтернатив-

ный славянский термин *корчевье, корчовье*. Белорусский язык и на этот раз как бы изолирован — что особенно поучительно — от польского влияния с запада, обычно регулярно ему приписываемого. Белорусский вынадает из арсала «севернославянского *кьгъ» [36], который и в данном конкретном случае опоясывает (не затрагивая ее) белорусскую языковую и этническую территорию, огибая ее по «трассе вятичей», если можно так выразиться (думается, что именно на этом — «вятичском» — пути отдельные случаи слова *корь* в значении «корчевье» попали с Оки и дальше, на новгородский Север, а не наоборот, как см. в [34, с. 149], что было бы необъяснимо). Важнейшие импульсы формирования белорусского языка и этноса шли с Востока, как уже отмечалось, но уже из вятичского Поочья доходило далеко не все.

16. Другое дело — кривичи! Это большое древнерусское племя Белая Русь и Великая Русь как бы поделили между собой, обоим хватило. Географ свидетельствует, что *Кривичи (Кривичи)*, название многочисленных сел, встречается по всей Белоруссии [24, с. 183]. Так получилось, что именно это племя на севере белорусских земель в какой-то период своей истории вступило в особо тесные отношения с племенами балтов. Балтийские языки (или часть их) это четко запомнили, во всяком случае для латышей до сих пор все русские — «кривичи», поскольку по-латышски *krievs* значит «русский», *Krievija* — «Россия». Из возникшей близости общения, однако, вовсе не следует, что кривичи — это какие-то балто-восточнославянские метисы (ср. прямо о «метисации» кривичей [8, с. 47]). Подобное утверждение было бы очевидным преувеличением, которых, к сожалению, немало в нашей специальной литературе. Более логичный ход рассуждений подсказывает, что, судя по изложенным данным, ни одно из остальных древнерусских племен, так или иначе сопричастных белорусскому этнообразованию или, по крайней мере, сопредельных ему, не было известно балтам по имени. Но даже кривичи, оказавшиеся исключением, носят имя чисто славянское: буквально — это «отчество» от имени или, скорее, прозвища их родоначальника *Кривъ [33, т. II, с. 375–376]. Следовательно, *кривичи* расшифровывается как «потомки Кривого» подобно тому, как *вятичи* означали «потомки человека по имени Вятко», а *радимици* — «потомки Радима». Все эти племенные названия образованы по одной, так сказать, модели на *-ичи* — патронимической. Сюда относятся, как уже сказано, и название *дреговичи* — с тем отличием, что в последнем случае племя получило прозвание не по личному имени собственному, а по нарицательному слову *дрегва* «бо-

лото», но, возможно, в этом и был юмор («болотовичи...»), наличие которого у древней Руси мы не вправе отрицать. Просто такие вещи труднее поддаются нашей реконструкции...

Еще о кривичах можно сказать, что они – по логике уже сказанного выше – рано преодолели путь с юга на север по древнерусской магистрали, Днепру, и рано ступили переволочным путем на балтийскую магистраль – Двину (Западную). Удобство этих водных сообщений, со своей стороны, объясняет, видимо, равную продвинутость к балтийскому Западу именно кривичей. Можно думать, что у братских племен радимичей и даже дреговичей этот самый процесс проходил медленнее, труднее и не в полную силу. Радимичи при этом так и остались на востоке Белоруссии, на Сожи, и это не только потому, что они «от лях», то есть пришельцы относительно вторичные. В общем и дреговичи, видимо, не выходили далеко за пределы Припятского Полесья. Для их миграций оставалась определяющей магистраль восточнославянской колонизации вдоль Припяти и Днепра. Небезынтересно отметить, что большие реки, по которым шла эта магистраль, имеют в основном небалтийские названия. Таковы *Припять*, *Днепр*, название которого, в основе своей иранское, славяне узнали на юге в фракийской обработке и распространили его на север, до истоков Днепра (как называли эту реку древние балты, мы так и не знаем), и даже – *Двина*, название которой в этой форме явно не балтийское, как бы ни судить о нем [33, т. I, с. 488; 37]. Оно может быть только индоевропейским, а реальными индоевропейцами в районе были, помимо балтов, только славяне. У балтов есть свое, четко отличное название Двины, – латышское *Daugava*, литовское *Dauguvà*. Ссылки на то, что область была балтийская, явно недостаточно, чтобы обосновать балтийское происхождение также для названия реки *Двина* [37]. Смысл в том, что славяне привнесли его с собой, об этом говорит и обстоятельство, что *Двина* в общем была известна славянам и в гидронимии Поднепровья.

Иная ситуация со славянским освоением внутренних районов Белоруссии, особенно – более западных. Даже если опустим названия многих малых речек и мест, балтийские по происхождению, особенно показательны, что крупная река Западной и Центральной Белоруссии – *Неман* – носит балтийское название, одно и то же от белорусских истоков Немана до его впадения в Балтийское море [38]; славянские названия для Немана нам неизвестны, а формы древнерусское *Немонъ*, украинское *Немон*, белорусское *Пёман* (род. п. *Нёмна*), а также польское *Niemen/Niem-*

на — все в конечном счете заимствованы из балтийского, ср. литовское *Ńštinapas*.

Как же всё-таки осваивалась славянами Белоруссия и как они сами рассматривали это освоение, например, в смысле географической ориентации? Есть ли сейчас у нас возможность ответить на такой кардинальный вопрос? Об этом поговорим в следующем номере.

Литература

1. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.
2. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
3. Shevelov G. Y. Между праславянским и русским // *Russian linguistics* 6. 1982.
4. Ганцов В. Діалектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923 (=Nachdruck besorgt von R. Olesch. Köln, 1974)
5. Рудницький Я. Українська мова та її говори (=Readings in Slavic literature. № 15). Вінніпег, 1977.
6. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
7. Хабургаев Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
8. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
9. Popowska-Taborska H. Problematyka centrum i peryferii obszaru etnicznego w świetle archaizmów i innowacji dialektalnych (na podstawie analizy obszaru polskiego) // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia linguistica* 12, 1986.
10. Šerech Y. Problems in the formation of Belorussian (=Supplement to Word, Journal of the Linguistic Circle of New York, vol. 9, Monograph N. 2). December, 1953.
11. Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.
12. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
13. Державин Н. С. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.
14. Булахов М. Г. Е. Ф. Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. Под ред. В. И. Борковского. Минск, 1981.
15. Czekanowski J. Wstęp do historii Słowian. Wyd. II. Poznań, 1957.
16. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
17. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский

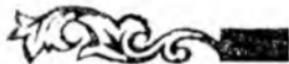
- лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974.— Вып. 5. М., 1978.
18. Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М., 1963.
  19. Куркина Л. В. Названия болот в славянских языках.— Этимология. 1967. М., 1969.
  20. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. Мінск, 1985.
  21. Етимологічний словник української мови. Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. 2. Київ, 1985.
  22. Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Leipzig, 1970.
  23. Константин Багрянородный. Об управлении империей М., 1939.
  24. Жучкевич В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
  25. Цыхун Г. А. Паўднёваславянска-усходнеславянскія моўныя сувязі. Да праблемы славянскага ўкладу ў балканскі моўны саюз. IX МСС. Мінск, 1983.
  26. Татищев В. Н. История российская. Т. I. М.— Л. 1962.
  27. Rymut K. Nazwy miast Polski. Wrocław etc. Zakład im. Ossolińskich, 1987.
  28. Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (Історико-фонетичний парис). Київ, 1988.
  29. Трубачев О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії.— Мовознавство, 1971, № 6.
  30. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg — Göttingen, 1962.
  31. Frenkelis E. Baltų kalbos. Vertė S. Karaliūnas. Vilnius, 1969.
  32. Wolff A., Rzetelska-Feleszko E. Mazowieckie nazwy terenowe do końca XVI wieku. Warszawa, 1982.
  33. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-ое. Т. I. М., 1986.
  34. Смолицкая Г. П. Географический термин *корь/корёк*.— Местные географические термины. М., 1970.
  35. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 292: *корь*.
  36. Slawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. II. Kraków, 1961.
  37. Schmid W. P. Dūna.— Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. Herausg. von H. Beck (et al.). Bd. 6. Lief. 3/4. Berlin — New York, 1985, s. 241 и сл.
  38. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius. 1981. С. 227.

Православные традиции: праздники, обычаи, обряды

ОБЪЯСНЕНИЕ

**СИМВОЛА ВЕРЫ,
МОЛИТВЫ И ЗАПОВЕДЕЙ ***

35. Рождение Девы Марии и введение Ее во храм.

В Галилейском городе Назарете жили благочестивые старцы: Иоаким и Анна. У них не было детей. Они усердно молили Бога о даровании им сына или дочери и дали обещание посвятить родившегося младенца на служение Богу при храме. Бог услышал их молитву, и у них родилась дочь, которую они назвали *Марию*.

Когда Марии исполнилось три года, родители Ее, Иоаким и Анна привели Ее во храм иерусалимский для посвящения Богу в сопровождении девиц с возжженными светильниками и пением священных песней. Она Сама прошла 15 ступеней, ведущих в храм. Первосвященник встретил и благословил Ее при дверях храма, как это он всегда делал со всеми посвящаемыми Богу; а потом ввел Ее, по внушению Божию, во Святое-Святых храма, что было совсем необычно и для всех дивно, потому что туда полагалось входить лишь ему одному и притом однажды только в год.— Мария жила при храме Божиим до 14-ти лет и здесь большую часть времени проводила в молитве и чтении священных книг. На 15-м году Ей, по закону, нужно было или возвратиться к своим родителям, или же выйти замуж. Но Ее родители к тому времени уже умерли, а замуж Она не хотела идти, по-

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2, 3

тому что дала обещание всегда оставаться девою. Тогда священники, по внушению Божию, обручили Ее дальнему Ее родственнику, старцу Иосифу, чтобы он заботился о Ней, как добрый отец о своей дочери. Иосиф жил в Назарете, был по ремеслу плотник и этим ремеслом добывал себе пропитание.

Праздник *Рождества Богородицы* бывает 8-го сентября, а праздник *Введения Ее во храм* — 21-го ноября. [Здесь и далее даты приведены по старому стилю — ред.]

36. Благовещение Божией Матери и посещение Ею праведной Елисаветы. (25-го марта)

Когда Дева Мария жила у Иосифа в Назарете, явился к Ней посланный Богом архангел Гавриил и сказал Ей: «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою; благословенна Ты между женами! Ты обрела благодать у Бога; и вот родишь Сына и наречешь Ему имя *Иисус*. Он будет велик и назовется Сыном Всевышнего». Дева Мария не понимала, как это может случиться, когда Она не замужем. Тогда архангел Гавриил сказал Ей: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя, поэтому и рождаемое Святое назовется Сыном Божиим». При этом он прибавил еще, что вот и родственница Ее Елисавета, бывшая доселе бездетною, тоже родит сына, несмотря на свою старость, так как у Бога не остается бессильным никакое слово.— Мария со смирением и верою сказала: «Я раба Господня, пусть будет Мне по слову твоему».

После архангельского благовестия Мария отправилась навещать родственницу свою Елисавету, жену священника Захарии. Елисавета по внушению Духа Святого узнала, что Мария удостоилась быть Матерью Божиею. Увидев Ее у себя в доме, она воскликнула: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне (такая радость), что пришла ко мне Матерь Господа моего. Блаженна, что поверила, потому что исполнится сказанное Ей от Господа». Мария же сказала: «Величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды, что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его».— Мария пробыла у Елисаветы около трех месяцев и возвратилась в дом Свой.

37. Рождество Иисуса Христа.

(25-го декабря)

По случаю народной переписи Мария и Иосиф отправились на время из Назарета в другой город, Вифлеем. (В это время римский царь Август приказал сделать перепись, или ревизию, всего народа еврейского. Иосиф и Мария должны были записаться в Вифлееме, потому что он был родиной их предков, как, например, царя Давида, из рода которого они происходили). Когда они туда прибыли, то, по своей бедности и потому, что в гостинице было много народа, остановились почевать в пещере, или вертене, куда загонялся скот. И здесь-то во время ночи родился от Девы Марии Спаситель, Иисус Христос. Она спеленала Его и положила в ясли (куда кладут корм для скота).

В ту ночь, когда родился Иисус Христос, недалеко от Вифлеема пастухи стерегли свое стадо на поле. Вдруг явился им ангел, и слава Господня осияла их. Пастухи испугались. Ангел сказал им: «Не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость: в городе Давидовом родился Спаситель, Который есть Христос Господь. И вот вам знак: вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях». Потом явилось множество других ангелов, которые пели: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!* Когда ангелы скрылись, пастухи сказали друг другу: «Пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось». Они тотчас же пошли туда и увидели в пещере Младенца, лежащего в яслях, и первые поклонились Ему. Потом они рассказали Марии и Иосифу и всем другим, бывшим тут, все, что они видели и слышали от ангелов. Все дивились, слушая их рассказ. Мария сохранила все слова их в своем сердце.

38. Поклонение волхвов и избивение младенцев.

Когда Иисус Христос родился, пришли с востока из дальней языческой страны в Иерусалим волхвы, то есть мудрецы, и спрашивали: «Где родившийся царь Иудейский? Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Ирод царь, услышав это, испугался, думая, что новорожденный Царь лишит его престола. Он призвал к себе первосвященников и книжников и спросил их: «Где должно родиться Христу?» Они ответили: «В Вифлееме иудейском, потому что так предсказано пророком Михеем».

Тогда Ирод тайно призвал к себе волхвов и сказал им: «Ступайте в Вифлеем, узнайте все хорошенько о Младенце, потом придите и скажите мне, чтобы и я мог пойти поклониться Ему». На самом же деле Ирод думал умертвить Его.— Волхвы пошли в Вифлеем, и перед ними шла та самая звезда, которую они видели прежде на востоке. Она показывала им путь и остановилась над тем местом, где был Иисус. Они увидели младенца Иисуса с матерью Его Мариею, поклонились Ему до земли и принесли Ему дары: золото, ладан и смирну, то есть благовонную мазь. Волхвы хотели воротиться в Иерусалим к Ироду, но получили от Бога во сне повеление идти по другой дороге, прямо в свою землю. [Своими подарками волхвы показали, что родившийся Младенец есть и царь, и Бог, и человек. Золото они принесли Ему, как царю (в виде дани, или подати), ладан, как Богу (потому что ладан употребляется при богослужении), а смирну, то есть благовонную мазь, как человеку, который должен умереть (потому что умерших помазывали тогда этой мазью)].

Ирод долго ждал волхвов, но они не пришли к нему. Тогда Ирод рассердился и послал воинов избить в Вифлееме и его окрестностях всех младенцев мужского пола от двух лет и моложе. Ирод надеялся, что в числе их будет убит и Иисус. Воины убили в это время четырнадцать тысяч младенцев. Но Иисуса Христа они не могли убить, потому что раньше того явился Иосифу во сне ангел Господень и сказал: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там до тех пор, пока я тебе не скажу». Иосиф так и сделал. Он пробыл в Египте до смерти Иродовой, которая вскоре же постигла его. Когда Ирод умер, ангел снова явился Иосифу во сне и велел ему возвратиться в свою землю. Иосиф с Иисусом и Матерью Его отправился домой, в город Назарет. Тут Иисус жил до 30 лет, почему и назывался Назарянином.

39. Сретение Господне

(2-го февраля)

В сороковой день по рождении Иосиф и Мария привесли младенца Иисуса во храм иерусалимский, чтобы принести за Него жертву Богу. В то же время в Иерусалиме жил старец Симеон, которому было сказано от Бога, что он до тех пор не

умрет, пока не увидит Христа-Спасителя. Он, по внушению Духа Святого, пришел во храм, взял на руки Младенца и сказал: *«Нынѣ отпуцаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миром: яко видѣста очи мои спасение Твое, еже еси уготовалъ предѣ лицомъ всѣхъ людей, свѣтъ во откровѣние языковъ и славу людей Твоихъ, Израиля»*. Это значит, что он теперь может спокойно умереть, потому что увидел Спасителя. [*Нынѣ отпуцаеши* = теперь Ты отпускаешь (то есть, из этой жизни в другую жизнь). *Рабомъ* он называет себя, а *Владыкою* Господа. *По глаголу Твоему* = по слову Твоему; *яко видѣста очи мои* = потому что глаза мои увидели; *еже еси уготовалъ* = которое Ты приготовил; *свѣтомъ* назван Иисус Христос и Его учение, которым Он просветил всех людей; *во откровѣние языковъ* = для просвещения язычников; *Израиля* = израильского народа (а также всех истинно верующих и благочестивых людей)]. Тут еще была Анна пророчица, вдова 84-х лет, жившая постоянно при храме. Когда она увидела младенца Иисуса, то также стала прославлять Его и рассказывать о Нем всем ожидавшим пришествия Спасителя.

40. Отрок Иисус во храме.

Иосиф и Мария каждый год ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. Когда Иисусу Христу было двенадцать лет, они взяли и Его с собой. После праздника Иосиф и Мария пошли домой и не заметили, что Иисус остался в Иерусалиме, а думали, что Он идет с кем-либо впереди или позади их. При наступлении ночи Иосиф и Мария стали искать Его между родными и знакомыми, но не нашли. Они воротились в Иерусалим искать Иисуса и только на третий день нашли Его в храме среди законоучителей. Он слушал их со вниманием, спрашивал их и Сам отвечал на их вопросы. Все дивились Его разуму и ответам. Увидев Его здесь, Мария сказала: «Сын мой! Что Ты сделал с нами? Вот мы с большою скорбью все искали Тебя!» Он отвечал им: «Зачем же было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» — Этими словами Иисус Христос показал, что Ему следовало быть в храме Божьем и что Он есть не простой человек, но вместе и Сын Божий, пришедший на землю для великого дела, которое поручил Ему Бог Отец. — Иисус Христос возвратился с Иосифом и Матерью Своею в Назарет и был у них всегда в повиновении, помогал Иосифу в трудах и с возрастом преуспевал в премудрости, в любви у Бога и у людей.

41. Предтеча Господень и Креститель Иоанн.

Его проповедь.

Еще задолго до Рождества Христова было предсказано пророками, что пред пришествием в мир Спасителя будет готовить людей к Его принятию Предтеча Господень. Этим Предтечею, или предшественником, Спасителя был *Иоанн*.

Родители Иоанна, священник Захария и Елисавета, жили в стране иудейской и были очень благочестивы; но, доживя до старости, не имели детей, хотя об этом они часто просили Бога. Когда Захария вошел в храм для служения, ему явился архангел Гавриил и сказал, что молитва его услышана, и жена его, Елисавета, родит сына, которому будет имя *Иоанн*. Он будет велик пред Господом, исполнится Духа Святого с самого рождения своего и станет готовить людей к принятию Спасителя. (Это явление архангела было почти за полгода до благовещения Божией Матери, и потому рождение Иоанново предшествовало Христову рождению также почти на полгода). Захария усомнился, что у него с женой, при их старости, может родиться сын, и пожелал чем-нибудь удостовериться в этом. Архангел же сказал ему, что за свое неверие он сделается немым и не будет говорить до тех пор, пока не исполнится то, что ему сказано. Захария в самом деле стал нем. Предсказание же архангела исполнилось: у Захарии и Елисаветы родился сын. Когда спросили у Захарии, как назвать сына, он потребовал себе дощечку и написал на ней, чтобы его назвали *Иоанном*. После этого отверзлись его уста, и он стал прославлять Бога и пророчествовать о скором явлении Спасителя и что Иоанн будет *Предтечею* Его.

Когда Иоанн вырос, он удалился в пустыню и там проводил время в посте и молитве; а когда ему исполнилось 30 лет, Господь повелел ему идти к реке Иордану и возвестить всем о скором пришествии в мир Спасителя и о том, чтобы все приготовились к Его встрече чрез покаяние и крещение. «Покайтесь, — говорил он, — ибо приблизилось царствие Божие». Тех, которые каялись в своих грехах, он крестил в реке Иордане. Но при этом Иоанн требовал от всех, чтобы покаяние было искренним и сопровождалось исправлением себя и добрыми делами. Когда его спрашивал народ: «Что же нам делать?» — он говорил: «У кого две одежды, тот дай (одну из них) нищему, и у кого есть пища, делай то же». Приходили к нему мытари, то есть сборщики податей, и спрашивали, что им делать? Он сказал, чтобы они

ни с кого не брали лишнего. Спрашивали его также и вопы: «А нам что́ делать?» Он отвечал: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем». Многие думали, не Христос ли он? Но Иоанн объявил, что он не Христос, а что вслед за ним идет Сильнейший его, у Которого он не достоин развязать ремень у обуви, то есть быть слугою,— и Который будет крестить Духом Святым.

42. Крещение Иисуса Христа.

(6-го января)

Когда Иисусу Христу было около 30-ти лет от рождения, Он пришел к Иоанну на реку Иордан, чтобы креститься. Иоанн считал себя недостойным крестить Его. Но Иисус Христос сказал Иоанну, чтобы он не удерживал и крестил Его. Иоанн повиновался. Когда Иисус Христос выходил из воды, раскрылось над Ним небо и сошел на Него Дух Святой в виде голубя, и слышен был голос Бога Отца с неба: *«Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе!»*

После крещения Иисус Христос сорок дней постился и молился в пустыне. Дьявол искушал Его, старался соблазнить и вовлечь Его во грех, но не имел в этом успеха и удалился с посрамлением. Потом Иисус Христос начал свою спасительную проповедь по городам и селениям иудейским.

Иисус Христос крестился для того, чтобы показать всем людям пример.

Праздник *Крещения Господня* иначе называется праздником *Богоявления*, потому что во время крещения явился людям Бог, как Пресвятая Троица, именно: Бог Отец говорил с неба, воплотившийся Сын Божий крестился, а Дух Святой сошел в виде голубя. Также в этот день из всего, что́ было при крещении, впервые все могли видеть, что в лице Иисуса Христа и ним явился не человек только, но вместе и Бог.

В этот праздник бывает освящение воды в воспоминание крещения Господня. Накануне освящается вода в церкви, а в самый праздник в реке, или же в другом месте, где берут воду,— шествие куда для освящения воды называется *крестным ходом на Иордань*.

43. Первые ученики Иисуса Христа и первое чудо Его на браке.

Избрание апостолов.

Ученик Иоанна Крестителя Андрей услышал от своего учителя, что Иисус есть Мессия, то есть обещанный Богом Христос-Спаситель, и потому, увидев идущего Иисуса Христа, последовал за Ним и сделался Его учеником. Он называется *первозванным*, потому что прежде других был призван в ученики Христовы. Андрей привел ко Христу брата своего Симона, которого Христос прозвал Петром. У озера Галилейского Иисус Христос увидел Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых. Они чинили свои рыболовные сети. Иисус Христос сказал им: «Идите за Мной»,— и они пошли за Ним. Также Он призвал в Свои ученики Филиппа, а Филипп рассказал о Христе все, что знал, своему знакомому, Нафанаилу, называвшемуся иначе Варфоломеем, который тоже сделался учеником Христовым.

Вскоре после этого недалеко от Назарета в городе Кане был брак, или свадьба. На этот брак был позван Иисус Христос с учениками и Матерью Своею, Мариюю. Во время брачного торжества оказался недостаток в вине. Мария сказала об этом Иисусу, а слуг предупредила, чтобы они делали все, что Иисус прикажет им. Тут стояло шесть каменных сосудов, в которые обыкновенно наливали воду. Иисус Христос велел слугам наполнить эти сосуды водою, почерпнуть и нести к распорядителю пира. Распорядитель пира отведал того, что принесли слуги. Оказалось, что это — вино и притом *хорошее*. Он призвал жениха и сказал ему: «Всякий человек прежде хорошее вино подает гостям, а когда гости довольно уже пили, тогда похуже, а ты хорошее вино берег до сих пор». Жених не знал, что отвечать, потому что не знал, откуда взялось такое хорошее вино. Знали об этом только слуги, которые наливали в сосуды воду.— Это было первое чудо Иисуса Христа, которым Он прославил Себя, и ученики Христовы уверовали в Него.

Когда же число учеников Иисуса Христа увеличилось, Он избрал из них двенадцать человек, чтобы посылать их в разные места для проповедания, и потому они называются *апостолами*, то есть посланниками. Имена их: Петр и Андрей, Иаков и Иоанн, Филипп и Варфоломей, Матфей и Фома, Иаков Алфеев и Симон

Зилот, Иуда Иаковлев и Иуда Искаротский, который потом предал Иисуса Христа.

Кроме этих 12 главных апостолов, Иисус Христос после избрал еще 70 учеников, как например: Марка, Луку, Клеопу и других, которых Он также посылал на проповедь и которые потому называются тоже апостолами, но они не всегда следовали за Христом.

44. Изгнание торгующих из храма.

Приближался праздник Пасхи, и на этот праздник пришел в Иерусалим Иисус Христос. Во храме иерусалимском Он увидел большой беспорядок: там продавали волов, овец и голубей и сидели за столами меняльщики денег. Он выгнал всех продавцов и меняльщиков из храма и сказал, чтобы они вперед не делали дом Отца Его домом торговли. Когда же начальники храма сказали Ему, какое право Он имеет это делать, Иисус отвечал: «Разрушьте этот храм, и Я в три дня воздвигну его». Они подумали, что Иисус говорит о храме иерусалимском, и потому сказали Ему, что этот храм строился долго, и неужели Он может воздвигнуть его в три дня? Иисус же назвал храмом Свое тело и словами Своими показал иудейским начальникам, что они лишат Его жизни и разрушат тело Его, а Он чрез три дня воскреснет, и тогда всем понятно будет, имеет ли Он право так поступать с нарушителями порядка во храме Божием.

45. Усекновение главы Иоанна Крестителя.

После крещения Господня Иоанн Креститель не долго жил на земле. Вскоре он пострадал за правду: сначала его посадили в темницу, а потом отсекли ему голову. Вот как это случилось.

Иоанн Креститель часто укорял Ирода, правителя Галилейского (этот Ирод был сын того Ирода, при котором родился Иисус Христос), за то, что он, при жизни брата своего Филиппа, взял к себе его жену Иродиаду. Она сердилась за это на Иоанна, потому что ей более нравилось жить у Ирода, и боялась, как бы Ирод в самом деле не послушался Иоанна и не отпустил ее от себя. Она просила Ирода, чтобы он убил его; но Ирод не соглашался на это, потому что считал Иоанна за великого пророка и боялся народа, а только, из угождения ей, посадил его в темницу. Она же не довольствовалась этим.

Однажды Ирод, празднуя день своего рождения, давал пир своим вельможам. Дочь Иродиады, Саломия, плясала пред гостями и так угодила Ироду своею пляскою, что он обещал дать ей все, что она ни попросит у него, хоть половину царства. Девушка пошла к матери своей посоветоваться, чего ей просить. Мать сказала ей: «Проси голову Иоанна Крестителя». Такая просьба опечалила Ирода; но ему не хотелось при гостях изменить своему слову, и он послал воина в темницу отсечь голову у Иоанна Крестителя. Воин отсек и, принеся ее на блюде, отдал девушке, а девушка отнесла матери своей, Иродиаде.

Иисус Христос сказал об Иоанне Крестителе, что больше его не было из рожденных женами. Поэтому мы и почитаем его выше других Святых.— Усекновение главы Иоанна Крестителя воспоминается нами 29 августа. В этот день положен строгий пост.

46. О чудесах Христовых.

Иисус Христос из милосердия к бедствующим творил многие чудеса и тем показал, что Он не простой человек, но вместе и Бог. Чудесами называются такие дела, которые не могут быть совершены ни силою, ни искусством человека, а только всемогущею силою Божиею. Так, например, чрез одно только прикосновение или даже одним Своим словом Иисус Христос исцелял больных, слепым давал зрение, глухим слух, немым язык и даже воскрешал мертвых.

47. Исцеление расслабленного, страдавшего 38 лет.

В Иерусалиме была купальня с пятью крытыми притворами. Она называлась по-еврейски Вифезда, что значит: дом милосердия. Там лежало множество больных, слепых, хромых, и все они ожидали возмущения воды, потому что ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый по возмущении воды входил в нее, тот получал исцеление от болезни. Иисус Христос увидел здесь одного расслабленного (или парализованного), который находился в болезни 38 лет, и спросил его: «Хочешь ли ты быть здоровым?» Больной отвечал Ему: «Хочу, но не имею человека, который опустит бы меня в купальню, когда возмутится вода, а когда я сам прихожу, другой кто-нибудь уже сходит туда прежде меня». Иисус Христос сказал ему:

«Встань, возьми постель твою и ходи!» Больной тотчас выздоровел, взял свою постель и пошел. Это было в субботу. Иудеи сказали исцеленному: «Сегодня суббота, и потому грешно нести постель». Он отвечал им: «Кто меня исцелил, тот мне велел взять постель и идти». Его спросили: «Кто же тебя исцелил?» Он отвечал, что не знает,— потому что Иисус, по исцелении его, скрылся в народе, который там находился. Потом Иисус Христос встретился с ним во храме и сказал ему: «Вот ты теперь здоров, смотри же, не грехи вперед, чтобы не было с тобою чего-нибудь еще хуже!» — Иудеи узнали, что его исцелителя зовут Иисусом. Они озлбились на Иисуса Христа и даже искали случая убить Его за то, что Он совершает такие дела в субботу. Им казалось, что в праздник грешно делать даже и добрые дела.

48. Воскрешение сына Наинской вдовы и дочери Иаира.

Когда Иисус Христос подходил к городу Наину, из города несли хоронить умершего юношу, единственного сына у матери, а она была вдова. Мать шла за своим умершим сыном и горько плакала. С нею шло из города много народа. Господь сжалился над нею и сказал ей: «Не плачь!» Когда же несшие умершего остановились, Он сказал: «Юноша, тебе говорю, встань!» И умерший тотчас же поднялся, сел и стал говорить. Иисус отдал сына матери его. Все дивились и славили Бога, говоря: «Великий пророк явился между нами, и Бог посетил народ Свой!»

Подобное же чудо было с двенадцатилетнею дочерью Иаира, начальника синагоги (то есть молитвенного дома, куда иудеи собирались для молитвы и слушания слова Божия). Она была его единственною дочерью и сделалась так больна, что находилась при смерти. Улав к ногам Иисуса Христа, Иаир умолял Его прийти к нему в дом и возложить руки Свои на его дочь, чтобы она выздоровела. Когда Иисус пошел к нему, Иаир получил весть из дома, что его дочь уже умерла. Эта весть сильно огорчила его. Иисус Христос в утешение сказал ему: «Не бойся, только веруй и будет жива». Так и случилось. Уже все было готово к ее погребению. Иисус же взял умершую за руку и возгласил: «Девушка, встань!» И возвратилась к ней душа ее. Девушка встала и начала ходить. Господь велел дать ей есть и никому не сказывать о происшедшем, так как Он не искал славы. Это чудо изумило всех, и слух о нем разнесся по всей стране,

49. Укрощение бури на озере и хождение Иисуса Христа по водам.

Однажды Иисус Христос вместе со Своими учениками отправился в лодке на другой берег Галилейского, или Геннисаретского, озера. Вдруг поднялась такая сильная буря, что лодка стала покрываться волнами. Иисус же в это время спал. Ученики испугались, разбудили Его и говорят: «Господи, спаси нас, погибаем!» Но Он сказал им: «Что вы так боязливы, малoverные?» Потом Он встал, сказал: «Умолкни, перестань!» И сейчас же настала великая тишина. Все очень удивились этому и говорили: «Кто же это, что и ветрам, и воде повелевает, и они повинуются Ему?»

В другой раз ученики Иисуса Христа одни отправились в лодке через озеро Галилейское, а Сам Он остался на берегу молиться Богу. Наступила ночь, и навстречу им поднялся сильный ветер. Вода страшно волновалась, и лодка учеников почти совсем остановилась. Они были в большом беспокойстве. Иисус Христос сжалился над ними и пошел к ним по воде. Увидев, что кто-то идет по воде, они подумали, что это — привидение, и от страха закричали. Иисус Христос успокоил их и сказал: «Не бойтесь, это — Я». Петр воскликнул: «Господи, если это — Ты, то позволь мне идти к Тебе по воде!» Иисус сказал ему: «Иди!» Петр вышел из лодки и пошел по воде, но, видя сильное волнение, испугался и стал тонуть. «Господи, спаси меня!» — закричал он. Иисус Христос взял его за руку и сказал: «Малoverный, зачем же ты усомнился?» Потом они вошли в лодку, и ветер утих. Бывшие в лодке поклонились Иисусу Христу и сказали: «Воистину Ты — Сын Божий!»

50. Чудесное насыщение народа пятью хлебами.

В одном пустынном месте народ до позднего вечера слушал учение Иисуса Христа, оставаясь без пищи. Иисус Христос велел ученикам Своим накормить всех. Но ученики сказали, что у них нет хлеба для такого множества народа. Нашлось только пять ячменных хлебов и две небольших рыбы. Иисус Христос благословил их, разломил и велел ученикам разнести народу. Все насытились и даже еще оставшихся кусков набрано было двенадцать полных коробов. Народу же было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей. При виде такого чуда народ хотел про-

возгласить Иисуса Христа своим земным царем, но Он незаметно для всех удалился на одну гору и там стал молиться.

51. *Исцеление бесноватой дочери Хананейки.*

Одна хананейская женщина, язычница, усердно просила Иисуса Христа об исцелении ее дочери, в которую вселился нечистый дух и очень мучил ее. «Помилуй меня, Господи, Сын Давидов! — жалобно вопияла она вслед Ему. — Дочь моя жестоко беснуется». Желая показать ученикам Своим сильную веру этой язычницы, Иисус Христос ни слова не отвечал ей. Она же не переставала просить Его о помощи. Ученики сказали Ему: «Отпусти ее, потому что она кричит за нами». Но Он заметил им: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева», — а умолявшей Его о помощи женщине сказал: «Дай прежде насытиться детям; ибо несправедливо отнимать хлеб у детей и бросать его псам». (Иудеи называли себя детьми Авраама, детьми Божиими и сыновьями царства небесного, а на язычников смотрели, как на псов. Но Господь, как бы намеренно применяясь в этом случае к иудеям и приравнивая к псам эту жепщину, хотел чрез то показать им всю неправильность их отношения к язычникам, среди которых Он находил такую сильную веру, какой не находил даже у иудеев, названных Им «погибшими овцами дома Израилева»). Хананейка смиренно отвечала: «Так, Господи! Но и псы едят крошки, падающие со стола господ их». Тогда Иисус Христос с любовью и радостью сказал ей: «О, женщина, велика вера твоя, да будет тебе по желанию твоему!» И в тот же час дочь ее освободилась от нечистого духа и сделалась здоровою.

52. *Исцеление десяти прокаженных.*

Когда Иисус Христос входил в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных. Из них один был самарянин, а девяттеро иудеи. Им нельзя было близко подходить к людям, потому что болезнь их была заразительна. Они издали начали кричать: «Иисус Наставник, помилуй нас!» Иисус Христос сказал им: «Пойдите, покажитесь священникам», — потому что у кого проходила проказа, тот должен был, по закону, явиться к ним, чтобы они освидетельствовали его. Прокаженные пошли, и на дороге исцелились. Один из них, самарянин, видя, что исцелился, воро-

тился к Иисусу Христу, прославляя Бога, упал к Его ногам и стал благодарить Его. Иисус Христос сказал: «Не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме этого иноплеменика?» Потом Он сказал ему: «Встань, иди, вера твоя спасла тебя!».

Из этого видно, что если мы получим от Бога какую-нибудь милость, должны тотчас благодарить Его за это.

53. Об учении Христовом.

От крещения Иисуса Христа до Его вознесения на небо прошло около трех лет с половиною. Во все это время Он постоянно учил людей истинной вере и всему тому, что нужно каждому человеку для угождения Богу и для спасения души. Народ дивился Его учению, потому что ни один человек не говорил так, как Он говорил. Чтобы сделать Свое учение понятнее и памятнее для народа, Иисус Христос часто излагал его в притчах, то есть в иносказаниях, подобиях и сравнениях с чем-нибудь и как бы в загадках, где под известным словом разумеется что-либо другое.

54. Притча о сеятеле.

Однажды Иисус Христос сказал такую притчу. Вышел сеятель сеять. Когда он сеял, то иное семя упало на дорогу и было потоптано прохожими или поклевано птицами, иное упало на каменистое место и выросло здесь, но скоро засохло, потому что было мало земли и влаги для корня, иное упало между тернием, или, что то же, дурною, сорною травой, и выросло здесь, но потом терние заглушило его, а иное упало на хорошую землю, выросло и принесло большой плод.

В этой притче под сеятелем Иисус Христос разумел Самого Себя, под семенем Свое учение, под землю — душу человеческую. Под дорогою, где бывают то птицы, то прохожие, разумеются люди рассеянные и невнимательные, из души которых диавол похищает слово Господне, чтобы они не уверовали и не спаслись. Каменистое место означает людей с грубым и жестким сердцем, окрестивших в дурных на́выках: они хотя и слушают учение Господне, но оно не проходит глубоко в их испорченную душу, скоро перестает им нравиться, и они во время искушения или напасти отступают от него и остаются по-прежнему дурными. Терние, или сорная трава, означает разные житейские забо-

ты и пристрастия, которые заглушают в человеке слово Господне, и оно остается бесплодным. Под хорошою землею разумеются хорошие люди, которые с усердием принимают учение Господне и стараются исполнять его. Под плодом семени разумеется плод, или, что то же, польза от учения Господня. Кто хорошо узнает и всем сердцем полюбит учение Господне, тот будет стараться проводить жизнь благочестивую, согласную с этим учением, и удостоится царства небесного.

55. Заповеди о любви к Богу и к ближнему.

Один иудейский законник (законником он называется потому, что изучал Закон Божий и думал, что знает его лучше других) спросил Иисуса Христа: «Учитель, какая наибольшая заповедь в законе?» Иисус Христос сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим и всею душою своею, и всем разумением своим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего своего, как самого себя. На этих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

56. Притча о милосердом самарянине.

Иудейский законник спросил Иисуса Христа. «Кто мой ближний?» В ответ на это Иисус Христос сказал ему такую притчу. Один человек шел из Иерусалима в Иерихон. На него напали разбойники, ограбили и так избили и изранили его, что он остался едва живым. По той дороге шел священник и, увидев его, прошел мимо, не оказав несчастному никакой помощи. Также и левит, быв на том месте, подошел к нему, посмотрел и прошел мимо. По той же дороге ехал самарянин, который происходил из другого народа и был другой веры. Он увидел его и сжалился, перевязал ему раны, возливая на них масло и вино, посадил его на своего осла, привез в гостиницу и здесь стал ухаживать за ним. На другой день самарянину нужно было уехать. Он дал хозяину гостиницы денег и сказал: «Позаботься о нем, а если издержишь более этого, то я, когда возвращусь, отдам тебе».

Сказав эту притчу, Иисус Христос спросил законника: «Как ты думаешь, кто из этих троих был ближний попавшемуся в руки разбойников?» Он отвечал: «Тот, кто оказал ему милость». Тогда Иисус Христос сказал ему: «Иди, и ты поступай так же».

Этот притчею Господь научает, что нужно считать своим

ближним всякого другого человека, кто бы он ни был, из какого бы народа ни происходил и какой бы веры ни был. Научает Он и тому, чтобы мы были сострадательны и милосерды ко всякому несчастному человеку, кто бы он ни был, и оказывали ему свою посильную помощь в его нужде и несчастии.

57. Учение Иисуса Христа о путях к блаженству.

Чтобы войти в царство небесное и получить вечное блаженство, для этого, по учению Иисуса Христа, мы должны быть нищими духом, то есть сознавать свое несовершенство и недостойнство пред Богом, должны сокрушаться и плакать о своих грехах, должны быть кроткими, искать правды и истины, быть милостивыми, чистыми сердцем, миротворцами и быть всегда готовыми за праведную жизнь и веру во Христа претерпеть всякую неприятность от других. (Изречениями о путях к блаженству Господь начал Свою *нагорную проповедь*, в которой также содержится Его учение о Промысле Божиим, о неосуждении других, о силе молитвы и о милостыне).

58. Учение о Промысле Божиим.

Иисус Христос учил, что Бог промышляет (то есть заботится) о всех тварах, но особенно промышляет о людях. Он заботится о нас более и лучше, чем самый добрый и разумный отец о своих детях. Без Его воли не может упасть даже ни один волос с нашей головы, и Он оказывает нам Свою помощь во всем, что необходимо нам и что служит для нашей истинной пользы. «Взгляните,— сказал Господь,— на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу, и Отец ваш небесный питает их, а вы не гораздо ли лучше их? Посмотрите также на полевые лилии, как они растут? Не трудятся, ни прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то тем более вас. Он, Отец ваш небесный, знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же *прежде всего* царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам».

59. Учение о неосуждении других.

Иисус Христос не велел осуждать других людей. Он так сказал: «Не судите, да не судимы будете; потому что каким судом вы судите, таким и вас будут судить, и какую мерою вы мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в своем глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату своему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из своего глаза, и тогда увидишь, как выпнуть сучок из глаза брата твоего».

Здесь под братом нашим разумется всякий другой человек; под сучком — малый недостаток, или порок, а под бревном — большой.

60. Учение о силе молитвы и о милостыне.

Если мы будем с усердием молиться Богу и просить Его помощи, то Он сделает все, что служит для нашей истинной пользы. Иисус Христос так сказал об этом: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; потому что всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворит. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злыми, умсете давать благое давать детям вашим, тем более Отец ваш небесный даст блага просящим у Него». — «Когда же молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаться молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, помолись Отцу твоему втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Так же, как о молитве, Господь учил и о милостыне. «Смотрите, — сказал Он, — не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас; иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая; чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

61. Притча о мытаре и фарисее.

Чтобы мы не хвалились своею праведностию и не превозносились пред другими, Иисус Христос сказал такую притчу.

Однажды два человека вошли в храм помолиться. Один из них был фарисей, а другой мытарь. (Фарисеи — это были у евреев такие люди, которые особенно старались о наружной набожности и думали, что они лучше и святее других. *Мытарь* значит: сборщик податей). Фарисей молился так: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди: грабители, обидчики, или как вот этот мытарь; пощусь два раза в неделю, жертвую десятую часть из всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо, но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! Милостив будь ко мне, грешнику!»

Сказав это, Иисус Христос прибавил, что молитва мытаря была угоднее Богу, чем молитва фарисея, и мытарь пошел в дом более оправданным, нежели фарисей; потому что всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а уничижающий себя возвысится.

62. Притча Господня о милосердном царе и безжалостном заимодавце.

Один человек был должен своему царю десять тысяч талантов (в таланте было серебра на 2.000 руб.) и не мог заплатить ему такого большого долга. Царь разгневался и велел для уплаты долга продать этого человека, жену его с детьми и все имущество. Должник упал к его ногам и начал упрашивать подождать на нем долг. Царь умилился над ним и совсем простил ему долг. Выйдя от царя, этот человек увидел своего товарища, который должен был ему немного, только сто динариев (динарий равен 20 коп.) Он схватил товарища и начал душить его, говоря: «Отдай мне долг!» Товарищ упал к его ногам, умолял его и говорил: «Потерпи на мне, и я тебе все отдам». Но тот не согласился и посадил его в темницу. Царь узнал об этом, призвал такого безжалостного человека и сказал ему: «Злой раб! Весь долг я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать своего товарища, как я тебя помиловал?» — И велел царь посадить его в темницу и держать там до тех пор, пока он не заплатит всего долга.

Сказав эту притчу, Иисус Христос прибавил: «Так и Отец

Мой небесный поступит с вами, если не простите от сердца брату своему согрешений его».

В этой притче под царем разумеется Бог; под человеком, который много был должен своему царю, разумеется мы, люди, а под должгом — грехи ваши; под товарищем должника разумеются наши должники, то есть те люди, которые в чем-нибудь виновны пред нами, например, обидели нас. Эту притчею Господь учит нас прощению обид, а если мы не простим другому, тогда и Бог не простит нам согрешений наших.

63. Притча о блудном сыне.

Что Бог с радостью и любовью принимает кающихся грешников, это Иисус Христос показал в притче о блудном сыне.

У одного человека было два сына. Младший сын захотел жить отдельно. Получив от отца свою долю имущества, он отправился в дальнюю сторону и там скоро растратил его, живя безрассудно и порочно. Между тем настал сильный голод в той стране. Нужда заставила этого сына пойти к одному из тамошних жителей пасти свиней, и он рад бы был напиться тем, что ели свиньи, но и того ему не давали. Наконец он одумался, вспомнил об отце своем и сказал: «Сколько работников у отца моего едят досыта хлеба, а я умираю с голоду! Встану, пойду к отцу и скажу ему: «Отче! Я согрешил пред Богом и пред тобою и уже недостойн называться твоим сыном, прими меня в число работников»». Потом он встал и пошел к своему отцу. Отец, увидя его издали, сжалился над ним, побежал к нему навстречу, обнял и целовал его. Сын сказал ему: «Отче! Я согрешил пред Богом и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим»... Отец же сказал слугам своим: «Принесите лучшую одежду и оденьте его; дайте ему перстень на руку и обувь на ноги; приведите и заколите откормленного теленка; станем есть и веселиться, потому что этот сын мой был мертв — и ожив, пропадал — и нашелся!» И начали веселиться. — Старший сын возвращался в это время с поля. Услышав в доме пение и ликование, он призвал одного из слуг и спросил: «Что это такое?» Слуга сказал ему: «Брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что увидел его здоровым». Старший сын осердился и не хотел войти туда, где веселились. Отец же вышел к нему и звал его. Но он отвечал отцу: «Вот я столько лет служу тебе и всегда исполнял приказания твои, а ты никогда не дал мне и козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими. Когда же пришел этот

твой сын, расточивший имение свое, ты заколол для него откормленного теленка». Отец сказал ему: «Сын мой! Ты всегда со мною, и все мое — твое. А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой этот был мертв — и ожил, пропадал — и нашелся!».

Под отцом здесь разумеется Бог, а под младшим сыном — кающийся грешник. «Так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся,— сказал Господь,— нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

64. Притча о талантах.

Господь потребует от нас строгий отчет в подлежащем употреблении всех даров Божиих, сил и способностей на пользу себе и ближним. За нерадение же и леньность мы будем осуждены и наказаны. Это Иисус Христос показал в притче о талантах.

Один господин поручил своим слугам имение свое. Одному он дал пять талантов, другому два, а третьему один; каждому по его силе. Сам же отправился в дальнюю страну. Получивший пять талантов употребил их в дело и приобрел на них другие пять. Также и получивший два таланта приобрел на них еще два. Получивший же один талант закопал его в землю. Потом господин возвратился и потребовал от них отчет. Получивший пять талантов принес ему еще другие пять. Господин сказал ему: «Хорошо, добрый и верный мой слуга, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина своего». Получивший два таланта принес еще другие два таланта, и ему господин сказал то же самое. Получивший же один талант сказал: «Господин! Я знал, что ты человек жестокий: жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и потому, побоясь, я скрыл твой талант в земле; вот тебе твое». Тогда господин сказал ему: «Лукавый раб и ленивый! Если ты знал, что я таков, то ты должен бы отдать серебро мое торгующим, и я теперь получил бы его с прибылью. Итак, возьмите у него талант и отдайте имеющему десять талантов; а его, негодного раба, бросьте во тьму кромешную (или внешнюю); там будет плач и скрежет зубов».

65. Притча о богатом и Лазаре.

Был один богатый человек. Он одевался по-царски и каждый день пирашествовал блистательно. Был также нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его, покрытый стружьями, и желал бы напитаться хотя крошками, падающими со стола богача. Псы

приходили и лизали струпья его. Умер пищий, и был отнесен ангелами на лоно Авраама. Умер и богач, и похоронили его. Мучаясь в аду, он поднял глаза свои и увидел вдали Авраама, а при нем Лазаря, и стал умолять его умилосердиться над ним и послать Лазаря омочить палец свой в воде, чтобы прохладить язык его и чрез то облегчить его мучения в адском пламени. Авраам же сказал ему, чтобы он вспомнил, как он блаженствовал на земле, а Лазарь мучился, теперь же пришло время Лазарю блаженствовать, а ему мучиться, да к тому же между ними находится великая пропасть, и потому невозможен переход. Превжний богач просил Авраама послать Лазаря, по крайней мере, в дом его отца и предостеречь пятерых братьев его, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам же отвечал ему: «У них есть Моисей и пророки (то есть их писания), пусть слушают их». — «Нет, отче Аврааме, — сказал он, — но, если кто из мертвых придет к ним, покаются». Авраам же отвечал: «Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят».

Из этой притчи Господней видно, что если богатый тратит свое богатство только на свое удовольствие, а бедным не помогает, то будет осужден в другой жизни; бедные же должны с терпением переносить свою бедность и страдания на земле, помня, что есть другая, лучшая жизнь в царстве небесном.

Продолжение следует

Похоже, но не одно и то же*

А. В. Суперанская,
доктор филологических наук

До сих пор мы говорили преимущественно о полных, официальных, паспортных формах имен. Но, помимо них, существуют формы неофициальные, народные, домашние, разговорные, сокращенные и другие.

Календарные имена заимствовались из Византии (или через посредство Византии) во многие языки Европы. В своих первоначальных письменных формах они довольно близки друг к другу. Но каждый язык преобразовывал их, приспособлявая к своей системе. Например, в русском языке в процессе таких преобразований произвольно наращивалось или отбрасывалось конечное *-ий*, свойственное многим мужским именам. Так, имя *Гурий* превращалось в *Гур*, *Софроний* — в *Софрон*, *Артемий* — в *Артем*; и наоборот: *Софон* — *Софоний*, *Созонт* — *Созонгий*, *Потап* — *Потапий*.

Способностью сокращать длинные и даже достаточно короткие имена обладают многие языки, а правила, по которым это делается, и набор соответствующих суффиксов в каждом языке свои. Например, русские иной раз просто усекают длинное имя: *Николай* — *Никола*, *Александр* — *Алексан*, *Никита* — *Никит*. Чехи превращают имя *Рудольф* в *Руда*, *Якуб* в *Кубик* и даже *Кубичек*.

В результате различных преобразований первоначальная форма имени может совсем потеряться. Например, русские сокращенные формы имен *Шура* и *Нюра* состоят из одних только суффиксов. Мы просто знаем, каким полным именам соответствуют эти сокращенные. Догадаться же, не зная, — невозможно. Образовались они следующим путем: у имени *Александр* (или Александра) усекается конечная часть и прибавляется суф. *-ша*: *Алексаша*; затем — усекается начало: *Саша*, добавляется суф. *-ура*: *Сашура* и снова усекается начало: *Шура*. Подобным же образом, в несколько этапов, образовывались сокращенные *Нюра*, *Нюша*, *Нюся* от имени *Анна*: сначала усекался конец: *Аня*, затем прибавлялись ласкательные суффиксы: *Анюра*, *Анюся*, *Анюша*, затем усекалось начало: *Нюра*, *Нюся*, *Нюша*.

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 1–3.

В прошлом у русских уменьшительные и ласкательные формы образовывались от древнерусских, дохристианских имен. Так, от «взрослых» имен *Бык, Медведь, Конь, Пчела, Гусь, Береза* образовывались домашние, «детские» формы имен: *Бычок и Бычко, Медведик, Медведко, Конёк, Пчёлка, Гусёк, Берёзка*. Отголоски этого находим в современных фамилиях *Бычков, Пчелкин, Березкин* и названиях деревень, в том числе и микрорайонов Москвы *Коньково, Медведково*.

С освоением календарных имен те же способы создания уменьшительных и ласкательных форм распространились на них. (Большой перечень уменьшительных и ласкательных форм имен включен в Словарь русских имен Н. А. Петровского). Характерно, что одни и те же сокращенные формы могут относиться к нескольким разным полным именам, например *Люся* — *Людмила, Ольга, Луиза* и даже *Анатолий* (через *Толя, Толюся*); *Митя* — *Дмитрий, Митрофан*; *Дима* — *Дмитрий, Вадим*; *Валя* — *Валентин, Валентина, Валерий, Валерия*; *Мара* — *Мария, Маргарита, Эльмара, Тамара*. И наоборот, одному и тому же полному имени соответствуют несколько сокращенных: *Дмитрий* — *Митя, Дима*; *Мария* — *Маня, Маша, Маруся, Мара, Муся*.

Показательно и следующее: чем раньше заимствовано имя, чем дольше употребляется оно в нашем языке, чем оно более частотно, тем больше уменьшительных, ласкательных и прочих форм оно имеет. Так, у имени *Иван* их свыше ста, при этом различные суффиксы могут добавляться как к полной, так и к усеченной и преобразованной основе: *Иван* — *Иванушка, Иванец, Ивантей, Иванчик, Иванча, Иванище, Иванчище, Ива, Иваша, Ивашка, Иваша; Ваня, Ванька, Ванечка, Ванюша; Вака, Вата, Ваша*.

Некоторые неофициальные формы имен совсем не похожи на полные паспортные. Многие формы ушли в прошлое, но подтверждение того, что они существовали, сохраняется в фамилиях. Например, фамилия *Полеткин* образована совсем не от полета, а от одной из неофициальных форм имени *Ипполит*, ср. *Полит, Полет*; фамилия *Петелин* — не от петель, а от одной из форм имени *Пантелей*; фамилия *Палкин* — от фамильярного *Палка*, восходящего к имени *Павел*.

Фамилии *Вахрамеев, Вахрушин, Вахрушев, Охромеев* происходят от различных неофициальных форм имени *Варфоломей*: *Вахрамей, Вахруша, Охромей*.

В течение длительного времени происходило массовое заимствование русских имен в их сокращенной, разговорной, фамильярной форме в языки народов СССР. Обычно такие заимствования

осуществлялись устным путем. Позже они стали проникать в актовые записи.

В Ленинграде был однажды случай: появился папа по имени *Петя*. Ему предложили либо заменить домашнюю фёрму имени на официальную паспортную, либо смириться с тем, что его сын будет Алексей *Петевич*. Он предпочел первое и стал *Петр*.

Вячеслав, Станислав, Ярослав...

В русской традиции сохранилось несколько древнейших славянских имен, оканчивающихся на *-слав*: *Владислав*, *Вячеслав*, *Мстислав*, *Ростислав*, *Станислав*, *Ярослав*, а также близкие к ним по происхождению и времени создания имена *Всеволод*, *Владимир*.

Когда мы говорим о славянских, или общеславянских именах, мы подразумеваем, что они унаследованы от периода древнеславянской общности. К числу таких относятся многие двусосновные имена типа *Всеслав*, *Святослав*, *Красимир*, *Станмир*, *Яромир* и соответствующие женские: *Всеслава*, *Красимира* и т. д.

Наиболее распространенные компоненты, формирующие славянские двусосновные имена, восходили к словам: *мил(ый)*, *остр(ый)*, *яр(ый)*, *мудр(ый)*, *слав(ный)*, *дан(ный)*, *добр(ый)*, *драг(ой)* — дорогой; *все*, *дед*, *дом*, *друг*, *гость*, *полк*, *люд*, *рад*, а также к частям слов: *брони-* (ср. броня, оборона, обороняться); *тверди-* (ср. твердый, твердость); *рати-* (ср. ратный, ратник); *греми-* (ср. греметь); *стани-* (ср. становиться); *влади-* (ср. владеть); *воли-* (ср. воля, велеть, волеизъявление).

Значение древних двусосновных имен не равно сумме значений их компонентов. Число этих компонентов невелико и более или менее стабильно. Но сочетаться они могли по-разному, что способствует большому разнообразию имен. Существуют имена, где одни и те же компоненты представлены в прямом и обратном порядке: *Славомир* и *Мирослав*; *Милодраг* и *Драгомил*; *Негослав* и *Славонег*. Некоторые компоненты встречаются только в начале: *все-*, *вяче-*: *Всеслав*, *Всеволод*, *Вячеслав*; некоторые — только в конце: *-дар*: *Божидар*.

Следует предположить, однако, что некоторые компоненты с течением времени были утрачены вместе с выходом из употребления соответствующих имен. О том, что многие двусосновные имена существовали у восточных славян (русских, украинцев, белорусов), свидетельствуют географические названия, в составе которых они сохранились. Сравните названия городов и существующие имена *Владимир*, *Ярослав* (город Ярославль). Очевидно,

такими же именами людей в прошлом были *Житомир*, *Борислав*, *Судимир* и др. Название поселка близ Москвы и аэропорта *Домодедово* происходит от древнерусского имени *Домодед* (более древняя форма *Домадед*) и т. д.

Некоторые имена получили у русских совершенно особую переработку, вследствие суеверия, свойственного нашим предкам. Называя ребенка *Всеволод*, в быту именовали его *Нечволод*, то есть «ничем не владеющий»; называя сына *Ратибор*, *Ратислав* или *Ратимир*, они в быту звали его *Нерат*, то есть «не-воин; не умеющий сражаться, не годный для ратного дела». Можно привести многие другие древнерусские «отрицательные» имена: *Немил*, *Нехорош*, *Невер*, *Нелюб*, *Неустрой*, *Неупокой*, *Неудака* и *Неудача*, *Несмел*. Очевидно, все они давались «от сглаза», то есть как вторые, обходные при «настоящих» именах и были своеобразными «обманными» именами.

В настоящее время мы все чаще обращаемся к забытым древнерусским и общеславянским именам. Иной раз нас удерживает от того, чтобы дать одно из этих имен своему ребенку, неумение образовать от него сокращенную форму, а также отчество — необходимую составную часть именованного взрослого человека.

Вячеслав иногда сокращают *Вячик*; *Станислав* — *Стасик*; *Святослав* — *Светик*; *Ростислав* — *Ростик*; *Владислав* — *Владик*. Но чаще для всех этих имен употребляют одно общее сокращенное имя — *Слава*. Это создает однообразие. Чехи, у которых сохранилось много двусловных имен, обычно образуют сокращение, сохраняя первую основу и усекая вторую: *Мирослав* — *Мирек*, *Славомир* — *Славек*, *Радослав* — *Радек* и т. д. Нашему *-ик* у них соответствует *-ек*. Поляки также предпочитают отсекал вторую основу, оставляя и видоизменяя первую: *Станислав* — *Стась*, *Радослав* — *Рад*, *Раль*, *Рах*, ср. название города *Разов*.

Южные славяне поступают таким же образом: *Божидар* — *Боже*, *Божко*, *Стоислав* — *Стойко*, *Станислав* — *Станко*, *Благослав* — *Блаже*, *Блажко*, *Драгослав*, *Драгомир* — *Драго*, *Дражко*. Благодаря этому сохраняется разнообразие сокращенных имен и их различимость.

Один из персонажей «Разгрома» А. Фадеева зовется *Мечик*. Это сокращение от *Мечислав*. Персонаж «Анны Карениной» Л. Толстого *Стива* — это сокращение на английский лад имени *Степан*. Но *Стива* может быть также сокращением от *Мстислав*.

Не все способы иноязычных сокращений для нас приемлемы, но многое можно заимствовать и соответственным образом преобразовать.

Окончание следует.

Астрахань

Г. А. Галкин,
кандидат географических наук,

В. П. Нерознак,
доктор филологических наук

Благоприятное положение на древних водных торговых путях в районе Ближнего и Среднего Востока издавна способствовало заселению и хозяйственному освоению низовий Волги. Из описаний арабских путешественников VII–VIII вв. известно, что на берегах Волго-Ахтубинской поймы уже в то время существовала весьма высокая земледельческая культура и процветала торговля со странами Востока.

Вблизи современной Астрахани издавна располагались городские поселения, через которые шли пути торговли персов и арабов с северными странами. На протяжении нескольких столетий здесь, несмотря на частые разрушения, неизменно возникали города хазар, половцев, монголов. И каждый из этих народов, наряду с другими, оставил свой «топонимический след» в названиях городов: *Итиль*, *Беленджер*, *Хав-Тархан*, *Гаджи-Тархан*, *Цыгროхань*, *Австорохань* и т. д. В 1556 г. татарская Астрахань стала русским городом и в номенклатуре ее названий появились варианты типа *Аш-Тарханы*, *Астороханий*, *Вастразань*.

Анализ обширного массива информации: русских летописей, западноевропейских и византийских хроник, памятников араб-

ской литературы, архивных материалов, древних и средневековых карт дал возможность собрать уникальную номенклатуру названий города Астрахани (около 140 вариантов, разночтений и искажений, включая ошибки авторов, переписчиков и переводчиков), а также проследить эволюцию этих названий на протяжении последних столетий.

Многие авторы пытались объяснить происхождение современного названия Астрахани. Обзор некоторых таких попыток приводится, в частности, в работе И. Г. Добродомова «Происхождение названия Астрахань» (в кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа. 1973).

Наряду с этим можно обратить внимание на работы В. Н. Татищева, в которых он критически оценивает бытовавшие в его время «объяснения» этого топонима (Татищев В. Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 170). Сомнительной представляется ему одна из версий, по которой название города произошло от имени народа астуркани, упоминаемого еще Птолемеем (II в. н. э.). В. Н. Татищев отклоняет и мнение Страленберга, возводящего имя города к слову «страхань», что в русском языке якобы означает «прорезь». «Невероятным» называет автор и объяснение названия города от скифского *ас* — «воевода» и «тархан». Сомнительно и *Хаджихан* — «святость ханская» (с. 329).

Наряду с этим имеют место и объяснения современного названия *Астрахань* от слов *аста* — «медленно, осторожно», *эстеранат* — «отдых» или от *астан* — «порог, вход» — имеется в виду вход в волжское устье (Жило П. В., Косарев А. Н. Топонимика некоторых географических названий побережья Каспийского моря // Вестн. МГУ, 1966, № 3, 4, сер. V, геогр. С. 119–139). В свою очередь, И. Березин название города толкует следующим образом: «...*тарху* — это татарское название от глагола *таркамак* — «раскидывать» (тарху — «раскинутый, разбросанный»). Отсюда *Ас-Тархан* — «прекрасно расположенная, раскинутая местность» (там же).

А. Олеарий в своем «Описании путешествия в Московию» (1647 г.) приводит следующее объяснение наименования города, искусственно расчленив его на «Астра» и «хан»: «...Полагают, что государь, построивший этот город и владевший им некогда, назывался Астра-хан» (Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. 1986. С. 457). Это же предположение повторяется и в записках Я. Рейтенфельса (1680 г.): «...Город, по преданию, основан неким скифским царем — Астром» (Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу... о Московии // Чтения общества истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1906, кн. 3, С. 201).

Интересно, что и в работах некоторых современных авторов допускается подобная версия: «...При распаде Золотой Орды в XIV в. Астрахань стала вассальным ханством татарских золотоордынских ханов. Первый властитель вассальной Астрахани посыл имя Эстер-хана. Образование слова «Астрахань» по созвучию от имени Эстер-хана может иметь некоторые основания» (Жило П. В., Косарев А. Н. Указ. работа). Разумеется, подобные «этимологии» непримлемы.

В номенклатуре названий Астрахани обращает на себя внимание обилие вариантов типа *Хаджджитархан*, *Хаджж-Тархан*, *Гаджитархан* и т. д. По версии Ибн-Баттуты (XIV в.), приведенной в работе В. В. Бартольда (Бартольд В. В. Сочинения. 1965. Т. 3. С. 336), «...здесь будто жил святой паломник, ходивший в Мекку, и поэтому город был освобожден от всех налогов и от этого получал свое название». В. Н. Татищев также приводит подобную версию, по которой «город так был назван татарами якобы от одного жившего там владельца тархана, что значит «вольный господин». Некоторые современные авторы принимают подобное объяснение: «...Нет ничего удивительного, что какой-либо почтенный хаджи получил от хана вблизи Астрахани „тарханную привилегию“» (Жило П. В., Косарев А. Н. Указ. работа).

Интересно, что если И. Ю. Крачковский считает «„Хаджи-Тархан“ арабизированной формой и позднейшим осмысливанием тюркско-моңгольского имени», то И. Г. Добродомов, наоборот, утверждает, что «арабо-персидские формы типа хаджджтархан легли в основу современных тюркских видоизменений топонима Астрахань».

По предположению В. А. Никопова, названия подобного топонимического ряда «могут быть из иранских языков; тюркоязычные формы, вероятно,— пересосмысления по сходству с тюркскими словами «хаджи» и «тархан» — свободный от податей (Никопов В. А. Краткий топонимический словарь. 1966. С. 34). И далее автор высказывает предположение о возможной связи топонимов *Астрахань* и *Тьмутаракань* — *Тамань*.

С целью проверки этого предположения нами был проведен сравнительный анализ некоторых старых названий Астрахани и Тамани:

Астрахань
Хаз-Тархан
Азътархан
Хозъ-торохан
Хозиторокань
Аз-таракан
Азторакань

Тамань
Тама-Тархан
Тама-тарха
Тому-торохан
Тьмуторокань
Тму-таракань
Тьмуторокань

и т. д.

В ряде работ утверждается, что приведенные названия Астрахани появились не ранее XIII–XIV вв. Но если аналогия в словообразовании названий этих двух городов имеет место (а приведенные материалы это подтверждают), то правомерно проследить «возраст» вариантов названия Тамани, который, по сути, восходит к античным временам.

Так, уже в 1154 г. Идриси упоминает Таматарху – «весьма древний город. Город этот густо заселен и весьма цветущ, в нем бывают ярмарки, на которые стекается народ из всех близких и дальних краев» (Якобсон А. Л. Крым в средние века. 1973. С. 83). Еще раньше, в X в. император Константин Багрянородный также знал Тамань в форме *Тама-тарха* (Баиер Г. З. География Российская и соседственных с Россией областей из Константина Порфирогенита. СПб., 1767). В «Повести временных лет» под 988 г. имя этого города приводится в близком написании: «...посадиша...Мьстислава Тмуторокани». Тысячелетием раньше подобная форма (Таматарха, Тюма-тарха) встречается у Страбона и других античных авторов в качестве названия острова в низовьях Кубани, на котором был расположен упомянутый город (Памятная книжка Кубанской области на 1876 г. 1876. С. 10; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М., 1984. С. 35).

Приведенные выше примеры дают основание пересмотреть «возраст» названий как *Тамани* (*Тама-Тархан*), так и в какой-то степени – *Астрахани* (*Хаз-Тархан*).

В связи с этим интересна «гунно-тохарская» гипотеза происхождения названий этого топонимического ряда, приведенная В. Скурлатовым (Дорогами тысячелетий. Вып. I. 1987. С. 220–221). О *тохарах* (*токтар* в аланском языке – «воин») упоминали еще римские источники II–I вв. до н. э. В тохарском войске самое крупное подразделение (10 000) называлось *тмам* или *тумане*. Этот термин впоследствии заимствовали тюрки («тюмян»), монголы («тюмен») и персы («туман»). Русские использовали слово «тьма».

По мнению В. Скурлатова, какая-то гуннско-тохарская «тьма» («тамань») увидела в дельте Кубани удобную базу, которая получила наименование «остров тьмы» – «остров Тамань»... А поскольку курень или ставка командования «тьмы» по-тюркски звучит «Тамань-таркхан», то в русско-тюркском варианте должно случиться «Тмутаракань». Аналогично, утверждает В. Скурлатов, получилась и «Ас-торокап» (ныне Астрахань), что буквально значит «курень асов» («ставка алан»).

Это предположение можно было бы принять в качестве рабочей гипотезы, если бы древнейшей формой названия Астраха-

ни была бы упомянутая В. Скурлатовым «Ас-торокань». Но дело в том, что это одно из завершающих, близких к современности звеньев «топонимической цепи», восходящей к раннему средневековью:

Хаз-Тархан → Хози-Таракань → Хаджитархан → Аджитаркан → Азиторакань → Аз-торохан → Астаракань → Ас-торокань → Астрахань.

Дальнейшие изыскания в этом направлении позволят уточнить этимологию и семантику наиболее ранних вариантов современного названия города Астрахани.

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ

Б. С. Шварцкопф,
доктор филологических наук

Этого устойчивого выражения вы не найдете ни во фразеологических словарях русского языка, ни в справочниках крылатых слов. А ведь оно хорошо известно и понятно читающим, где бы ни встретилось — в художественной литературе или в газетной статье... Впрочем, судите сами: «Статья Александра Фета была вызвана опубликованием работы Победоносцева, наставника будущего царя, которого иначе как „серым кардиналом“ ... в прогрессивных дворянских кругах не называли» (Ю. Семенов. Версия II); «Рузвельт подумал о том, как не хватает ему Гарри Гопкинса, самого близкого его советника по политическим вопросам. Рузвельт знал, что многие не любят Гопкинса. После того, как Гарри в самом начале войны побывал в Кремле, антисоветски настроенные представители большого бизнеса называли его „серым кардиналом“, оказывающим магическое влияние на главу государства» (А. Чаковский. Неоконченный портрет, гл. 4).

Это выражение встречается также в форме *серая эминенция* (латинское *eminentia*, что значит «превосходство», — титул католических епископов и кардиналов) или *серое преосвященство* (преосвященство — титул епископа): Марк Борцов «внимательно изучал (министра.— *В. Ш.*), стараясь быть „серой эминенцией“ кардинала Ришелье и рассчитывать воспользоваться для собственной карьеры» (К. М. Станюкович. Откровенные, ч. 2, XVIII); «Дино регулярно переписывалась с „серым преосвященством“ короля Луи-Филиппа — его сестрой Аделаидой...» (Ю. В. Борясов. Шарль Морис Талейран, гл. XXIII; здесь это выражение адресовано женщине).

Выражение *серый кардинал* может относиться даже к целой организации: «„Серый кардинал“ — одно из газетных прозвищ корпорации „Дэнцу“ ... „Всесильный Дэнцу“, „Дом, который вечно в тени“ — так называют эту корпорацию в Японии. ...Она не фигурирует в статистических сборниках по японской экономике и не

входит в перечень ведущих компаний страны. Между тем „Дэн-цу“ — одна из крупнейших в мире по объему сделок рекламная корпорация, которая контролирует 90 процентов так называемого „золотого времени“ на японском телевидении, представлена в десятках стран мира, содержит в своем штате около шести тысяч самых высокооплачиваемых в Японии сотрудников и имеет годовой оборот почти в триллион иен» (Изв. 1987, 13 февр.).

Иногда это выражение употребляется как переносное, в частности в научно-популярном жанре: «...мозжечок непосредственно не связан с внешним миром — он пользуется информацией, которую добывают другие органы, то есть ведет себя как „серый кардинал“ нашего мозга — проявляет свое влияние опосредованно, через другие центры» (Знание — сила. 1983. № 2. С. 42). Поэтому само выражение может служить базой для игры слов, ср. замену эпитета *серый* на *светлый* — намек на белый халат врача в примере: «И Ювелера, говорят, должны были уволить... Не он протезе доктора Ладунера ... Я называю доктора Ладунера „*Gémi-nence blanche*“ — светлым кардиналом. Вы ведь знаете из истории Франции, там был серый кардинал, он всегда был за кулисами и дергал за ниточки. Доктор Ладунер тоже всегда невидим и тоже дергает за ниточки...» (Фридрих Глаузер. Власть безумия, пер. с нем. Г. Косарик).

Смысл всех приведенных примеров позволяет сформулировать значение выражения *серый кардинал*, понять его семантическую структуру: она опирается на противопоставление двух основополагающих компонентов: «обладание значительной фактической силой власти» (не только политической...) — «отсутствие достаточно высокого официального положения», иначе говоря, «теневая власть». Этот смысловой стержень, ассоциирует еще один — дополнительный — содержательный признак: как следствие компонента «отсутствие официального статуса» выступает необходимость указания на то высокое лицо, благодаря покровительству которого реализует свое могущество «серый кардинал». Неслучайно в словаре французского языка «Большой Лярусс» заглавная часть словарной статьи дана так: «Серая эминенция *кого-либо*. Ср., например: «А Илья Игельник с его блестящим умом и пронией? Что сделало его „серым кардиналом“ при малоодаренном карьеристе?» (Новый мир. 1987. № 6. С. 241).

И еще одно: какой-то зловещий оттенок власти «серого кардинала». Вспомним хотя бы страшную блоковскую характеристику Победоносцева (во вступлении ко 2-й главе поэмы «Возмездие»): «В те годы дальние, глухие. В сердцах царили сов и мгла: Победоносцев над Россией Простер свиные крыла...»

Отец Жозеф

Но если выражения *сврый кардинал* нет в словарях и справочниках, то спрашивается: откуда мы его знаем? Культурная традиция, сохраняющая в нашем языковом сознании само выражение и его значение, как правило, восходит к тексту произведения, мимо которого не прошел никто из нас в своей читательской юности: к замечательному роману Александра Дюма-отца «Три мушкетера».

С удовольствием напомним содержание

первых страниц романа, те обстоятельства, при которых читатель знакомится с юным гасконцем — и узнает о таинственном «сером кардинале». Когда, избитый слугами в Менге, д'Артаньян, обнаружив пропажу рекомендательного письма, грозит трактирщику именем капитана королевских мушкетеров, автор поясняет в тексте: «Эта угроза окончательно запугала хозяина. После короля и господина кардинала имя г-на де Тревиля, пожалуй, чаще всего упоминалось не только военными, но и горожанами. Был еще, правда, „отец Жозеф“... Но его имя произносилось не иначе как шепотом: так велик был страх перед „серым преподаваем“, другом кардинала Ришелье» (ч. 1, гл. I).

Кто же такой отец Жозеф, прозванный современниками «серым кардиналом»? О нем можно прочесть в книге П. П. Черкасова «Кардинал Ришелье» (М., 1990). Франсуа Леклерк дю Трамбле (1577–1638), выходец из знатной французской семьи, получил блестящее духовное образование, в ряде католических учебных заведений Европы; в 20 лет стал монахом ордена капуцинов, славящегося суровостью дисциплины и образа жизни, и выдвинулся как преподаватель богословия и философии. После встречи с Ришелье, который впоследствии становится могущественным министром Людовика XIII, начинается деятельность о. Жозефа в качестве ближайшего советника и помощника кардинала: он становится главой политической разведки, возглавляет развет-

вленную агентуру Ришелье в Европе; он вдохновитель и участник всех многочисленных интриг кардинала Ришелье — отсюда и прозвище «серый кардинал» (Е. Б. Черняк. Судьбы и заговорщики. М., 1984).

Почему же все-таки *серый*? Некоторые историки и писатели считают, что это связано с цветом одежды капуцинов — серым (например, А. Д. Люблинская — автор монографии «Франция при Ришелье», Л., 1982). Однако из энциклопедической литературы известно, что капуцины носили одежду темнокоричневого или бурого цвета (так, например, одеты капуцины в рассказах А. Кован-Дойла о приключениях бригадира Жерара).

Другое предположение связано с переносным значением слова *серый* — «бесцветный», «безликий», тем самым «неразличимый», «незаметный». Последнее значение слова *серый* (*gris*) уже было характерно для французского языка в XVII веке. Во всяком случае, как сообщил автору А. Д. Хаютин, в словаре Антуана Удэна, носящем пышное название «Французские редкости, служащие дополнениями к словарям, или Собрание наилучших свойств со множеством пословиц и изречений, для того, чтобы понимать самые разнообразные книжки» (1648), приводится выражение: *La nuit tous les chats sont gris* — «Ночью все кошки серы» (незаметны). Так что вполне вероятно происхождение прозвища «серый кардинал» на основе значения *серый* «неприметный → теневой», откуда антонимия компонентов значения: «кардинал (красный — цвет одежды) — рядовой монах (серый = теневой)».

Любопытно, что Дюма эту парадоксальность значения дважды обыгрывает. Первый раз — в самом романе «Три мушкетера», в диалоге Портоса и Арамиса:

«— Будь я конюшим господина де Шале,— воскликнул Портос,— я бы проучил этого Рошфора!

— А вас проучил бы Красный Герцог,— спокойно заметил Арамис. (Здесь выражение *серый кардинал* — об о. Жозефе — зеркально трансформировано применительно к Ришелье, объединяя индивидуальные его признаки — титул и духовный сан: герцог, он же и кардинал, носящий одежду красного цвета.— Б. Ш.),

— Красный Герцог ... Bravo, bravo! Красный Герцог ... — кричал Портос, хлопая в ладоши и одобрительно кивая.— Красный Герцог — это великолепно. Я постараюсь распространить эту остроту, будьте спокойны» (ч. 1, II).

И далее в романе встретим: «...гвардейцы других полков, не служившие Красному Герцогу, как прозвал его Арамис, при та-

ких столкновениях принимали сторону королевских мушкетеров» (ч. 1, VI).

Возвращается к выражению *серый кардинал* Дюма в романе «Двадцать лет спустя». Сначала автор напоминает нам это выражение: «Комendanтом Бастилии был в то время г-н дю Трамбле, брат грозного любимца Ришелье, знаменитого капуцина Жозефа, прозванного «Серым Кардиналом» (ч. 1, III). А затем уже повествуется о проделке герцога Бофора, заключенного — по проискам кардинала Мазарини — в Венсенский замок (в романе на Мазарини, естественно, «красная сутана, отделанная богатыми кружевами», ч. 1, I): «На следующий день он (Бофор.— *В. Ш.*) заказал к завтраку раков и хотел соорудить к этому времени в своей комнате маленькую виселицу, чтобы повесить на ней самого лучшего рака. По красному цвету вареного рака всякий поймет намек, и герцог будет иметь удовольствие произвести заочную казнь над кардиналом...» (ч. 1, XX).

Вернемся, однако, в сегодняшний день. «Серый кардинал» прочно закрепился как фразеологическое выражение для характеристики — большей частью — политических деятелей. Однако наблюдения над употреблением этого выражения в печати 80-х годов позволяют отметить любопытную тенденцию: противопоставление «наличие сильной власти — при отсутствии официального положения» начинает ослабевать, а иной раз и стираться, на первый план в семантической структуре выражения выходит первый фактор («сила власти» или «сила влияния») — при нивелировке второго («отсутствие официального положения»). Серым кардиналом в печати все чаще называют лицо, само за ним имеющее достаточно высокий пост, хотя и в связи с официальным лицом более высокого ранга, чаще — главой государства. Например:

«Серый кардинал Генсека (Л. И. Брежнев — *В. Ш.*) М. А. Суслов может поздравить себя со второй Золотой Звездой Героя Соцтруда» (Моск. правда. 1988. 31 дек.). Суслов — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, но здесь существенно другое «Суслов безличная личность, созданная для действий за кулисами. Любой из членов ЦК мог представлять высшую власть, но не каждый мог ее осуществлять. Суслов ее осуществлял, сам оставаясь за кулисами... Согласно дворцовому протоколу Кремля, среди 11 членов Политбюро он занимает четвертое место после Брежнева, Косыгина, Подгорного. Но для протокола важны титулы юридической власти. Если бы существовал протокол фактической власти, то он начинался бы с Суслова 1970 г.» (А. Ав-

торханов. Суслов: гроссмейстер партийной идеологии // Огонек, 1990, № 27).

Самый свежий пример — из биографии президента Ирака Саддама Хусейна: «11 лет он довольствовался положением второго человека — президентом был Хасан аль-Бакр, — но все в стране прекрасно знали, что „серым кардиналом“, подлинным руководителем страны был Хусейн. Именно его имя стали постоянно упоминать в обрамлении лестных эпитетов, он был наиболее цитируемым в прессе человеком» (Рабочая трибуна. 1990. 23 окт.).

В печати «серым кардиналом» неоднократно называют государственного секретаря США — по отношению к президенту США (ср.: «...тогдашнего главу Белого дома Р. Никсона, его „серого кардинала“ Г. Киссинджера...» — Вокруг света. 1984, № 7. С. 28), но наиболее ярко рассматриваемая тенденция выражена в введении к книге А. А. Кокошина и С. М. Рогова «Серые кардиналы Белого дома» (само название чего стоит!), цитатой из которой мы и закончим статью: «...В 1624 г. фактическим властителем Франции стал кардинал Ришелье. Он известен тем, что укрепил во Франции абсолютизм, и, видимо, в меньшей степени — благодаря своему ближайшему доверенному лицу и помощнику, „серому кардиналу“ Жозефу.

Именно эта серая тень кардинала Ришелье, никогда не появлявшаяся на авансцене, разрабатывала и подсказывала Ришелье все решения государственной важности. Название „серый кардинал“ стало нарицательным.

В предлагаемой вниманию читателя книге речь пойдет о „серых кардиналах“ нашего времени — помощниках президентов США по национальной безопасности в 60-е — 80-е гг. М. Банди, У. Ростоу, Г. Киссинджере, Б. Скаукрофте, З. Бжезипском, Р. Аллене, У. Кларке и Р. Макфарлейне».

Обошлый бурш

Г. Л. Зеленин

Рассказывая о годах детства, проведенных в родном городе Пскове, писатель В. А. Каверин вспоминает, как «...вместе с товарищами, учениками псковской гимназии... с завистью слушал рассказы о *буршах* — студентах Дерптского университета. Они дрались на дуэлях, они держали рискованные пари, они по ночам меняли вывески магазинов — огромный деревянный крендель, висящий над булочной, водружали над аптекой, и наоборот, над булочной вешали символ медицины — чашу с обвившейся вокруг нее змеей. Они гордились шрамами на лице и руках — это были свидетельства мужества и любовных приключений» (Каверин. Воспоминания).

Современного читателя могут удивить в этих воспоминаниях не только лихие выходки дерптских студентов, но и само их название — *бурши*. Откуда оно? Дело в том, что Дерпт (еще ранее Юрьев, а ныне Тарту в Эстонии — Г. З.) располагался на территории Остзейских, или иначе немецких, российских провинций, где значительную часть населения составляли немцы. Немецким был и Дерптский университет, в котором большинство профессоров и студентов были выходцами из Германии. С этим универ-

ситетом, где преподавание велось на немецком языке, связаны судьбы выдающихся людей, таких, как В. И. Даль, Н. И. Пирогов, Н. М. Языков, В. В. Вересаев и др. Жизнь Дерптского (как и любого другого немецкого) университета была полна традиций, хранимых и передаваемых студентами из поколения в поколение. Здесь всегда существовали два основных студенческих общества — *ландсманшафт* и *буршеншафт*. *Ландсманшафты* (нем. землячества) объединяли студентов «по территориальному признаку». *Буршеншафты* — студенческие организации, возникшие в Германии в период освободительных войн против Наполеона. Члены этих организаций отличались воинственным нравом и свободными манерами. Соответственно названиям обществ студенты, входившие в них, именовались *ландсманами* и *буршеншафтгеррами*. *Ландсман* (от немецк. Land — страна, земля) — «земляк». Это слово в различных значениях встречается в разных языках, например, в английском *Landsman* имеет два значения; 1) сухопутный житель, 2) молодой неопытный моряк. Финское *Lenzman* обозначало (до 1917 г.) «полицейский исправник» в провинциях Финляндии. В русском языке кроме обозначения члена немецкой студенческой корпорации *ландсман* означало «богатый помещик» в западных губерниях России.

Первая часть слова *буршеншафт* — *бурш* имеет два значения — 1) студент немецкого университета и 2) парень, молодой человек. В немецком языке оно часто встречается в этом последнем значении в выражении *alklüge Bursch* — «паренек, умный не по годам», которое, кстати, часто употреблял А. И. Герцен в «Былом и думах». Появление у слова *Bursch* значения «студент немецкого университета» является результатом целого ряда семантических переходов от средневекового лат. *bursa* — «место хранения денег» к старофранцузскому *bourse* — 1) кошелек; 2) стипендия, назначаемая королем отдельным студентам университета в Париже, студенческая казна, далее *Bursarii* — студенты, обучающиеся на королевскую стипендию.

Слово *бурш* обозначало не только принадлежность к немецкому университету, но и служило также определенным символом, характеризующим образ жизни, манеру поведения. Черты этого образа жизни прекрасно описаны В. А. Соллогубом: «Что за жизнь в студентской комнате! Сколько значения! Сколько прекрасного и смешного! Сколько разгульного и глубокого вместе! Тут череп и человеческие кости, там пестрые шапки, огромные трубки, рапиры, карикатуры на стене; с другой стороны громады тетрадей и книг, далее — бутылки и стаканы, карты, дубины, плащи, вассерштифели (нем. «высокие болотные сапоги») и большой

белый пудель, который, важно выставив морду, глядит на все спокойными глазами хозяйского друга» (Два студента).

Ошибочно, однако, считать, что любой молодой человек, учившийся в немецком университете, считался *буршем*. Это право он должен был заслужить, пройдя все ступени однажды установленной и строго соблюдавшейся иерархии. Каждая ступень имела свое название. Юноша, только поступивший в университет и еще не получивший матрикул (свидетельство о поступлении), назывался *Maulesel* — «лошак». *Лошак* — название животного, помеси осла и лошади. Жаргонное значение у студентов возникло, вероятно, по аналогии — что-то среднее, уже не просто юноша, но еще и не полноправный студент. *Лошак* в университете считался фигурой неприкосновенной. Студенты старших курсов могли относиться к нему снисходительно, но не имели права повелевать им. Это право они получали, когда *лошак* становился студентом первого семестра — *фуксом* (нем. «лисица»). *Фуक्स*, готовившиеся к вступлению в студенческую корпорацию, обязаны были беспрекословно исполнять все поручения старших. Ответственным за наставление молодых становился заслуженный *корпорант*, называвшийся «ольдермен». *Ольдермен* (*альдерман*, *альтерман*) означало обычно старшего среди ремесленников. Заслуженного и всеми уважаемого члена (ремесленного) цеха.

В. В. Вересаев был однажды свидетелем такого рода воспитания: «Как-то в лунную ночь — писал он — я сидел на скамеечке в городском саду на Домберге. Вдали показалась вереница теней. В полном молчании шли гуськом человек тридцать молодых студентов, а впереди старый студент-корпорант в светло-зеленой шапочке с бело-голубым околышем. Он водил их по саду самыми прихотливыми вензелями, по траве и через кусты, с серьезнейшим видом подходил к скамеечке, перепрыгивал через нее и шел дальше, — и все, один за другим, как овцы, прыгали вслед за ним» (Вересаев В. В. Дерпт). Пройдя все испытания, *фуkses* принимались в корпорацию и получали титул *брандера* (нем. *Brander* — «корабль, начиненный горючими веществами и служащий для поджигания неприятельских судов, в переносном значении — забияка, задиристый человек»). В русском языке существует выражение «пустить брандера» — начать ссору). *Брандеры* могли уже сами повелевать и стремились заслужить авторитет старших своим лихим поведением: участвовали в студенческих сходках, упражнялись в фехтовании, преследовали всех, кто не имел отношения к университету, называя их *филистерами* или *филистимлянами* (по аналогии с названием *филистимляне* — древний народ, войны которого с иудеями отражены в Библии).

О такого рода забавах вспоминает Н. М. Языков в стихотворении «Дерпт»:

Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волнение
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье...

Справедливости ради нужно отметить, что не только развлечения и праздность составляли жизнь студентов. Много внимания уделяли они и учебе, недаром лихими буршами были в молодости многие знаменитые ученые, деятели литературы и искусства. В Германии, например, в первое десятилетие прошлого века знаменитым руководителем буршей в Тюбингене был замечательный писатель-сказочник Вильгельм Гауф.

Любимыми праздниками для буршей были студенческие пиры, устраивавшиеся каждой корпорацией. Они назывались *коммерши* (ср. фр. *commerce* — «обхождение, связь, знакомство») и в «программе» таких пиров были «пуншевые дуэли» — соревнования, кто скорее выпьет большую порцию кипящего пунша без передышки. Эти забавы сопровождались студенческими песнями, состязаниями в силе и ловкости.

Особым предметом гордости и доблести для студентов становились дуэли, настоящие, на рапирах. Следы таких схваток — рубцы и шрамы — приравнивались к боевым наградам.

Высшим отличием бурша было право почетного ношения цветной корпорантской шапочки и ленты через плечо. Ленточка эта называлась «фарбен» (нем. «цветной»), а почетный член корпорации, носящий ее, — «фарбентрегер» (от *farben* — «цветной» и *tragen* — «носить»). Стать обладателем ленты было очень непросто: нужно было пройти строгие выборы, и отдельные члены корпорации добывались такой чести годами. Звание фарбентрегера сохранялось за корпорантом навечно. Каждая корпорация обязательно устраивала раз в год торжественные собрания. На них съезжались выпускники университета разных лет, и бывало, убеленные сединами профессора и видные государственные мужи, бывшие студенты, с гордостью демонстрировали друг другу свои ленты, с умилением вспоминая бурные корпорантские годы, веселые коммерши, проказы, дуэли и пр.

Срок пребывания в звании студента в немецком университете был практически неограничен. Случалось, что некоторые продолжали свое образование десятки лет, достигая при этом весьма почтенного возраста. Таких называли «обомгелыми буршами» (нем. *Bemböste Burschen*). В русском языке есть сходное по ти-

пу выражение *вечный студент*. По воспоминаниям Вересаева, в Дерпте в начале нынешнего века легендарной личностью был пожилой барон-помещик, который провел в университете 35 лет, аккуратно внося плату за обучение и переходя через каждые десять лет на другой факультет. Спешить с окончанием ему было совсем ни к чему, поскольку в годы его молодости близкий родственник завещал выплачивать ему по двести рублей в месяц из своего состояния вплоть до окончания учебы. Барон числился студентом, хозяйничал в своем имении и исправно получал эти деньги, приводя в бешенство прямых наследников покойного родственника, не осмеливавшихся нарушить его волю.

С течением времени традиции студенческой жизни остзейских немцев стали утрачиваться. Право повелевать — для старших и обязанность подчиняться — для более молодых характеры были не только для немецких корпорантов, они существовали и в русской бурсе. К сожалению, в более вульгарной и подчас уродливой форме повторяет эти традиции и современная армейская дедовщина. Многие слова из студенческого немецкого жаргона широко известные в прошлом, ныне утрачены и, как правило, отсутствуют в современных словарях, что затрудняет порой правильное понимание произведений русских писателей, посвятивших немало страниц жизни студентов немецких университетов. Среди них И. С. Тургенев, А. Ф. Писемский, Н. Н. Лесков, книги которых издаются подчас без необходимых современному читателю комментариев и разъяснений.

За знакомой строкой

*Эмигрантка Фальбала
и другие*

И. А. Корнилаева,
кандидат филологических наук

Давние читатели «Русской речи» уже знакомы с отдельными аспектами истории ныне устарелого существительного *фал(ь)бала́* «сборки на подоле женского платья, на портьерах и пр., делаемые для украшения» (см.: Привалова М. И. Что такое фал(ь)бала? // Русская речь. 1983. № 5. С. 132–134). Судьба этого слова в русском языке была охарактеризована как не совсем понятная, странная (Там же. С. 132), что и послужило нам стимулом для более подробного историко-этимологического исследования, приведшего, в частности, к некоторым предположениям относительно фамилии *Фальбала* у А. С. Пушкина в «Графе Нулине».

Обратимся к материалу письменных источников в хронологической последовательности. Наиболее ранние фиксации интере-

сующего нас нарицательного существительного — это формы множественного числа основы с исходом на *-р*, например: Роспись «на благословение дому», конец XVII века: *юбка тафтяная зеленая, фалборы тафты красной* (цит. по: Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Спб., 1884. Т. 3. С. 266); Рядная (сговорная) запись, 1712 год (о юбках): *фарборы, фалборы* (именит. множ.), с *валбарами, фалборами* (цит. по: Савваитов П. И. Описание старинных царских утварей... Спб., 1865. С. 332—333).

В описях имущества царевны Наталии Алексеевны, составленных и переписывавшихся в течение нескольких лет после ее смерти (1716 г.), рассматриваемое слово многократно встречается в связи с юбками, муфтами, чепцами, шарфами в формах множ. числа типа *фалбары* (именит. падеж), *фалбарами*, с *фалбары*; фигурируют там и менее тривиальные записи, сделанные четырьмя разными почерками: 1) *2 фалбора от карсетика с круживом золотнымъ* (ср. тем же почерком творит. множ. *фалбарами*); 2) *2. фалбора от карсетика огласныхъ*; 3) *два фалбара от карсетика огласные* (ср. тем же почерком творит. множ. *фалбарами*); 4) *фалборов от карсетиков 2* (цит. по рукописям ЦГАДА, фонд 248, оп. 11, № 806, лл. 433—434, 449, 478, 482 об.; оп. 2, № 43, лл. 115, 116, 181 об.). Варианты на *-я* отмечены позже; старейшие (по картотеке Словаря русского языка XVIII века) примеры относятся к середине XVIII столетия. В это время, как свидетельствует письмо Екатерины II сибирскому губернатору Д. И. Чичерину от 2 марта 1766 г., слово *фалбала* употреблялось в формах единственного и множественного числа и не было еще общеизвестным: «Здесьниа щеголихи носят фалбалы и опушки на платье из мехов; нехудо есть ли бы вы такая, и особливо которые поестрее прибрать приказали, и сюда прислали. А ежели вы не знаете, что такое фалбала; то спросите у хозяйки вашей, она вам в том наставление даст» (цит. по: Москвитинин, 1845. Ч. VI. № 11. Отд. I. С. 18). Со второй половины XVIII века встречается также написание *фалбола*, ср.: Лекарство от скуки и забот. Спб., 1786. Ч. I. С. 139; *на рукавах веленая фалбола*. Одновременно фиксируется форма ед. числа *фалбара* (например, Жданов П. И. Новой словарь английской и российской. Спб., 1784 — в словарной статье *flounce*), а начиная с академического «Словаря церковнославянского и русского языка» (Спб., 1847. Т. 4) — *фалбора*.

Рассматриваемое слово восходит к франц. *falbala* «оборка, плиссированная или присборенная полоска ткани, кружева для украшения низа платьев и занавесок» (не имеющему бесспорной

этимологии). Наш материал дает основания предполагать, что оно заимствовало в русский язык не один раз.

Первичное заимствование, датируемое, очевидно, концом XVII века, могло осуществиться прямо из франц. *falbala*. Применительно к данной стадии истории существительного *фалбала* заслуживает внимания также мнение М. Фасмера (см. его «Этимологический словарь русского языка». М., 1987. Т. IV) о возможном посредничестве итал. *falbalà* «оборка, полоска ткани в сборку или в складку для украшения женских юбок». При этом слово утвердилось на русской почве в форме *фалборы* — с преобразованием основы по аналогии с исконным *боры* (мн. ч.) «сборки, складки», которое, как и собирательное ед. *боръ* — то же, отмечается в источниках XVII века в связи с платьем (см. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 291, 301; ср. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. С. 114). По аналогии с *боры*, ед. *боръ* слово *фалборы* приобретает и свойственные существительным мужского рода особенности склонения, ср. в вышеприведенных примерах родит. множ. на *-ов*, вариант творит. множ. на *-ы*, сочетания с числительным *два*. Надо полагать, совпадало также ударение форм множ. числа обоих слов. К акцентологическому аспекту мы еще вернемся, а здесь ограничимся констатацией наиболее ранних известных нам акцентуированных (снабженных знаком ударения) фиксаций *боры* «сборки, складки на платье»: *боры́*, *-ов* — Гельтергоф Ф. Российской Целлариус... М., 1771. С. 21; *борáм* — Тредиаковский В. К. Тилемахида... Спб., 1766. Т. I. С. 4.

Форма *фалбала* является результатом повторного заимствования (вероятнее всего, непосредственно из франц. языка). Появление этого варианта, употреблявшегося первоначально в ед. и множ. числе, очевидно, способствовало развитию форм ед. числа женского рода (именит. ед. на *-а*) и у синонимичных *фалбары*, *фалборы*. Отметим в этой связи также новообразование женского рода *борá*, фиксируемое с XIX века (например, Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. Ч. I).

Колебания множ. *фалборы/фалбары*, равно как и более поздние *фалбора/фалбара*, *фалбала/фалбола*, свидетельствуют скорее всего об одинаковом произношении безударных гласных *о* и *а* после *б* (иначе говоря, об аканье) тех, кто придерживался в XVIII веке орфографии *фалбары* (*фалбара*), *фалбола*, то есть о безударности последнего слога основы в словоформах множ. числа и женского рода ед. числа. Словари XIX века определенно фиксируют ударение на окончании в ед. числе у вариантов женского рода, например: Словарь Академии Российской, по азбучному

порядку расположенный. Спб., 1822. Ч. 6: *фалбала, лы*; Словарь церковнославянского и русского языка. Спб., 1847. Т. 4: *фалбала, ы, фалбора, ѿ*; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865 («Местные слова...» С. 62): *фалбаря*. Разночтение в счетной форме мужского рода *два фалбора/два фалбара* не поддается надежной интерпретации ввиду малочисленности соответствующих примеров и полного отсутствия в нашем материале фиксации форм мужского рода ед. числа.

Обратимся теперь к фамилии *Фальбала*, мелькнувшей в прозаических строках пушкинского «Графа Нулина» (1825): «(...) к несчастью, / Наталья Павловна совсем / Своей хозяйственною частью / Не занималась; затем, / Что не в отеческом законе / Она воспитана была, / А в благородном пансионе / У эмигрантки Фальбала». В окончательный текст поэмы не вошли еще две строки: «Той, что мадамою [ко<рмилицей> (?)] была / При маленьком Наполеоне» (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1948. Т. V. С. 4 и 165).

Форма имени собственного *Фальбала* наиболее точно соответствует французскому произношению слова *falbala* (кстати, позже отмечаются и написания нарицательного существительного с -ь: *фальбала, фальбара* и *фальборы*; примеры см. соответственно: Достоевский Ф. М. Бедные люди // Петербургский сборник. Спб., 1846. С. 157 и след.; [Некрасов Н. А. Панаева А. Я.] Мертвое озеро // Современник. Спб., 1851. № 5. Отд. I. С. 36; Писемский А. Ф. Масыны // Полн. собр. соч. Спб.; М., 1896. Т. 18. Ч. 4. С. 123; к сожалению, нет сведений о том, какой из вариантов рассматриваемого слова употреблял в качестве названия оборки сам Пушкин).

Известно негативное отношение Пушкина как к домашнему воспитанию и образованию дворянских детей, так и к частным пансионатам для благородных девиц в России (см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 42–54). Гувернеры и учителя-иностранцы в его произведениях обычно изображены с иронией, есть среди них и комические персонажи. В большинстве случаев Пушкин использует подлинные французские фамилии, ср. *l'Abbé* и *Трике* («Евгений Онегин»), *Дефорж* («Дубровский»), *Декор* («Русский Пелам»), *Бонра* («Капитанская дочка») и отмеченные в словаре А. Доза «*Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France*» (Paris, 1987) фамилии *Labbé*, *Triquet*, *Deforge* (Desforges), *Descorps*, *Beaurgé* (Beaurgey).

Некоторые из выбранных писателем имен собственных, однако, могли вызывать дополнительные ассоциации у лиц, владевших

французским языком. Так, *Декор* (от топонима *Cors*) созвучно слову *décor* «украшение» (напомним, что носитель этой фамилии у Пушкина — «простой и добрый старичок, очень хорошо знавший французскую орфографию»). Распространенной фамилии *Triquet* (А. Доза относит ее к гнезду «темного» по происхождению *Trisoche*) в первой половине XIX века точно соответствует нарицательное существительное *triquet* «род колотушки для игры в лапту; помост кровельщика». Ю. М. Лотман (указ. соч. С. 280) связывает фамилию пушкинского Трике с причастием *triqué* «битый палкой» и усматривает здесь намек на непорядочность персонажа. Однако мы не располагаем доказательствами, что Пушкин и его читатели действительно ассоциировали Трике с названной причастной формой; в подробнейших словарях французского языка «*Le Grand Robert de la langue française* (Paris, 1985. Т. 4) и «*Grand Larousse de la langue française*» (Paris, 1986. Т. 7) в качестве даты первой фиксации фамильярного глагола *triquer* «бить палкой» указан 1842 год. Вышедший во время работы Пушкина над «Евгением Онегиным» «Полный французско-русский словарь» (Изд. 3. М., 1824. Т. 4) в отношении глагола ограничивается следующим: *Triquer, v. a. отбирать бревна, укладывая по родам, отделять по сортам.*

Авторы «Словаря языка Пушкина» (М., 1961. Т. 4) считают фамилию *Фальбала* вымышленной. Ничего подобного не встретилось во французских источниках и нам. В основу наименования, помимо прямого значения франц. *falbala* (рус. *фалбала*), исходя из которого усматривают у Пушкина даже «намек и на увлечение всем французским, и на большое число в России эмигрантов из Франции» (см.: Привалова М. И. Указ. соч. С. 133), могло лечь также другое, уничижительное, значение франц. *falbala* — «вычурные, безвкусные украшения» (ставшее в современном французском языке основным). Однако, как и в случае *Трике* — *triqué*, это значение отмечается поздно — начиная с «*Grand dictionnaire universel...*» П. Лярусса (Paris, 1872. Т. 8), и мы снова не можем категорически утверждать, что оно было известно во франкоговорящей среде в России пушкинской поры.

Зато звуковой состав слова *фалбала* определенно давал повод для ассоциаций на почве русского языка. Как было показано выше, это привело к возникновению в конце XVII века соотношения *фалборы* — *боры*. Начальное *фал-* в свою очередь могло ассоциироваться с просторечными бранными *фалля*, *фалелей*, *фалалей* — прежде всего «дурак» (восходящими к личному мужскому имени). Названные слова встречаются со второй половины XVIII века в литературных произведениях, например, в комедии

Петра Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» (1785 год): [Маланья:] <...> да иттить за сего фалю фалелея; <...> то-то насладиши сладкаго глаголаня от него! (Российский феатр... Спб., 1790. Ч. 35. С. 255), в датированной 1809 годом части книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова описанныя самим им для своих потомков...» (Спб., 1872. Т. 3. Стлб. 741): Покажись этому глупцу и существу фалалею, что едет возок губернаторской! Ср. также Словарь Академии Российской, Спб., 1794. Ч. 6: *Фалья, ли. с. общ. престоноарод. Непворорной, безголковоы, непредусмотрительной человек*. Показательны и пословицы с именем собственным *Фалалей (Фалелей)*, вошедшие в сборник А. А. Барсова «Собрание 4291 древних российских пословиц» (Изд. 1-е М., 1770. С. 222, 244): Ходил из угла в угол Фалалей, а не найдет в избе дверей; Фалелей не нашел в избе дверей; Фалалей не умеет отворить дверей.

Таким образом, есть основания усматривать в пародийной фамилии *Фальбала* прямой намек на низкий интеллектуальный уровень владелицы пансиона и ее заведения. Возможно, именно этим объясняется заимствование у Пушкина имени собственного Н. А. Добролюбовым, описавшим «жалкий пансион француза Фалбала» в пародирующем А. Н. Плещеева втором стихотворении (видимо, 1858 г.) цикла «Из мотивов современной русской поэзии». Заметим особо, что орфография фамилии в первой публикации данного цикла (в кн.: Сочинения Н. А. Добролюбова, Спб., 1862. Т. 4. С. 594) отличалась от пушкинской и соответствовала обычному написанию нарицательного существительного.

РЭКЕТ И РЭКЕТИРЫ

А. В. Зеленин,
кандидат филологических наук

Все чаще на страницах газет, журналов, в передачах радио, телевидения появляется слово *рэкетир* (или *рэкетёр*). Понятие, новое для нашей действительности, закономерно вызывает вопрос: откуда оно появилось и когда. Человек, интересующийся этим словом и той реальией, которая за ним стоит, пытается найти сведения в словарях, но ему приходится пересмотреть целый ряд изданий, прежде чем он найдет это слово либо в «Орфографическом словаре русского языка», либо в «Словаре иностранных слов» последних выпусков. Первый словарь никакой информации о понятии не дает, второй же словарь указывает источник (и то не совсем верно) появления этого слова, но не дает ответов на вопросы, связанные с появлением и функционированием его в русском языке. Любопытный читатель обращается к фундаментальному 17-томному «Словарю современного русского литературного языка», но и там не находит ответа на свои вопросы, поскольку в этом словаре оно вообще отсутствует. В этом случае приходится обращаться к материалам газет и журналов, которые показывают жизнь слова в нашем обиходе, изменение понятий *рэкета* и *рэкетиров*. Поэтому дальнейшие наши изыскания будут построены именно на этом материале, с тем чтобы дать читателю представление о направлениях развития, углубления понятия «рэкет» и наполнения его новым содержанием и смыслом.

Слово *рэкетир* (или *рэкетёр*), входя в живое употребление, испытывает двойное влияние: с суффиксом *-ёр* оно органично вписывается в словообразовательную модель имен существительных, пришедших в русский язык, как правило, из французского языка; произношение же *рэкетир* отражает написание. Таким образом, в современном языке мы наблюдаем конкуренцию двух словоформ: первая образована по модели, существующей в русском языке, и хорошо освоена русским языком, вторая стремится соответствовать фонетическому облику иноязычного слова. Характерно, что в русском языке форма *рэкетир* упоминается гораздо раньше, чем *рэкетёр*. В газетах *рэкетир* упоминается уже в конце 60-х годов, причем в это время форма *рэкетир* еще не яв-

ляется устойчивой, и появляется попытка заменить ее более русифицированной, например, *рэкетист*.

В нашей прессе 60–70-х годов слово *рэкетир*, как правило, не поясняется, хотя для большинства читателей оно является непонятным. Журналисты-международники рассчитывают на лингвистическое чутье читателей: читатель вычленит суффикс *-ир* (*-ёр, -ист*) со значением лица, смысл же слова становится понятным из его ближайшего окружения и содержания всего предложения. Например: «И мафия, и американские «рэкетирь» активно орудуют в самом центре Лондона, вымогая деньги, наживаясь на игорных домах и притонах» (Правда. 1969. 29 марта).

Если слово *рэкетир* (*рэкетёр, рэкетист*) не толкуется по изложенным выше причинам, то корневое слово – *рэкет* – для читателя 60–начала 80-х годов требует пояснения, поскольку неясно и незнакомо самое понятие. Слово *рэкет* наиболее часто дается при опоре на слово *вымогательство*. Например: «В ходу (у японских гангстеров) скопированный у американской мафии рэкет, то есть вымогательство под видом платы за „охрану“ ресторанов, игорных предприятий» (Человек и закон. 1972. № 8. С. 107). Судя по материалам газет, *рэкет* свои истоки находит в американской действительности, но распространен и в Италии, и в Японии. В американском варианте английского языка *racket* означает «шантаж, вымогательство, подготовленный замысел с целью получения доходов жульническим путем». Производное от *racket* – слово *racketeer* «вымогатель, бандит, гангстер».

Как же происходит освоение этого понятия в русском языке, наполнение его своим, «отечественным» смыслом? Рассмотрим это на материале прессы последних лет.

Пока официальная печать формировала представление о зарубежном *рэкете* в связке с «гангстерскими синдикатами, убийствами по заказу» (Киселев К. В. Записки советского дипломата. М., 1974. С. 378), «игорным бизнесом, торговлей наркотиками, ростовщичеством, сутенерством» (Николаев В. Самая большая фирма. Гангстеры-бизнесмены // Американцы. М., 1982. С. 301), вдруг выясняется, что эта «заморская диковина» вызрела и у нас. «Причины рэкета как явления зародились и вызрели в эпоху застоя. Именно тогда появились „теневая экономика“ и подпольные богачи» (Сов. Россия. 1988. 3 нояб.). Поскольку появились «подпольные богачи» (вспоминая Ильфа и Петрова, так сказать, «Корейки наших дней»), неизбежно должны были появиться и «санитары». Они и появились, причем в своей «работе» «не брезгают они и разбойными нападениями, и квартирными кражами, и грабежами, и мошенничеством» (Правда. 1989. 3 мая). До не-

которых пор эта их «работа» особо не афишировалась, подпадая под популярное изречение «кто-то кое-где у нас порой».

Однако время идет, появляются новые для нас формы предпринимательства, например, кооперативы и индивидуальная трудовая деятельность. Доходы людей, занятых в этих отраслях, не оставили равнодушными к ним *рэкети́ров*. Поэтому «с распространением кооперативов стали появляться люди-рэкетиры, наживающиеся за их счет» (Лит. газета. 1988. 2 нояб.); «Рэкет — вымогательство и шантаж — получают все большее распространение» (Сов. Россия. 1988. 3 нояб.); «В сфере легального бизнеса рэкет применяется в отношении кооперативов и лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью, путем вымогательства и реальных угроз жизни и здоровью» (Человек и закон. 1988. № 2. С. 52).

Рэкет организуется, и появляется возможность говорить о «профессиональном рэкете»: «Сами кооператоры ...уже осведомлены о том интересе, который проявляет к ним профессиональный рэкет» (Огонек. 1988. № 19. С. 30).

Журналисты невольно сравнивают *рэкети́ров* «не столь далекого прошлого» и «теперешних». Раньше, в эпоху востоя, *рэкети́ры* — это «молодые люди с размытыми нравственными устоями. Чаще всего они находят одного или двух подобных себе сообщников, но иногда действуют и в одиночку». Теперь же «новое поколение рэкети́ров не сравнить с их предшественниками. Они не палят из оружия без надобности, не совершают бездумных кровавых преступлений. ... Их боссы оградили себя своеобразным вакуумом, любые операции проводят только через посредников» (Огонек. 1988. № 19. С. 30); «рэкети́ры ищут ходы в кооперативы, связанные с валютной деятельностью, пытаются проникнуть в совместные с иностранными фирмами предприятия» (Изв. 1989. 9 февр.). Тем не менее прежние «методы работы» *рэкети́ров* сохраняются — «взимание денег с кооператоров и арендаторов, угрозы и поджоги, уничтожение техники» (Изв. 1989. 9 февр.).

Таким образом, понятия *рэкет*, *рэкети́р* живут, развиваются, находят новые смысловые оттенки, приспособляясь к изменяющейся социальной действительности.

Ленинград

М. Г. Булахов. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ, НАУКЕ. КРАТКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Со «Слова о полку Игоре» ведет начало литература как совесть народа.

Д. С. Лихачев

«Слово о полку Игоре» представляет собой вечно цветущий ствол, протягивающий тяжелые от плодов ветви в будущее.

П. Г. Антокольский

Для заинтересованного читателя возможность общения с книгой М. Г. Булахова «„Слово о полку Игоре» в литературе, искусстве, науке», вышедшей в Минске в 1989 году, — настоящий праздник и наслаждение; праздник — потому что в книге изобилие ценных сведений; наслаждение — потому что книга издана ярко, красочно.

По словам автора, это «первая попытка создания справочника только о важнейших достижениях в исследовании и творческом освоении произведения с 90-х гг. XVIII в. до нашего времени».

Без преувеличения можно сказать, что каждая страница книги «привораживает» читателя; например, статья *Мусин-Пушкин* — об открывателе «Слова». Интересный материал собран и о времени написания «Слова о полку Игоре».

Н. К. Гудзий предполагал, что «Слово» было создано вскоре после похода Игоря, не позже 1187 или начала 1188 гг. Аналогичную точку зрения высказывает и Д. С. Лихачев: «„Слово“ написано современником. Его осведомленность — типичная осведомленность современника, а не эрудита-книжника, воспроизводящего события по различного рода „историческим источникам“. Он не только знает больше, чем летописцы, — он видит и слышит события во всей яркости жизненных впечатлений».

Читатель найдет в книге интересные высказывания об авторе «Слова» Д. С. Лихачева, В. А. Рыбакова, А. В. Соловьева, И. П. Еремина, В. Ф. Ржиги, Л. А. Дмитриева и многих других исследователей «Слова о полку Игоре».

Богаты по содержанию статьи, освещающие деятельность исследователей, изучавших «Слово о полку Игоре» — этот удивительный памятник русской культуры.

По мнению Н. М. Дылевского, «первенствующее место в литературе по „Слову“ последних десятилетий заслуженно должно быть отведено классическим ... работам крупнейшего исследователя «Слова» академика Д. С. Лихачева, создавшим эпоху в изучении знаменитого памятника русской литературной древности».

Значительный вклад в изучение «Слова» внесли В. П. Адрианова-Перетц, А. Н. Робинсон, академик Н. К. Гудзий и многие другие.

Исследователей древнерусской культуры, поэтов и художников, писателей и переводчиков «Слово о полку Игореве» манило и звало с неудержимой силой. Как справедливо замечает Д. С. Лихачев, художественная форма «Слова о полку Игореве» тесно связана с его идейным содержанием и неотделима от него. Она народна в самом широком смысле этого выражения: близка к народному устному творчеству, тесно связана с живой устной русской речью и с русской действительностью.

Образная устная русская речь XII в. во многом определила собой поэтическую систему «Слова о полку Игореве». Автор «Слова» берет свои образы не только из фольклора, он извлекает их из деловой речи, из лексики военной и феодальной. Академик С. П. Обнорский считал, что по художественной силе «Слово» может быть сравнимо лишь с немногими образцами мирового эпоса. Литературовед Ф. Я. Прийма идейную и художественную стороны «Слова» воспринимает и характеризует через облик самого автора: «...Слова его обладали удивительной впечатляющей силой, они звенели, как струны под перстами вещего Бояна, и каждое из них было весомым, колоритным и самородным. Вышедшие из глубины отзывчивого сердца слова певца-гражданина и в наше с вами время покоряют людские сердца с такой же силой, как и в момент, когда творилась поэма». Поэт В. Луговской образность языка «Слова» обуславливает природой: «с самых первых произведений нашего устного и письменного творчества, от былин, от „Слова о полку Игореве“ доходит до нас предельная выразительность и образная точность родного языка, еще овеянная запахом ковыльвых степей, дремучих лесов и синих морей».

Художник-иллюстратор Д. С. Бисти оценивает «Слово» с точки зрения истоков нашей культуры: «...как Древняя Греция начало начал европейской культуры, святая земля для каждого европейца... так для нас, русских людей, началом начал является русское поле. В „Слове“ сконцентрировано то, что породила русская земля, русское поле. Поэтому так интересно, так заманчиво добираться до этого начала начал, проникать туда, в самую глубь, откуда пошла есть ваша культура». Писатель А. Адамо-

вич считает, что «Слово о полку Игореве» не утратило своего значения и в наши дни: «„Слово“ и сегодня читается как моление о будущем – великое Слово наших предков. О детях, внуках, правнуках. О нас с вами. И о тех, кому после нас быть. Если мы им дадим быть, передав им и великое Слово о мире и братстве». Книга богато иллюстрирована работами В. М. Васнецова, В. А. Фаворского, И. И. Голикова, В. И. Семенова, И. С. Глазунова и др.; в ней воспроизведены страницы первого и титульные листы других изданий «Слова о полку Игореве», фотографии исследователей «Слова». Сегодня книга М. Г. Булахова уже библиографическая редкость.

*Л. А. Владимирова,
кандидат филологических наук ©*

Л. А. Новиков. СТИЛИСТИКА ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Все, кто всерьез интересуется проблемами лингвистического анализа художественного текста, с энтузиазмом встретили книгу Л. А. Новикова «Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого», выпущенную издательством «Наука» в 1990 году.

Автор известен широкому кругу филологов своими работами в области стилистики, текстообразования, комментариями художественных произведений. Новая книга ученого знакомит читателей со структурой орнаментальной прозы – особого литературного явления, долгие годы остававшегося вне поля зрения исследователей.

Л. А. Новиков в своей книге указывает на предпочтительность термина «орнаментальная проза» как более емкого и целесообразного по сравнению с известными в литературе несколько односторонними определениями: «лирическая, поэтическая проза ритмизованная проза, неклассическая проза». В исследовании раскрывается понятие орнаментальности, анализируется творчество Андрея Белого – крупнейшего представителя и теоретика орнаментальной прозы. Произведения А. Белого рассматриваются в языковом контексте русской классической литературы, в сравнении с орнаментальной прозой Н. В. Гоголя, Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, Е. И. Замятина.

Работа выполнена с учетом новейших достижений лингвистической науки: исследуются составляющие композиции орна-

ментальной прозы А. Белого – символизация, интеллектуальный сказ, монтаж, пиктограммы «фигурной прозы», лейтмотивы, трансформация образов и героев. Теоретический аспект описания орнаментального поля прекрасно дополнен анализом текста романа А. Белого «Петербург».

Рассматривая прозу А. Белого «под лингвистическим микроскопом», Л. А. Новиков замечает, что «густота повтора – характерная особенность образной насыщенности орнаментальной прозы». Выделяя три типа повтора: лексический, звуковой, цветовой (и примыкающую к ним градацию), автор книги указывает что особой выразительностью отличаются лексические повторы, графически представленные. Например, в «Записках чудака» А. Белого повторяющиеся слова набраны колонками. Повтор нередко выполняет функции фигуры преувеличения.

Цветовой повтор, по наблюдениям Л. А. Новикова, тесно переплетается с общей символикой романов А. Белого «Петербург» и «Москва» (красное домино – революция, белое домино – Христос, желтый цвет – символ «монгольской опасности» и др.).

О сложных для понимания вещах автор книги пишет интересно, ярко; неоднократно обращается к личности А. Белого, сообщая о малоизвестных фактах научной биографии писателя, его философских и эстетических взглядах. Л. А. Новиков справедливо считает, что изучение творчества, проникновение в идиостиль поэта немислимо без знания страниц его жизни.

Автор книги поставил перед собою трудную задачу – показать, чем прекрасны произведения А. Белого, раскрыть языковое новаторство писателя. Эту задачу Л. А. Новиков блестяще выполнил – не как бесстрастный исследователь, «поверяя алгеброй гармонию», а как человек, тонко чувствующий художественное слово, любящий предмет исследования, равнодушный к А. Белому и его творчеству.

Книга Л. А. Новикова «Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого» адресована широкому кругу читателей, увлеченных проблемами поэтического творчества, лингвистам, студентам филологических факультетов и всем, кто изучает литературу рубежа XIX–XX веков, которая сейчас по-новому оценивается литературоведами и общественностью. Эта книга – надежный проводник в лабиринте художественных образов и символов А. Белого, замечательного писателя-интеллектуала.

Е. М. Крадожён,
кандидат филологических наук ©
Хабаровск

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Первый словарь разговорной лексики современного русского языка разрабатывается и будет издан в Германии (составители З. Кёстер-Тома и Е. Ром-Микарян). Это радует и огорчает одновременно. Радость понятна: словарь, потребность в котором так велика, наконец будет создан, огорчение же вызвано тем, что за задачу, которая так давно стоит перед русской лексикографией, отважились взяться наши зарубежные коллеги.

Факт создания такого словаря чрезвычайно важен. Наблюдаемое сейчас расширение влияния разговорной (в том числе сниженной) лексики на литературный язык не случайное явление — это одна из форм проявления естественного процесса демократизации литературного языка, который с большей или меньшей интенсивностью захватил литературные языки всех стран. Для осмысления сущности процессов, происходящих в литературном языке, необходимо привести в систему стихию разговорной речи, а это может быть осуществлено только в словаре. В этом теоретическое значение Словаря. Но он представляет большую ценность также и в практическом плане — читатели (или, как принято говорить в лексикографии, — «пользователи») словарей впервые получают описание лексики, которую ежедневно и повсеместно употребляют, но которая до сих пор лишь в самом незначительном своем объеме фиксировалась словарями.

Небольшой фрагмент Словаря, опубликованный во 2-м номере журнала «Русистика» за 1990 год, и предпосланная ему информационная справка, дают возможность представить тип и лексическое наполнение Словаря.

Словарь содержит 20000 заглавных слов, состоит из 4-х томов и выйдет в свет в 1991–94 гг. Объект его описания — разговорная лексика современного русского языка в самом широком диапазоне: городское просторечие, арго, жаргоны, заимствования, профессионализмы, диалектизмы — если они употребляются в обиходной речи и встречаются в художественных текстах и в публицистике.

В публикации приведены 18 словарных статей на букву «А»: *аварийка*, *автомат*, *агентесса*, *адидасы*, *алкоголотик*, *аяска*, *аяски*, *американка* (в 3-х значениях), *ан*, *аннушка*, *астрологиня*, *атомка*, *афган*, *афганец*, *аэродром*, *аэродромщик*. Все эти слова — новые для русской лексикографии: ни одно из них не попало пока в русские толковые словари (слово *аварийка* и первое значение слова *автомат* зафиксированы в справочнике «Новые слова и значения» соответственно 1984 и 1971 гг.).

Словарь дает достаточно разноаспектную информацию о слове. Приводится краткая грамматическая характеристика (в представленные материалы вошли только имена существительные, при которых, в соответствии с традициями русских словарей, указывается род и окончание родительного падежа). Далее следует характеристика слова с точки зрения его эмоциональной окраски и функциональной приуроченности, при этом сделана попытка разграничить эти типы оценок: пометы, показывающие эмоциональную окраску, приводятся перед толкованием (обычное место стилистических и функциональных помет в русских толковых словарях), а пометы функционального плана вынесены в справочную часть словарной статьи. Например, при слове *астрология* перед толкованием даны пометы «насмеш. ирон.», а после иллюстративного материала за знаком «тире» указывается сфера употребления: «жарг. школ.». Центральная содержательная часть словарной статьи — толкование — подтверждается развернутой цитатой (или двумя) с указанием на источник. В заключительной части при необходимости приводится словообразовательная модель (ср. при слове *аэродромщик*: — аэродром+щик), а в справочном отделе — этимология (ср. при слове *адидасы*: — от названия немецкой фирмы Adidas (собств. имя Adi Dassler).

Слова, употребляемые в разных значениях, соответственно разрабатываются как многозначные. Например, при слове *автомат* фиксируются четыре значения: 1. Кабина, в которой находится телефон-автомат. 2. Аппарат, выполняющий работу при помощи специального механизма. 3. О положительных оценках, отметках выставляемых автоматически, без соответствующей проверки знаний, навыков и т. п. студента, учащегося. 4. О чем-л., следующем непосредственно, сразу же, автоматически (употр. в форме тв. п., значение — наречное). Отметим, что ни одно из приведенных значений, широко известных русским и повсеместно употребляемых, не зафиксировано в наших толковых словарях, что объясняется неизбежной и обоснованной консервативностью словарей литературного языка. Это еще больше подтверждает необходимость и важность специального словаря разговорной лексики.

В случаях, когда лексические варианты одного и того же слова, по мнению авторов словаря, существенно разошлись и оторвались от общего «смысла», они оформляются как омонимы. Так описаны три омонима американка: 1. Спор. 2. Прачечная с автоматическими установками. 3. Что-л., сделанное в США.

При этом хотелось бы высказать и некоторые сомнения в отношении отдельных слов, представленных в журнальной публикации, которые представляются нам окказиональными (случай-

пыми, одноразовыми, авторскими употреблениями), ориентированными на «языковую игру» и не входящими в лексическую систему. К ним относятся слова *ан* в значении «анонимка», *агентесса*, *астрологиня*, *алкоглотик*. Ни одно из этих слов не нашло отражения в Большой картотеке Словарного отдела в Ленинграде, объем которой превышает 7 миллионов карточек. Заметим, что при этом в ней представлены слова *агентка* (3 карточки) и *агентша* (1 карточка).

Толкования слов в целом очень удачны: достаточно точны, полны и лаконичны, при этом важно, что типы толкований разнообразны. В зависимости от специфики фиксируемого значения применяются описательные толкования (ср.: Американка 1. Спор, пари, при котором проигравший должен исполнить любое желание, требование выигравшего); синонимические (ср. Астрологиня. Учительница, преподавательница астрономии); отсылочные (ср.: Атомка. То же, что атомная бомба).

Хотелось бы высказать пожелание сократить некоторые цитаты — избыточный контекст не способствует лучшему выявлению смысла слова, напротив, затрудняет его восприятие.

Собственно критическое замечание может быть отнесено только к стилистическим пометам, которые в некоторых случаях представляются нам неточными или даже искажающими устойчивую эмоциональную окраску слова. Едва ли оправданны пометы «ирон. насмеш.» при слове *агентесса* — оно образовано по активной модели (ср.: *стюардесса*, *чемпионесса*, *баронесса*, *патронесса*, *виконтесса*, *поэтесса* и т. п.) и не окрашено иронией и насмешкой. Не содержится уничижительности в слове *аэродромщик* («шофер такси, перевозящий пассажиров из одного аэропорта в другой»), поскольку уничижительность связана с представлениями о маленьком, мелком и ничтожном. Слово *аэродром* (о кепке большого размера...) употребляется скорее шутливо, чем насмешливо — ведь насмешка предполагает обидную или даже оскорбительную шутку и направлена обычно на человека, а не на предмет.

Работа еще не закончена. Мы знаем, как она мучительна и радостна одновременно. Поэтому от души приветствуем наших коллег из Берлина, дерзнувших взяться за такое трудное и важное дело, как создание Словаря русской разговорной лексики, и желаем им успеха.

Г. Н. Склярёвская,
доктор филологических наук
Заведующая Словарным отделом
ЛОИЯ АН СССР ©

«Родной язык и национальная культура»

В последнее время национально-языковые проблемы, будучи тесно связанными с трудностями в экономике, с обострением политических отношений внутри страны и в самих республиках, вышли на первый план в межнациональных отношениях. Всеобщее стремление к возрождению и развитию родных языков понятно: ведь каждый язык — это жизнь говорящего на нем народа.

Именно таким, заботливым, бережным, отношением к языкам нашей многонациональной страны — была проникнута работа первой всесоюзной конференции «Родной язык и национальная культура», проводившейся в конце января научно-общественным советом «Родной язык» при Советском фонде культуры и Академией наук СССР. В Звенигород, где проходила конференция, съехались представители Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, Красноярска, Владивостока, Оренбурга, Волгограда, Саратова, Симферополя и других городов и республик — всего более ста участников.

Открывая конференцию, член правления СФК, доктор филологических наук В. П. Нерознак отметил, что необходимость создания совета «Родной язык» в Советском фонде культуры была предопределена ростом общественного движения за возрождение родных языков в нашей стране.

Приветствуя участников конференции, первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры Г. В. Мясников высказал озабоченность состоянием современного русского языка, в частности его засоренностью в массовом употреблении жаргонами, нецензурщиной, чрезмерными иностранными заимствованиями, и призвал деятелей науки и культуры к конкретным делам, которые так необходимы для решения существующих проблем в этой важной области нашей жизни.

Как бы отвечая на этот призыв, председатель совета «Родной язык» доктор филологических наук И. С. Улуханов рассказал о задачах и деятельности этой недавно родившейся общественной формации, в которую входят представители крупнейших научных и учебных заведений страны — Институты русского языка и

языкознания АН СССР, МГУ, Педагогического университета, Института русского языка имени А. С. Пушкина, МОПИ и др. Научно-общественный совет «Родной язык» как составная часть Советского фонда культуры ставит своей задачей привлекать к проблемам языков, как русского, так и национальных, к повышению их культуры речи самые широкие круги общественности. Большой популярностью, например, в Москве пользуется лекторий по культуре речи, организованный советом в Доме ученых. Если в Фонд культуры поступят заявки от населения, учреждений, предприятий, учебных заведений и т. п., совет готов организовать такие циклы лекций в любом месте. «Мы намерены, — сказал И. С. Улуханов, — оказывать практическую помощь и школам в преподавании как русского, так и национальных языков — с точки зрения содержания программ и методики обучения».

Еще Пифагор говорил: «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык». Эта проблема в нынешних условиях встала со всей очевидностью перед некоренным населением в любой из республик. Действительно, равнодушие или пренебрежение к языку и обычаям нации, на земле которой ты живешь — это признак низкой культуры. Однако в большинстве случаев стремление людей овладеть национальными языками наталкивается на отсутствие соответствующих учебников, пособий, разговорников, курсов и т. п. Совет «Родной язык» готов и здесь оказать содействие, в частности методическую помощь в преподавании национальных языков русскому населению.

Известно, что отношение к языку свидетельствует о степени культуры и образованности человека, глубине его внутреннего мира.

«Язык — основа культуры нации, народа, — подчеркнул в своем выступлении академик Д. Н. Шмелев. — Во все времена крупные писатели, ученые, государственные деятели выступали против засорения и коверкания языка. И сейчас нас не может не беспокоить низкий уровень парламентской речи, средств массовой информации, их неумеренное увлечение иностранными словечками и стремление к разному роду «красивостям». Говоря о роли ученых в процессе возрождения и обогащения языков, Д. Н. Шмелев высказал мысль, что каждый язык формирует картину мира, определенные особенности восприятия. В этом смысле интересно сопоставление языков — и здесь у советских лингвистов очень большие возможности.

«Язык и культура связаны многочисленными нитями», — так начал свой доклад «Взаимосвязь и взаимообусловленность языка

и культуры» заместитель председателя совета «Родной язык» доктор филологических наук М. И. Исаев. В теоретическом плане докладчик говорил об ограниченном характере бытующей формулы «Язык является формулой культуры». В практическом отношении была подчеркнута необходимость одновременного развития и культуры языка человека, и его общей культуры.

Можно понять озабоченность тех, кто хочет сохранить свой национальный язык, свою культуру. Однако едва ли было бы правильным идти к этой цели путем административно-командных мер. Опыт показывает, что в национальном вопросе метод администрирования — плохой помощник.

Сейчас повсеместно принимаются законы о языках. Однако экономическая нестабильность, недостаточно высокий уровень общей и законодательной культуры служат неблагоприятным фоном для попыток правового урегулирования языковой практики, а это очень часто ведет к дальнейшему осложнению национально-языковых отношений в стране.

Профессор В. Ю. Михальченко отметила наиболее типичные недостатки большинства законов о языках: игнорирование объективных потребностей языковой действительности, в частности необходимости языкового единения многонационального государства; ущемление конституционных прав некоренного населения на свободное применение родных языков; нереальность сроков реализации законов, поспешность их проведения в жизнь без достаточного материального обеспечения (словари, самоучители, курсы по изучению языков и др.); недостаточная разъяснительная и пропагандистская работа среди населения, особенно некоренного.

В. Н. Белоусов, заведующий отделом Института русского языка АН СССР, в своем выступлении подтвердил наблюдения В. Ю. Михальченко: «Недоработанные специалистами законы не ведут к стабилизации в многонациональном обществе», — сказал он.

Особое место в работе конференции заняло обсуждение культурной и языковой ситуации в республиках. В основном речь в докладах шла о проблемах функционирования и взаимодействия языков и культуры в условиях национально-русского двуязычия. С интересными сообщениями по этим проблемам выступили А. П. Евдошенко (Кишинев), Л. А. Шеляховская (Алма-Ата), О. Н. Назаров (Ашхабад), Р. О. Орлова (Элиста) и др.

Большая часть конференции была посвящена вопросам культуры речи, культуры общения. Горячую дискуссию вызвали такие доклады, как «Духовная жизнь общества и состояние языка

(по материалам прессы 90-х годов)» (Г. Н. Скляревская, Ленинград), «Экология языка в контексте экологии культуры» (А. П. Сквородников, Красноярск), «Роль печатного слова и школы в нормировании и развитии родных языков» (М. В. Дьячков, Москва), «Языковая политика, культура общения, культура языка» (Э. А. Григорян, Москва), «Культура родной речи: теория и практика» (Е. Н. Ширяев, Москва), «Статус языка и культура речи» (О. Б. Сиротинина, Саратов) и др.

В заключение своей работы конференция «Родной язык и национальная культура» обратилась к журналистам, деятелям культуры, искусства, просвещения, ко всем учреждениям, заинтересованным в успешном развитии национально-культурных процессов в стране, с призывом оказывать всяческое содействие инициативам, направленным на благо развития национальных языков и культур. «Мы уверены, — говорится в Обращении, — что объединенными усилиями деятеля культуры, представители всех слоев нашей интеллигенции могут и должны внести свой вклад в развитие языковой культуры советского многонационального общества».

Н. А. Ревенская ©

Вниманию читателей!

В 1992 году предполагается выход в свет книги И. И. Степанченко «Трудные случаи русской орфографии и пунктуации: алгоритмы, схемы, упражнения». Объем — 10 п. л. Ориентировочная цена — 2 р. 50 к.

Книга представляет собой пособие для самостоятельной работы учащихся, в котором наиболее трудные частотные случаи русского правописания представлены в виде схем и алгоритмов (отдельные алгоритмы публиковались автором в ж. «Русская речь» — 1988, № 4; 1990, № 1 и др.). Рассматриваются варианты расстановки знаков препинания, связанные со смыслом высказывания. Пособие можно использовать в старших классах средней школы, при подготовке к вступительным экзаменам в вуз, а также на первых курсах филологических факультетов университетов и педагогических институтов.

Заказы принимаются по адресу: 310078, Харьков, ул. Чернышевского, д. 60. ХГПИ им. Г. С. Сквороды, кафедра общего и русского языкознания.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

**Нидерландско-русский
фразеологический словарь**
В. О. Белоусова и Д. О. Добровольского

Малое предприятие «Синапс» при Институте русского языка АН СССР готовит к изданию в первом квартале 1992 года «Нидерландско-русский фразеологический словарь».

Словарь содержит около 8000 нидерландских фразеологизмов с их русскими эквивалентами. Это наиболее полное собрание нидерландской фразеологии, впервые предлагаемое читателю. Словарь является не только первым справочным изданием, сопоставляющим нидерландскую и русскую фразеологию, но и первым двуязычным фразеологическим словарем, в котором нидерландские идиомы представлены в полном объеме. Данный словарь превышает объем всех имеющих толковых одноязычных словарей нидерландской фразеологии и содержит вспомогательные указатели, обеспечивающие удобный доступ к нужному фразеологизму. В приложении дается краткий очерк грамматики нидерландского языка.

Словарь адресован изучающим нидерландский язык, студентам-филологам, преподавателям, филологам-германистам, специалистам в области общего языкознания и словарного дела, переводчикам и читателям классической и современной литературы на нидерландском языке, а также нидерландцам, изучающим русский язык или работающим с русским языком.

Заказы на словарь просьба посылать по адресу:

121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Институт русского языка АН СССР, «Синапс»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

В 1983 г. на 16-й полосе «Литературной газеты» были помещены «Рассказы об Иванцове» Эдуарда Дворкина из Ленинграда. Вот один из них.

ПИРОГ

Жена поручила Иванцову испечь пирог и ушла на работу.

«Успею», — подумал Иванцов и принялся решать сложный заграничный тест.

Через некоторое время жена позвонила по телефону.

— Что делаешь? — спросила она.

— Возжусь с тестом, — честно ответил ей Иванцов.

Как вы думаете, удалось мужу обмануть жену?

Ответ:

Удалось только в том случае, если он недостаточно владеет нормами литературного произношения. Если же Иванцов произносит слово *тест* так, как рекомендуется в нормативных словарях, т. е. [тэ]ст, жена должна была сразу понять, что муж занят отнюдь не пирогом.

* * *

Найдите одну и ту же лексическую ошибку в двух следующих случаях:

Мальчик принес домой грязную собаку и с трудом упрямил маму ее не выгонять. Для начала собаку решили вымыть. «Вода в ванной была вся черная, а собачонка оказалась белой, не красавица, но вполне нормальная» (Эд. Поляновский. Шла собака по шоссе... // Известия. 1987. 29 нояб.);

«Некоторое время назад администрация „Клуба ДС“ сделала сенсационное открытие, установив, что свое знаменитое „Эврика!“ (в переводе с древнего „Я нашел!“) Архимед воскликнул, не вылезая из ванной, как полагали раньше, а влезая в нее» (В. Веселовский. Не кричите „Эврика!“, сидя в...» // Лит. газета. 1980, 14 мая).

Ответ.

Если вода в *ванной* даже не черная, а прозрачная и чистая, это — чепе! Тут не беленькой собачкой надо любоваться, а срочно звонить в аварийную службу. А вот в *ванне* даже черная вода не страшна...

Что же касается Архимеда, то свое победоносное восклицание он издал, выскакивая не из ванной комнаты, а из «большого продолговатого сосуда для купанья», т. е. из *ванны*.

Итак, никогда не путайте слова *ванна* и *ванная*, если не хотите попасть в смешное положение, как процитированные авторы!

Н. А. Еськова,
кандидат филологических наук

Номер оформили художники: *Н. Беланов, С. Жагин, В. Леонов, М. Симонова, Е. Чуканова* ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ;

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА,
В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕВ,
Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ,
И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора),
Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ,
Е. Е. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
В. А. Леонов
Корректоры
В. В. Беллев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.04.91
Подписано к печати 30.05.91
Формат бумаги 84×108/32
Бумага типографская № 1
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,6
Усл. кр.-отт. 249,7 тыс.
Уч. изд. л. 9,0. Бум. л. 2,5.
Тираж 29 000
Заказ 1355. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Адрес редакции 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон 202-65-25
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6